

300-летию со дня рождения
великого русского ученого и поэта
Михаила Васильевича Ломоносова
посвящается

П. С. Ефименко

ОБЫЧАИ И ВЕРОВАНИЯ КРЕСТЬЯН АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

МОСКВА • 2008

Содержание

«Самодельный этнограф»: жизнь и научная деятельность Петра Саввича Ефименко

Научные занятия древней и новой, т. е. современной, этнографией предпочитаю всякого рода другим занятиям и их только ставлю целью своей жизни...

Из письма П. С. Ефименко
к Д. П. Европеусу от 12 сентября 1871 г.

В 1877 году Этнографическим отделом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете была издана первая часть двухтомной работы «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименко». В предисловии председатель Этнографического отдела профессор Н. А. Попов, редактировавший книгу, так писал о ее научной ценности: «Составить общее этнографическое описание русского населения Архангельской губернии по вышеупомянутым материалам, собирание которых относилось к 1864–1869 годам, не представлялось возможным, ибо эти материалы касались не всей губернии, а лишь некоторых уездов ее, иные же только некоторых селений; немалая часть их представляла сведения отрывочные и неполные, а некоторыми уже воспользовался П. С. Ефименко для своего исследования о народных юридических обычаях. <...> Таким образом, настоящий выпуск не представляет собой какого-либо исследования по этнографии русского населения Архангельской губернии, но только материал для него» [Ефименко 1877: VII].

В этом отзыве известного дореволюционного этнографа чувствуется досада: очевидно, что его раздражает неполнота и отрывочность публикуемых материалов, на основе которых невозможно сделать полноценное этнографическое исследование. Все эти недостатки Н. А. Попов мог бы объяснить тем, что составителем «Материалов» был не профессиональный ученый, а этнограф-самоучка, не закончивший университета и собиравший материал для своей книги во время политической ссылки в Архангельскую губернию. К работам такого рода любителей в то время было принято относиться со снисхождением.

Однако за прошедшие с момента издания книги 130 лет отношение к ней резко изменилось. В наши дни двухтомник, составленный П. С. Ефименко, признан одним из ценнейших собраний фольклорных и этнографических материалов Русского Севера, без ссылок на него не обходится ни одна серьезная научная работа по духовной культуре северорусских крестьян. Почему отношение к научным работам П. С. Ефименко так поменялось? Что именно привлекает в его трудах современных читателей? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно поближе познакомиться с непростой биографией ученого.

* * *

Как это ни удивительно, Петр Саввич Ефименко, чьи основные работы связаны с культурой Русского Севера, в детстве не умел говорить по-русски. Он родился в 1835 году в Бердянском уезде Таврической губернии и провел детство на уединенном украинском хуторе около Мелитополя, где, по собственным воспоминаниям, рос «под теми же исключительно воспитательными влияниями, под какими живут крестьянские дети: впечатления природы и хуторской свободы, народные песни и сказки, общество пастухов и батраков» [Автобиография 1978: 96]. Родители его были из местного крестьянства. Отец пошел служить в армию вместо брата, принимал активное участие в военной кампании 1812 года и даже участвовал во взятии Парижа. Во время службы он выучился грамоте, так что, вернувшись из армии, стал работать местным чиновником и дослужился до должности городничего города Ногайска.

Желая, чтобы Петр получил хорошее образование, родители сперва отдали его в сельскую школу, а затем отвезли в Симферополь, где стали готовить к поступлению в Екатеринославскую гимназию. О периоде обучения в гимназии П. С. Ефименко впоследствии отзывался критически: хотя там он в совершенстве освоил русский язык, учеба мало что дала ему в области «гуманного воспитания». Исключение составляло творчество Тараса Шевченко, воодушевившее его заняться собиранием народной словесности: «В шестом классе попалась мне случайно в руки книга, которая произвела на меня потрясающее впечатление, отразившееся на всей моей дальнейшей жизни: эта книга — «Кобзарь» Шевченко, над которым я пролил потоки слез. Единственно под влиянием этой книги я начал при первом же приезде домой на каникулы записывать народные песни, пословицы, заклинания и проч. Таким образом, вышел из меня самодельный украинский народник и этнограф» [Автобиография 1978: 96].

Глубокий интерес к народной культуре побудил молодого Петра Ефименко в 1855 году поступить в Харьковский университет на отделение словесности. На вступительном экзамене профессор русской словесности А. Л. Метлинский, сам увлекавшийся изучением народной культуры, узнав о крестьянском происхождении абитуриента, посоветовал ему собирать этнографический материал и был очень обрадован, узнав, что Петр уже этим занимается.

Учеба в университете сыграло огромную роль в судьбе молодого человека. В первый же год обучения Петр Ефименко начал принимать активное участие в деятельности нескольких тайных студенческих обществ, что в дальнейшем привело его к аресту и многолетней ссылке. В своей автобиографии П. С. Ефименко вспоминал, как он пришел к оппозиционной деятельности: «Случилось мне прожить несколько месяцев в Мелитополе в то время, когда через этот город возвращались остатки крымской армии. В нашем доме останавливались офицеры, крайне недовольные, раздраженные, которые распространяли вокруг себя отрицательное отношение к нашим порядкам и мысль о необходимости крупных реформ. С тех пор я стал отыскивать в университете товарищей, солидарных со мною по взглядам и стремлениям» [Автобиография 1978: 97].

Сначала П. С. Ефименко участвовал в деятельности студенческого кружка, изучавшего украинскую историю и культуру, однако вскоре кружок распался, а библиотека украинских книг, собранных им, досталась будущему ученому. В 1856 году студенты Петр Ефименко и Яков Бекман создали тайное общество, целью которого было изменить существующий строй в России на республиканский. Главным методом борьбы была выбрана революционная пропаганда в народе: участники кружка собирали и переписывали запрещенные сочинения (например, работы А. И. Герцена), писали и распространяли по городу политические прокламации и пародии на манифест об окончании Восточной войны.

Петр Ефименко также создал еще одно тайное студенческое общество, которое получило название «Пасквильный комитет». Его члены составили для распространения в студенческой среде обличительный документ на бывшего харьковского генерал-губернатора С. А. Кокошкина, считавшего основой всякого обучения муштру и сожалевшего о том, что в университете нет специальной кафедры «дисциплины» [Разумова 1954: 28]. Подпольные собрания тайного общества нередко проходили на квартире у Петра Ефименко, он активно участвовал в их работе, писал обличительные прокламации и ночью тайно разбрасывал их по городу.

Хотя специалисты по революционному движению середины XIX века считали харьковский кружок одной из самых активных студенческих тайных организаций [Лемке 1908; Глинский 1913; Свинцова 1952], сам П. С. Ефименко в зрелые годы писал о деятельности харьковского общества довольно иронически: «Наш кружок, которому еще так новы были тайны бытия, счел необходимым дать себе организацию: она была увековечена одним из наших товарищей в своем дневнике. Через три года, когда мы все уже были в разброде, случайно попался в руки начальства этот дневник, из-за чего я и пострадал в числе десяти человек» [Автобиография 1978: 97].

Впрочем, до раскрытия харьковского тайного кружка и ареста его участников в жизни молодого Петра Ефименко произошло еще несколько важных событий. В 1858 году он был отчислен из университета за участие в студенческих беспоряд-

ках. Причиной волнений стал конфликт между несколькими студентами и попечителем Катакази, оскорбившим их. Когда в результате этого конфликта студенты были отчислены из университета, их товарищи провели сходку, на которой решили прекратить слушание лекций, при этом 38 студентов подали прошение об увольнении [Краткий очерк 1906: 163–164]. Среди тех, кто после этой «истории» был исключен из Харьковского университета, оказался и Петр Ефименко.

Большинство исключенных студентов поехали продолжать образование в Киев или Казань, а П. С. Ефименко определился в Московский университет, где довольно быстро вступил в другое студенческое общество — кружок «вертепников». Организатором кружка был Павел Николаевич Рыбников, который впоследствии вошел в историю науки как первооткрыватель былинной поэзии на Русском Севере. Главным предметом интереса «вертепников» стала политика и народная культура. Члены общества собирались на заседания, называвшиеся «вертепами», в квартире П. Н. Рыбникова, читали и обсуждали запрещенную литературу, а также вели дебаты о политике, о крестьянской общине, об изучении народной культуры и т. п. [Разумова 1954: 22–26]. Нередко «вертепники» приглашали на свои заседания для участия в диспутах известных славянофилов. Вот как вспоминал об этом П. С. Ефименко: «Я учился год в Москве, где посещал известный тогда кружок студента П. Рыбникова (будущего известного этнографа) с социалистическо-западническими тенденциями, куда к нам, молодежи, приходили все известные московские славянофилы для дебатов: из них на меня особенное впечатление производил своим энтузиазмом К. С. Аксаков» [Автобиография 1978: 97].

Одной из основных форм политической деятельности «вертепники» считали «хождения в народ». Они были убеждены, что тесное общение с простыми крестьянами, с одной стороны, помогает сблизиться с народом, понять его чаяния, с другой стороны, позволяет вести политическую пропаганду, подталкивать крестьянство к активной борьбе за свои права. Важную роль в этой деятельности играла собирательская работа: «вертепники» считали, что изучение крестьянской жизни (в том числе сбор этнографических и фольклорных материалов) позволя-

ет лучше понять народ, поэтому во время летних студенческих каникул многие из них разъезжались по деревням, где записывали фольклорные песни и предания, изучали сельский быт и т. п. [Разумова 1954: 32].

Основатель кружка «вертепников» П. Н. Рыбников зимой 1859 года ездил по Черниговской губернии. Официальной целью его визита было собирание сведений о состоянии промышленности Черниговского края для «Вестника промышленности», однако на самом деле большую часть времени он общался с местными крестьянами, особое внимание уделяя старообрядцам. С первых дней пребывания П. Н. Рыбникова в Черниговской губернии за ним был установлен секретный полицейский надзор. Особые подозрения слежки вызвал тот факт, что приезжий переодевался в крестьянское платье, чтобы вызывать большее доверие у местных жителей. В феврале 1859 года П. Н. Рыбников был арестован и вскоре отправлен в ссылку в Петрозаводск, столицу Олонецкой губернии. Впрочем, в ссылке бывший студент продолжал собирать фольклорный материал и именно там сделал первые записи былин, которые принесли ему громкую славу (подробнее см.: [Разумова 1954: 43–74; Разумова 1989]).

Примерно в это же время путешествовал по Черниговской губернии и Петр Ефименко. После года обучения в Московском университете он отчислился «по состоянию здоровья» и отправился на Украину для знакомства с культурой и историей местного крестьянства. Первоначально работа молодого собирателя проходила более успешно, чем у его единомышленника П. Н. Рыбникова. От местных крестьян Петру Ефименко удалось записать интересные фольклорные материалы, часть из которых он смог на протяжении 1859 года опубликовать в «Черниговских губернских ведомостях». По этим первым публикациям виден круг интересов ученого: он печатает украинские пословицы и поговорки (№ 6–13; 31–33), обрядовые песни (№ 15), заговоры (№ 25), юридические акты (№ 24, 26, 34), народные поверья, связанные с волками (№ 23).

К сожалению, научная работа на Украине была недолгой. В конце 1859 года злополучный дневник харьковского тайного кружка попал в руки начальства, и началось расследование,

в ходе которого было принято решение арестовать участников кружка. П. С. Ефименко арестовали в Киеве и в феврале 1860 года отправили в Санкт-Петербург, где во время расследования четыре месяца содержали в Алексеевском равелине. Особое внимание следователей привлек тот факт, что среди членов харьковского тайного кружка Петр Ефименко имел прозвище Царедавенко. Однако во время допроса выяснилось, что это прозвище свидетельствует вовсе не о планах молодого студента «удавить» царя. Как объяснил допрашиваемый, Царедавенко — это общее прозвище семьи Ефименко, «так называли в насмешку его предков, из коих один был задавлен в поле сыном царенного сторожа, охраняющего засеянные хлебом поля» [Разумова 1954: 30]. По завершении следствия Петр Ефименко был признан виновным в «противоправительственной деятельности», после чего отправлен в ссылку в Пермскую губернию.

В Перми П. С. Ефименко прожил меньше года, однако и за это время успел отставить заметный след в общественно-политической жизни края. Еще до его приезда в Перми существовал тайный политический кружок, состоящий из преподавателей местной семинарии (многие из которых также были ссыльными). Основная деятельность кружка заключалась в распространении и обсуждении запрещенной литературы. Попав в Пермь, ссыльный П. С. Ефименко незамедлительно вступил в кружок и, используя свой харьковский опыт, развернул активную пропагандистскую деятельность. Под его руководством кружок стал проводить литературные вечера, где обсуждали актуальные общественно-политические вопросы, семинаристы начали выпускать рукописные журналы, в которых критиковали местную систему образования.

Показательно, что общественно-политическая деятельность пермского тайного кружка была тесно связана с изучением народной культуры. В библиотеке одного из лидеров кружка А. Н. Иконникова находилась редакция «Пермского сборника» — издания, в котором в 1859–1860 гг. активно публиковались этнографические и краеведческие материалы. П. С. Ефименко не публиковал статей в «Пермском сборнике», однако в 1861 году в журнале «Основа» издал легенды, записанные в Перми от казаков оренбургского войска. В дальнейшем он

планировал написать большую работу о быте оренбургских казаков, но этим планам не суждено было сбыться.

Весной 1861 года пермская полиция обнаружила, что среди пермских семинаристов распространяется рукописное сочинение «Послание старца Кондратия». В этой рукописи, умело стилизованной под «послание святого отца», сообщалось, что царь является Антихристом, «начальником лжи», который отнимает народную волю, разжигает национальную и социальную рознь. «Послание старца Кондратия», остроумно использовавшее традицию рукописного распространения религиозных текстов в прицерковной среде, было написано в 1854 году соратником Герцена В. А. Энгельсоном и в том же году напечатано в Лондоне. В Пермь этот текст привез из Петербурга один из преподавателей семинарии.

В связи с распространением «рукописи возмутительного содержания» в Перми была учреждена следственная комиссия, которая должна была установить, кто именно копировал «Послание». Комиссии удалось установить, что два экземпляра рукописи имели хождение в городе Красноуфимске, куда всего за два месяца до этого был отправлен на должность столоначальника в уездный суд ссыльный Петр Ефименко. Сопоставив эти факты, комиссия пришла к выводу, что П. С. Ефименко является одним из главных распространителей запрещенных сочинений в Пермском крае: «Губернатор с некоторым опозданием сожалел, что Ефименко не был направлен в более отдаленное место для ссылки, и характеризовал его как ярого зачинщика свободомыслия в Перми» [Разумова 1954: 78]. В день присяги на верность службе П. С. Ефименко, по распоряжению министра внутренних дел, был арестован и отправлен в Архангельскую губернию.

* * *

Годы ссылки в Архангельской губернии стали периодом наиболее активной научной работы П. С. Ефименко. В это время он в значительной степени отошел от политики и стремился всё свободное время посвятить изучению этнографии и истории местного края. Однако положение ссыльного сильно ограни-

чивало его возможности: по распоряжению министра внутренних дел Петр Саввич не имел права жить в губернском городе (то есть в Архангельске), поэтому первоначально его отправили на проживание в уездный город Онегу на должность писца земского суда, а в январе 1863 года перевели в город Холмогоры писцом при полиции и, чуть позднее, дворянским заседателем при уездном суде.

В свободное от работы время П. С. Ефименко собирал этнографические материалы — к этой деятельности его привлек сам губернатор: «В Архангельске, куда меня привезли в 1861 году из Красноуфимска, я был очень любезно встречен местным губернатором Арендаренком (автором историко-этнографического описания Полтавской губ.), который обещал хлопотать о моем освобождении, советовал тем временем заниматься в глуши изучением народной жизни» [Автобиография 1978: 97–98].

Первоначально ученый думал продолжить изучение украинской духовной культуры. В письме в Литературный фонд от 6 июля 1862 года П. С. Ефименко пишет: «...Я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой исходатайствовать мне вспомоществование из литературного фонда. Моя фамилия Ефименко. Я студент Харьковского университета, высланный под надзор полиции сначала в Пермскую губернию по делу студентов Завадского, Бекмана и других, а потом в Архангельскую „по подозрению в известности мне рукописи под названием «Послания старца Кондратия»“. В течение двухлетней ссылки я окончательно потерял свое здоровье. Средств для жизни никаких не имею, кроме незначительного содержания от правительства. Я занимался и занимаюсь южнорусской этнографией и мифологией. Статьи мои по этой части помещались в Черниговских и Полтавских губернских ведомостях и в журнале „Основа“»[1].

Таким образом, пробыв в Архангельской губернии больше года, П. С. Ефименко продолжал еще считать себя исследовате-

---

[1] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 438. Литературный фонд. Ед. хр. 11. Письмо П. С. Ефименко. Л. 366–367. Пользуясь случаем, автор статьи выражает глубокую благодарность Наталье Комелиной за помощь в поиске и наборе неопубликованных писем П. С. Ефименко из архивов Санкт-Петербурга.

лем Украины. Его горячий патриотизм по отношению к родному югу не раз отмечали исследователи. Так, А. Н. Пыпин, цитируя некоего биографа, замечал, что «но и по происхождению, и по характеру, и по вкусам Петр Саввич — южанин, и, только попав снова на юг, в Воронеж, Самару, Чернигов и, наконец, Харьков, он почувствовал себя в своей тарелке» [Пыпин 1891: 347–348]. Однако в северной ссылке П. С. Ефименко был лишен возможности исследовать украинскую народную культуру, поэтому вскоре начал изучать жизнь и быт архангельских крестьян. Но хорошее знание украинских народных традиций помогало ученому в его научной работе, почти во всех своих ранних статьях о культуре Русского Севера он использовал для сравнения малорусские материалы.

Работа по изучению народной жизни архангельских крестьян сильно осложнялась из-за запрета на поездки за пределы города и общение с крестьянами. Почти все годы архангельской ссылки П. С. Ефименко находился под тайным полицейским надзором. А. П. Разумова, подробно исследовавшая биографию ученого, использовала в своей работе хранящееся в Архангельском областном архиве дело «О высылке под надзор полиции студента П. С. Ефименко», из которого следует, что в 1866 году местная полиция усилила надзор за ссыльным, так как «было замечено, что он принялся писать просьбы крестьянам, передает их другим для переписки, чтобы скрыть свои неблаговидные действия» [Разумова 1954: 85].

В том же деле хранится донесение о «возмутительном» поведении ссыльного П. С. Ефименко при общении с местными чиновниками: «Однажды на семейном вечере местного почтмейстера Громова среди собравшегося чиновничества стали распространяться портреты Комиссарова-Костромского стоимостью 35 копеек. Многие из присутствующих приобретали „защитника царя“, но Ефименко отказался, сказав при этом: „Подождем, когда будет стоить 10 копеек“. И тут же изъявил согласие приобрести портрет Каракозова, предложив рубль серебром» [Разумова 1954: 85]. Разумеется, после подобного поступка местная полиция решила еще тщательнее досматривать корреспонденцию ссыльного и усилила общий надзор.

В условиях постоянной слежки П. С. Ефименко практически был лишен возможности самостоятельно собирать фольклорные и этнографические материалы, однако он смог организовать их сбор другими лицами. В этой работе огромную поддержку ему оказал украинский этнограф П. П. Чубинский, который также отбывал ссылку в Архангельской губернии. Его положение было лучше, чем у Ефименко: он считался более благонадежным, поэтому жил в Архангельске, имел свободу передвижения и работал секретарем статистического комитета, что позволяло ему активно заниматься научной работой. После того как в 1863 году П. П. Чубинский начал работать в статистическом комитете, эта организация стала активно заниматься этнографическим изучением Архангельской губернии. Материалы по истории, этнографии и духовной культуре края стали систематически публиковаться в «Трудах Архангельского статистического комитета», в «Памятных книжках Архангельской губернии» и на страницах «Архангельских губернских ведомостей», где П. П. Чубинский некоторое время работал редактором.

Сотрудничество П. С. Ефименко с Архангельским статистическим комитетом началось сразу же после того, как там начал работать П. П. Чубинский. Уже несколько месяцев спустя в «Памятной книжке Архангельской губернии на 1864 год» были опубликованы сразу три большие работы Ефименко: «Памятники языка и народной словесности, записанные в Архангельской губернии», «Демонология жителей Архангельской губернии» и «Икота и икотницы». Ученый мечтал переехать в Архангельск и работать в статистическом комитете, занимаясь этнографическим изучением губернии, однако неоднократные прошения об этом на имя министра внутренних дел П. А. Валуева каждый раз отклонялись. Тем не менее, даже находясь под наблюдением в Холмогорах, П. С. Ефименко активно сотрудничал со статистическим обществом и фактически руководил сбором этнографических и фольклорных материалов.

В том же 1864 году в газете «Архангельские губернские ведомости» без подписи была напечатана «Программа по этнографии» — вопросник, по которому всем желающим было предложено собирать исторические, этнографические и фольклор-

ные материалы для дальнейшей передачи их в статистический комитет. Обработкой собранных по этой программе материалов занимался П. С. Ефименко; именно из этих записей он и составил впоследствии свой знаменитый труд «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии».

Кстати, благодаря изданию «Программы по этнографии» П. С. Ефименко познакомился с будущей женой. Эта газетная публикация привлекла внимание молодой учительницы Холмогорского приходского училища Александры Ставровской. Решив заняться сбором материалов по этой программе, Александра весной 1865 года посетила торжественный вечер в честь юбилея Михаила Ломоносова, где П. С. Ефименко выступал с докладом. После торжественной части молодая учительница подошла к докладчику, чтобы познакомиться и расспросить, как лучше осуществлять сбор этнографических материалов. Это была первая встреча будущих супругов [Марков 1966: 13–14].

До знакомства с П. С. Ефименко Александра Ставровская никогда не занималась наукой, однако всегда интересовалась местной культурой и краем. Петр Саввич стал не только ее мужем, но и своего рода научным руководителем: под его влиянием она начала составлять диалектологический словарь архангельского говора, отдельные материалы которого были опубликованы в 1870 году в «Архангельских губернских ведомостях». В дальнейшем ученица превзошла своего учителя: после того как в 1876 году супруги переехали на Украину, Александра Яковлевна серьезно занялась изучением украинской истории, написала по этой теме несколько крупных работ (включая двухтомную «Историю украинского народа») и стала первой женщиной в российской науке, получившей ученую степень доктора истории (подробнее см.: [Марков 1966]). Есть некоторая ирония судьбы в том, что украинец Петр Ефименко прославился как исследователь народной культуры Русского Севера, а его жена, родившаяся в Кольском уезде Архангельской губернии, со временем стала выдающимся историком Украины.

Петр Ефименко и Александра Ставровская вступили в брак только в феврале 1870 года. Задержка со свадьбой была вызвана серьезными финансовыми затруднениями: Петр Саввич очень тяжело переносил суровый северный климат и посто-

яино болел (он страдал от катара желудка и от наследственного нервного заболевания), из-за чего вынужден был в 1867 году оставить гражданскую службу, продолжая получать от правительства лишь несколько рублей в месяц. На эти деньги он не мог содержать семью, а Александра Яковлевна боялась, что после свадьбы ей как жене ссыльного будет запрещено преподавать в училище. Опасения оказались оправданными: когда П. С. Ефименко обратился к начальству с просьбой разрешить ему брак с А. Я. Ставровской, министр внутренних дел ответил, что в таком случае последняя не сможет больше заниматься воспитанием детей в училище [Марков 1966: 15].

После свадьбы Александра Яковлевна Ефименко (Ставровская) лишилась работы и жалования, за ней был установлен полицейский надзор, ее корреспонденция вскрывалась, а выезд за пределы Холмогор без специального разрешения был запрещен: фактически она, как и Петр Саввич, оказалась в положении ссыльной. Даже для того, чтобы навестить в Архангельске больную мать, А. Я. Ефименко была вынуждена по несколько недель вести переписку с полицейским управлением, чтобы получить официальное разрешение [Марков 1966: 15–17]

П. С. Ефименко, страдающий от болезней и финансовых проблем, пытался поправить свое положение, активно занимаясь наукой. Скромные гонорары, которые платил за публикации Архангельский статистический комитет, помогали хоть как-то сводить концы с концами. При этом круг научных интересов ученого был чрезвычайно широк, впоследствии в автобиографии он писал: «Все продолжительное мое пребывание на Севере я занимался изучением народной жизни, не специализируясь ни на какой отдельной ее стороне, а интересуясь всей совокупностью ее явлений, поскольку они были мне доступны. Таким образом, в круг моих собираний входили материалы и этнографические, и филологические, и исторические, обычно-правовые, экономические» [Автобиография 1978: 98]. Среди крупных работ П. С. Ефименко того времени можно назвать книги «Заволоцкая чудь» (1869) и «Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии» (1869), которые были выпущены все тем же Архангельским статистическим комитетом.

К сожалению, в 1869 году из Архангельска уехал П. П. Чубинский, активно поддерживавший этнографическое направление в деятельности статистического комитета, в изданиях которого с этого времени перестали выходить работы П. С. Ефименко. Можно предположить, что именно из-за того, что новое начальство статистического комитета прохладно относилось к изучению народной культуры, так и осталась неизданной книга «Описание Архангельской губернии в историческом, экономическом и этнографическом отношениях», этнографическую часть которой готовил П. С. Ефименко. Посылая в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ОЛЕАЭ) материалы, оставшиеся после этого нереализованного проекта, ученый писал, что «описание Архангельской губернии и издание его не состоялось по недостатку материальных средств комитета и по другим причинам»[2]. Именно из этих оставшихся записей и были впоследствии составлены знаменитые «Материалы по этнографии крестьянского населения Архангельской губернии».

Следует отметить, что дружеские отношения между двумя учеными, познакомившимися во время архангельской ссылки, сохранялись долгие годы. В рукописном отделе ИРЛИ РАН находится письмо П. С. Ефименко к П. П. Чубинскому от 28 ноября 1876 года[3], в котором ученый просит коллегу помочь оказать протекцию перед новым начальством, предлагает обменяться новыми книгами и обсуждает идею совместного научного сборника по истории и культуре Малороссии. Судя по стилю письма, ученые состояли в дружеской переписке долгие годы. А в 1884 году, когда П. П. Чубинский умер, П. С. Ефименко подготовил для журнала «Киевская старина» посмертный библиографический указатель трудов своего товарища.

---

[2] Научный архив Института этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая (далее — НА ИЭА). Ф. ОЛЕАЭ. Д. 415. Письмо П. С. Ефименко в ОЛЕАЭ от 18 декабря 1874 года. Автор выражает глубокую благодарность за помощь в работе заведующему научным архивом ИЭА Дмитрию Вадцорову.

[3] Рукописный отдел Института русской литературы РАН (далее — РО ИРЛИ). Ф. 166. Арх. Л. Н. Майкова. Оп. 5. № 278.

Лишившись возможности публиковать свои работы в изданиях Архангельского статистического общества, Петр Саввич начал активнее сотрудничать с московскими и петербургскими научными обществами. Так, например, он стал посылать свои работы в Русское географическое общество, в научных «Записках» которого позднее были опубликованы три его статьи: «О Яриле, языческом божестве древних славян» (1869), «Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии» (1873), «Договор найма пастухов» (1878). Впоследствии П. С. Ефименко был избран действующим членом этого общества и даже был награжден серебряной и золотой медалью за свои работы.

Ряд своих работ ссыльный ученый посылал и в Московское археологическое общество, из них были опубликованы статьи «О древностях Архангельской губернии» (1871) и «Старинные гребенки в Прионежском уезде Архангельской губернии» (1874). В сентябре 1871 года П. С. Ефименко отправил письмо известному финскому археологу Д. П. Европеусу, который написал благожелательную рецензию на книгу «Заволоцкая чудь». В письме ученый рассказывает о том, что собирается обратиться к председателю Московского археологического общества Уварову с просьбой ходатайствовать об изменении своего положения, и так описывает возможную область своих научных занятий: «Заниматься исследованием монументальных памятников: курганов, городищ и проч. я бы мог; для этого не нужно большой подготовки, которая была бы мне не по силам; равно мог бы заниматься собранием нерусских названий местностей при помощи словарей финских языков. Что касается до архивов, то я и теперь рассматриваю целых три местных архива. Научные изыскания – это моя стихия. Нет ли между Вашими знакомыми людьми науки лиц настолько влиятельных, чтобы они, обратив внимание на мою готовность к научным изысканиям на Крайнем Севере, могли что-нибудь сделать для удовлетворения моим научным стремлениям? Если есть, будьте столь добры, напишите им обо мне»[4].

В том же письме Петр Саввич жалуется на бедственное материальное положение и подробно описывает тяготы сво-

---

[4] РО ИРЛИ. Ф. 152. Арх. П. И. Лерха. № 108.

ей жизни в ссылке: «Я еще Вам не писал, что я не добровольный жилец Севера, но невольный. 10 лет тому назад я сослан сюда административным порядком под полицейский надзор, по политическим делам; и таким образом прикреплен к определенной местности, к одному уездному городу. Сначала имел должность заседателя уездного суда, а с 1867 г. живу без гражд. службы, получаю (вдвоем с женой) 8 руб. сер. в месяц от казны и несколько рублей зарабатываю своими литерат. трудами от Арх. стат. комитета. Часто должен исполнять своими руками все тяжелые и легкие работы по хозяйству, приготовлению пищи и проч. При такой обстановке не много поделаешь, при всем желании сделать что-либо на пользу науки. Одно из средств выйти из моего положения — это или протекция какого-нибудь влиятельного лица, или получение какого-либо предложения от ученого общества, вроде командировки, для научных изысканий. Но до сих пор я не имел ни того ни другого»[5].

К сожалению, попытка получить постоянное жалование от какого-либо научного общества потерпела крах. Впрочем, в последние годы жизни на Севере П. С. Ефименко получал небольшую денежную помощь от «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», куда он обращался за помощью еще в 1862 году [Разумова 1954: 87; Марков 1966: 17]. В суровом северном климате состояние здоровья ученого постепенно ухудшалось, поэтому супруги Ефименко регулярно подавали ходатайства в министерство внутренних дел с просьбой разрешить им переехать в одну из южных губерний. В ноябре 1872 года разрешение наконец было получено, семье ученого дозволили переехать на местожительство в Воронежскую губернию. В декабре того же года Петр и Александра Ефименко выехали из Архангельска на юг, однако до Воронежа им удалось добраться лишь в октябре 1873 года, так как пришлось на несколько месяцев задержаться в Ярославле из-за бюрократических проблем и ухудшения здоровья у Петра Саввича. Больному ученому было не суждено больше вернуться в Архангельскую губернию, изучению которой он отдал столь-

[5] РО ИРЛИ. Ф. 152. Арх. П. И. Лерха. № 108.

ко сил и здоровья, однако издание его главного труда о народной культуре Русского Севера был еще впереди.

* * *

В Воронеже П. С. Ефименко получил должность чиновника особых поручений при местной казенной палате, главным его занятием стало «собирание и разработка местных торговых юридических обычаев». Обычное право русских крестьян давно интересовало Петра Саввича, этой теме было посвящена его небольшая книжка, вышедшая в 1869 году в Архангельске, а также ряд статей, написанных на северорусском материале: «Семья архангельского крестьянина по обычному праву» (1873), «Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии» (1873), «Юридические знаки» (1874). Наконец-то ученый мог заниматься интересующей его темой и при этом получать казенное жалование.

По материалам, собранным в Воронеже, П. С. Ефименко в 1880 году опубликовал в журнале «Юридический вестник» две статьи: «Договор купли-продажи» и «Договор найма купеческих приказчиков». Среди его фольклористических работ того времени следует выделить изданный им в 1874 году небольшой «Сборник малороссийских заклинаний», который являлся одной из первых научных публикаций украинских заговоров.

В то же время ученый не оставлял идеи вернуться к этнографическому изучению Русского Севера. В апреле 1874 года он написал из Воронежа письмо Л. Н. Майкову, имевшему отношение к Этнографическому отделению Русского географического общества. В этом письме П. С. Ефименко выразил желание принять участие в долгосрочной исследовательской экспедиции но сбору этнографического материала на территории Архангельской губернии: «По моему мнению, изучение и систематическое описание отдельных губерний наиболее всего соответствовало целям Этнографического отделения. <...> Для этого ему, конечно, следовало бы отправить в избранную губернию одного или несколько человек специалистов, обязав их не только собрать на месте необходимые данные

и сгруппировать все те материалы, которыми уже располагает Общество, — и те, которые уже были где бы то ни было обнародованы о губернии, — но и сделать по ним этнографическое описание губернии. Мне бы казалось, что Отделению следовало бы начать свой опыт с самой отдаленнейшей губернии, мало известной, но [5 букв — нрзб]вляющей чрезвычайно много особенного и интересного, именно с Архангельской. В таком случае, я бы с полнейшею готовностью взял на себя этот труд. Это для меня было бы тем удобнее, что я уже и теперь имею в своих руках массу разнородных этногр. сведений об Арханг. губ. (с большею частью которых не знаю, что и делать) и хорошо знаком с литературой губернии. Систематическое изучение и описание губерний, конечно, было бы целесообразнее, нежели назначение кратковременных поездок на север и проч., которые делались Обществом. <...> Если мой план может оказаться удобоприемлемым, то я готов свое предложение развить пообстоятельнее и представить на благоусмотрение Отделения, но прежде всего, конечно, должен узнать Ваше мнение на этот счет»[6]. Предложение, высказанное П. С. Ефименко, так и не было поддержано Обществом, вероятнее всего из-за недостатка средств на такого рода экспедиции.

В процитированном письме ученый упоминает о хранящихся у него разнородных этнографических сведениях об Архангельской губернии, с которыми он «не знает, что и делать». Речь шла об архангельских материалах, собранных по этнографической программе из «Архангельских губернских ведомостей» собирателями-любителями в 1864–1869 гг. На самом деле П. С. Ефименко в своем письме Л. Н. Майкову немного лукавил: некоторые соображения о том, что делать с имеющимися записями, у него были. В начале 1874 года он уже послал половину своих материалов (главным образом фольклорные записи) в Этнографический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ОЛЕАЭ). В декабре того же года он отправил туда же и все имеющиеся у него этнографические

[6] РО ИРЛИ. Архив Л. Н. Майкова Ф. 166. Оп. 3. № 435.

материалы с просьбой публиковать их в совокупности. Именно из этих записей и будут составлены знаменитые «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии», выпущенные Обществом в 1877–1878 гг.

В 1876 году супруги Ефименко наконец-то были освобождены от надзора царской полиции и получили свободу передвижения и местожительства. Так для Петра Саввича наконец-то закончилась ссылка, длившаяся более 15 лет. В том же году семья Ефименко покинула Воронеж, ненадолго поселилась в Саратове, где П. С. Ефименко работал секретарем губернского статистического комитета, а затем переехала в Чернигов.

О своей работе в Чернигове Петр Ефименко очень подробно писал в письме П. П. Чубинскому от 28 ноября 1876 года: «В Чернигове я при губернаторе Дарагане служил чиновником особых поручений по раскольничьим делам (есть тут такая специальная должность). Но как ныне раскольники ведут себя добропорядочно и никаких дел не совершают, то мне было поручено Дараганом: во-первых, разрабатывать находящийся при губернском правлении богатый материалом для истории внутренней жизни Малороссии архив Малороссийской коллегии, во-вторых, составлять для губернского по крестьян. делам присутствия (с целью издания) сборник решений волостных судов Черниг. губ. с очерком юридич. обычаев, по книгам решений волост. судов и договоров, доставленных из волостных правлений, третье — постоянно участвовать в Особом прибавлении к Черниг. губ. вед. статьями по истории, статистике, этнографии и т. п. и четвертое — составлять указатель всех источников для изучения Черниг. губер. (это для статистич. комитета)»[7]. К сожалению, не всем этим планам суждено было реализоваться, так как в 1879 году семья Ефименко переехала в Харьков. Впрочем, за несколько лет жизни в Чернигове П. С. Ефименко успел опубликовать ряд исторических и статистико-экономических статей в «Особом приложении» к «Черниговским губернским ведомостям» и в «Земском сборнике».

---

[7] РО ИРЛИ. Ф. 166. Арх. Л. Н. Майкова. Оп. 5. № 278.

В Харькове семья Ефименко жила до 1907 года. Петр Саввич сперва работал в Харьковской подкомиссии по исследованию железнодорожного дела, затем был уездным земским статистиком, секретарем Губернского статистического комитета и, наконец, членом-оценщиком харьковского отделения Дворянского земельного банка. Кроме того, с 1884 по 1887 гг. ученый составлял и редактировал «Харьковский календарь», издаваемый Статистическим комитетом, открыл в нем литературно-научный раздел, а затем обособил его в отдельный «Харьковский сборник» (1887). В это же время он пишет ряд небольших статей по украинской мифологии и суевериям для журнала «Киевская старина». В 1883 году ученый послал в ОЛЕАЭ собранные им материалы по обычному праву Крайнего Севера Европейской России, три года спустя он отправил в Общество письмо с вопросом, правдив ли слух о том, что эти материалы готовятся к изданию[8], — однако впоследствии эта информация не подтвердилась.

В конце 1880-х годов состояние здоровья П. С. Ефименко стало постепенно ухудшаться. Он уже не мог в полную силу заниматься наукой и был вынужден лишь помогать жене, подбирая архивные материалы для ее научной работы. В это время академическая карьера Александры Яковлевны Ефименко, напротив, идет в гору. Громкую известность на Украине ей приносят полемические статьи «Малорусский язык в народной школе» (1880) и «По поводу украинофильства» (1881), где она горячо защищает украинскую культуру и призывает разрешить преподавание в школе на украинском языке. В 1884 году выходит сборник статей А. Я. Ефименко «Исследование народной жизни», написанный по материалам, которые она собирала совместно с мужем.

К началу 1900-х годов жизнь семьи Ефименко резко ухудшилась. Нервная болезнь Петра Саввича усиливалась, с ним часто случались страшные припадки, которые так сказывались на его умственном состоянии, что он не мог заниматься никаким самостоятельным трудом. К сожалению, болезнь оказалась наследственной, вскоре она проявилась у дочерей Петра Саввича Александры и Веры, которые попали в психиатриче-

[8] НА ИЭА. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 414.

скую лечебницу, где через недолгое время скончались [Марков 1961: 24]. У супругов Ефименко осталось трое детей: дочь Татьяна и сыновья Тарас и Петр.

Так как Петр Саввич из-за болезни не мог работать, все средства, на которые жила семья, состояли из гонораров за статьи и книги Александры Яковлевны. В 1907 году она получила предложение читать лекции по истории Украины на Высших Бестужевских женских курсах в Петербурге, приняла предложение и переехала в столицу вместе с мужем и дочерью Татьяной (старшие сыновья в это время жили отдельно). Весной 1908 года Петр Саввич Ефименко скончался в Санкт-Петербурге после долгих лет борьбы с тяжелой болезнью.

Дальнейшая жизнь некоторых членов его семьи была крайне драматичной. Александра Яковлевна продолжила заниматься украинской историей, в 1910 году Харьковский университет присвоил ей степень доктора истории, а совет факультета Высших женских курсов возвел ее в ранг профессора. Ее дочь Татьяна Петровна Ефименко жила с матерью в Петербурге, в юности начала увлекаться поэзией и в 1916 году выпустила сборник стихов «Жадное сердце», который был высоко оценен современниками. Однако Татьяне Ефименко не суждено было стать знаменитой поэтессой Серебряного века. В конце 1917 года, когда Высшие женские курсы были закрыты и Александра Яковлевна лишилась работы, она вместе с дочерью снова переехала на Украину, где и жила на небольшом хуторе недалеко от города Волчанска Харьковской губернии. Во время смуты гражданской войны в ночь с 17 на 18 декабря 1918 года Александра Яковлевна Ефименко и ее дочь Татьяна были убиты ворвавшимися на хутор бандитами.

Более удачно сложилась судьба сыновей П. С. Ефименко. Старший сын Тарас Петрович в юности увлекался этнографией, а после революции работал юрисконсультом сначала в Малом Совнаркоме, а затем в Украинском полпредстве в Москве. Младший сын Петр Петрович Ефименко продолжил дело родителей, став известным советским ученым-археологом, академиком АН Украины (1945), некоторое время он даже возглавлял Институт археологии АН Украины. Подробнее о жизни ученого см.: [Формозов 2002].

* * *

История «самодельного этнографа» Петра Саввича Ефименко — это история нереализованных возможностей. Очевидно, что, если бы в его жизни не было ссылки и многолетней тяжелой болезни, он мог бы добиться более крупных научных успехов. Для современников он остался этнографом второго ряда, многие считали его не ученым, а лишь талантливым «собирателем древностей». Действительно, большинство его работ имеют не аналитический, а описательный характер, хотя даже по тому, как он структурировал и излагал собранный материал, видно, что у него были свои научные взгляды, достаточно новаторские для своего времени.

Так, например, А. П. Разумова, анализируя отдельные замечания и высказывания П. С. Ефименко, касающиеся изучения народной мифологии, отмечала, что ученый очень точно и жестко критиковал господствующие тогда в науке положения мифологической школы и планировал написать большую работу, а в этой работе рассматривались бы «законы, по которым развивались верования всех народов на свете». В рамках подготовки к этому монументальному труду он написал статьи «Краткий исторический очерк восточнославянской мифологии» и «Заклинания жителей Архангельской губернии», которые, к сожалению, не сохранились, как и все другие его неопубликованные работы [Разумова 1954: 119].

Если о достоинствах Ефименко-ученого приходится судить преимущественно по косвенным сведениям, то заслуги Ефименко-собирателя очевидны всем, кто интересуется традиционной культурой. Во второй половине XIX века к сбору фольклорных и этнографических материалов относились менее серьезно, чем в наши дни, считалось, что это всего лишь подготовка к «настоящей» научной работе. Однако время показало, что научные концепции имеют обыкновение быстро устаревать, в то время как качественно собранные полевые материалы всегда актуальны и постоянно привлекают внимание исследователей. Именно этим объясняется переоценка творческого наследия П. С. Ефименко, произошедшая за последние сто с лишним лет. Когда «Материалы по этнографии» впервые увидели свет,

народная культура находилась в таком цветущем состоянии, что казалось, что подобные записи мог бы сделать любой желающий. В наши дни, когда большинство из описанных ученым явлений вышло из живого бытования, ценность, а порой и уникальность его материалов стала очевидна.

Среди записей, опубликованных в «Материалах по этнографии» (II том), огромную ценность представляют записи былин (именно после сборника П. С. Ефименко стало известно о существовании очага былинной поэзии на севере Архангельской губернии), народных песен (коллекция из сборника была в то время одной из самых полных), свадебных обрядов, пословиц и поговорок. Много лет ученый интересовался заговорами и народной медициной, опубликованные им «собрания заклинаний» являются исключительно обширными и разнообразными по подбору текстов. Огромную ценность имеют собранные П. С. Ефименко сведения о мифологических верованиях крестьян, а его работы о юридических обычаях крестьян и вовсе не имеют аналогов по богатству материала.

Можно еще долго рассуждать о значении трудов П. С. Ефименко для отечественной этнографии, но важно и то, что опубликованные им материалы представляют огромный интерес для широкого круга современных читателей, мало интересующихся актуальными проблемами российской гуманитарной науки. Из книг и статей ученого любой человек может узнать, как жили наши предки полтора столетия назад: где они жили, что ели, как отмечали праздники, какие песни пели, как лечили болезни. Современному читателю отдельные места из работ П. С. Ефименко могут показаться наивными или даже смешными (особенно это касается описания физических свойств жителей Архангельской губернии из первой главы «Материалов по этнографии»). Но даже в этих фрагментах есть свое неповторимое обаяние, ведь в них о жизни и быте архангельских крестьян рассказывается не сухим ученым слогом, а простым живым языком заинтересованного наблюдателя.

Избранные работы этнографа Петра Саввича Ефименко повторно печатаются спустя 130 лет с момента выхода «Материалов по этнографии русского населения Архангельской губернии» и ровно через 100 лет после смерти ученого. Хотелось бы

надеяться, что его труды вызовут заслуженный интерес у всех, кто интересуется народной культурой и хочет знать больше об обычаях и верованиях крестьян Архангельской губернии.

Список литературы

Автобиография 1978 — Петр Саввич Ефименко: (автобиогр. заметки) // Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 96–100.

Глинский 1913 — *Глинский Б. Б.* Революционный период русской истории 1861–1881 гг. Исторические очерки. СПб., 1913.

Ефименко 1877 — *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта. М., 1877. (Труды этнографического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете; Кн. 5, вып. 1).

Краткий очерк 1906 — Краткий очерк истории Харьковского университета. Харьков, 1906.

Лемке 1908 — *Лемке М. К.* Очерки освободительного движения 60-х годов. По неизданным документам. СПб., 1908.

Марков 1966 — *Марков П. Г.* А. Я. Ефименко — историк Украины. Киев, 1966.

Пыпин 1891 — *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. II. СПб., 1891.

Разумова 1954 — *Разумова А. П.* Из истории русской фольклористики: П. Н. Рыбников. П. С. Ефименко. М.; Л., 1954.

Разумова 1989 — *Разумова И. А.* П. Н. Рыбников // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. Петрозаводск, 1989. С. 9–43.

Свинцова 1952 — *Свинцова М. П.* Студенчество в русском революционно-демократическом движении периода революционных ситуаций (конец 1850-х — начало 1860-х годов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1952.

Формозов 2002 — *Формозов А. А.* О Петре Петровиче Ефименко: (Материалы к биографии) // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 3. М., 2002. С. 72–127.

М. Д. Алексеевский

Текстологические замечания

Труды Петра Саввича Ефименко, замечательного этнографа, статистика, архивиста, специалиста по всем *областям народной жизни*, как он сам себя называл, переиздаются впервые после 130-летнего перерыва. Настоящее издание включает статьи, написанные во время архангельской ссылки (с конца 1860-х до середины 1870-х гг.) и объединенные в книгу «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Часть 1».

Полное библиографическое описание источников, по которым печатаются тексты, находится в «Библиографии трудов П. С. Ефименко». Тексты подверглись минимальной редакторской и корректорской правке, а также незначительным сокращениям в случае повторов. Написание названий народов приведено в соответствии с современной орфографией.

Огромное количество информации, представляющее собой первое в русской науке настолько подробное научное описание Архангельской губернии, никогда не могло бы быть собрано одним человеком, если бы П. С. Ефименко и П. П. Чубинский не рассылали программы по этнографии, в первую очередь через «Архангельские губернские ведомости», на которые получали развернутые (иногда просто громадного объема) ответы от своих корреспондентов. Петр Саввич компилировал их, добавлял собственные наблюдения и рассуждения. Таким образом, отличить в оригинальном издании выдержку из письма корреспондента, сообщившего свои наблюдения, от собственных

наблюдений Ефименко непросто. Чтобы читатель не запутался в этой системе, то такая *информация от местных корреспондентов* оформляется как *цитата*, а сами корреспонденты внесены в список литературы.

В собрании П.С. Ефименко, как и во многих научных изданиях того времени, отсутствовали *ссылки на литературу* в привычном нам понимании. Так, например, Карамзин именовался «Отец истории» и т. д. Все библиографические ссылки на литературу и источники, включая номера страниц в цитатах, по возможности восстановлены и оформлены в квадратных скобках [].

Очевидные *опечатки* исправлены везде, кроме текстов, которые Ефименко цитировал по архивным источникам.

Замечания в сносках сделаны либо самим Петром Саввичем, либо председателем Этнографического отдела Императорского русского географического общества Н. А. Поповым (с пометой *прим. ред.*, хотя и не во всех случаях).

Все этнографические описания Ефименко сделаны по церковным приходам. Список приходов с установленными (в случаях, где это было возможно) соответствиями современным географическим и административным наименованиям можно найти в конце данного издания.

Пользуясь случаем, хочу выразить свою благодарность профессору Поморского университета (г. Архангельск) Н. В. Дранниковой, чьи комментарии к CD-изданию трудов П. С. Ефименко очень помогли мне в моей работе при подготовке этой книги; а также ведущему научному сотруднику Института славяноведения РАН Е. Е. Левкиевской и заведующему лабораторией фольклора РГГУ А. Б. Морозу за ценные подсказки и замечания.

А. С. Архипова

Глава I[1]

Общие сведения о населении

Из каких мест получены сведения? — Тулгасский приход. — Село Усть-Пуй. — Курейско-Сергиевский приход. — Хаврогорский приход. — Челмоходский приход. — Кехотский приход. — Лисестровские селения. — Поселки на Зимнем Берегу. — Сумский посад. — Сведения топографические и исторические об этих местностях. — Пинежский уезд. — Физические свойства русского населения поименованных частей Архангельской губернии.

Почти каждое описание какого-либо села и приписанных к нему деревень, составленное местным священником и вошедшее в сборник сведений, доставленных в Общество любителей естествознания П. С. Ефименко, имеет вид исторической записки о приходе того или другого села. Немногие, однако же, из этих описаний излагают подробно сведения, каких обыкновенно требует программа таких записок. Особенно подробно описаны топография и постепенное заселение Хаврогорского и Лисестровского приходов. Другие описания короче, и некоторые ограничиваются самыми краткими сведениями о количестве поселков в приходы и о числе жителей в них. Подробнее всего обыкновенно говорится о приходских церквах и их исто-

[1] Полное библиографическое описание источника, по которому печатается данный текст, см. в «Библиографии трудов П. С. Ефименко». — *Прим. ред.*

рии, причем нередко приводятся в копии жалованные грамоты, сохранившиеся в этих церквах. Из всех этих сведений мы выбираем здесь лишь те, которые прямо касаются какой-либо местности и ее населения, ограничиваясь в историческом отношении наиболее важными известиями[2].

Эти топографические сведения касаются лишь тех местностей, из которых имеется и самый этнографический материал, сообщаемый в следующих главах.

Тулгасский приход[3] составляет частичку Архангельской губернии, частицу Шенкурского уезда и часть Кургоминской волости. Он лежит по левому берегу реки Северной Двины и получил свое название от речки, среди него протекающей, берущей начало из болот и озер Тулгаса, прежде Тунгала. О начале и населении этого прихода письменных документов не имеется, что видно из памятной книги, находящейся в Тулгасской церкви, а некоторые из старожилов повествуют: «Якобы они слышали от своих предков, что прежде сего в сем приходе на горе, от ныне построенных церквей в полуверсте, был монастырь, жили в нем старцы, и была церковь во имя Св. Живоначальной Троицы». Но почему и как монастырь тот рушился, также и церковь Троицкая, о том ничего не известно. Надобно думать, что сей приход начат не так давно и населен жителями, которые пришли сюда из разных мест. По господствующим фамилиям тулгасских жителей надобно предполагать, что они произошли не от чуди, а от новгородцев. Господствующие фамилии следующие: Гагарины, Кутейниковы, Степановские, Киткины, Ракитины, Скорняковы и Востряковы.

Весь Тулгасский приход разделяется на две части: верхний и нижний концы, отделенные один от другого речкою Тулгасом. Верхним концом называются у жителей два села: Большое

---

[2] Копии с жалованных грамот вместе с другими историческими материалами, касающимися Архангельской епархии и присланными П. С. Ефименко в Общество любителей Естествознания, переданы, согласно его желанию, в Московское общество истории и древностей российских.

[3] Современное описание уездов и приходов здесь и далее см. в приложении «Список приходов». — *Прим. ред.*

Копеваловское (по-уличному — Гагаршина) и Малое Копеваловское, или Кезминское (Бор), и деревня Дмитриевская (Гледеново); нижним же — остальные четыре села: Степановское (город Ланско), Карповское (Транчиха), Нероновское и Булановское, и три деревни: Масловская, Труфановская и Сысоевская (Степаниха). Первое село и последняя деревня получили свои уличные названия от фамилий их жителей: в первом живут исключительно Гагарины, а в последней Степановские. О причинах уличных названий остальных сел и деревень предание ничего не говорит. Отчего протекающая через Тулгасский приход речка Тулгас, прежде Тунгал, имела и получила свое название, также неизвестно. В окрестностях этого прихода курганов, городищ и других урочищ нет и, вероятно, не было, потому что народ не имеет никакого предания о них.

Церквей в Тулгасском приходе две одноэтажных: теплая — во имя св. священномученика Климента папы Римского (25 ноября), а холодная во имя священномученика Власия епископа Севастийского (11 февраля); одна колокольня и две часовни. Все означенные здания деревянные. Церковь во имя священномученика Климента, как записано в памятной книге, «построена в 1780 году иждивением и радением местных крестьян на месте сгоревшей в 1778 году и освящена, по благословению преосвященного Вениамина епископа Архангельского и Холмогорского, благочинным Кургоминского прихода священником Феодором Кутейниковым 1780 года ноября в 26 день».

Церковь во имя свящ. Власия, как написано в той же памятной книге, «построена в 1795 году на месте сгоревшей в 1778 году по указу и благословению преосвященного Вениамина и освящена того же 1795 года июля 6 дня. Антиминс на полотне подписан преосвященным Иоасафом 1762 года индикта 1-го, месяца декабря в 18 день».

Часовни отстоят от церквей: одна в четырех верстах, другая в двух. Первая — Происхождение честных древ, «построена в 1702 г. во время путешествия блаженной памяти Государя Императора Петра по Двине-реке и в Архангельск, за несносною погодою остановившегося под тою горою со своими судами, где стоит часовня. Самим Императором сделан крест и срублена вместе с боярами, при нем бывшими, сия часовня, почему

и теперь называется она Царевою». Вторая, отстоящая в двух верстах, во имя Фрола и Лавра, построена недавно иждивением прихожан.

Село Усть-Пуя находится в Шенкурском уезде и отстоит на юго-запад в 50 верстах от уездного города Шенкурска. Название свое оно получило от того, что большинство деревень этого населения сосредоточено более или менее около устья так называемой речки Пуй, составляющей приток реки Ваги.

Когда и кем основана Усть-Пуя, положительно неизвестно. По письменным документам, хранящимся в церковной библиотеке упоминаемого селенья, можно полагать, однако же, что существование его очень давнее. В рукописном житии преподобного Варлаама Важеского, жившего в середине XV столетия, сему преподобному приписывается построение, по народному поверию, первой церкви сего селения во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Принимая при этом во внимание, что означенный храм не мог быть построен, если бы в то время не было здесь жителей и притом христиан, за очень вероятное можно полагать, что начало существования Усть-Пуйского селения восходит к концу XIV или началу XV столетия. Нерусские названия рек и деревень и темное народное предание свидетельствуют, что около здешней местности первоначально обитал народ нерусского происхождения. Вероятно, это был какой-либо народ финского племени, которое мало-помалу оттеснено было славянами за Волгу, Онежское озеро и другие места нынешней европейской северо-восточной России. А как Заволочье, в состав которого входила значительная часть Архангельской губернии, в том числе и пространство Шенкурского уезда, в XV веке принадлежало новгородским посадникам, то очень может быть, что новгородские выходцы переселялись сюда для промыслов, смешались с коренными здешними жителями, причем преобладающее влияние новгородцев, особенно христианства, много послужило к сближению двух разноплеменных народов.

Село Усть-Пуя разделяется на 11 деревень, названия которых следующие: Болкачевская, Палычинская, Рудинская, Пушевская, Митинская, Власовская, Садиловская-Порожская, Перегородская, Белавинская, Аксеновская и Барановская.

Почему они так называются, совершенно неизвестно. Только о Садиловской деревне достоверно известно, что прибавочное название Порожская произошло оттого, что протекающая близ той деревни река Вага у одного берега течет порогом. Некоторые из показанных деревень кроме помянутых названий на языке здешнего народа имеют еще свои особенные названия: например, деревня Митинская неизвестно почему почти всегда называется Дубининой, Перегородская — Пустою (вероятно, по малочисленности дворов и жителей), Белавинская — Мухиной, Аксеновская — Бокинской и Барановская — Седухиной.

В Усть-Пуе находятся две приходские церкви: одна во имя Рождества Пресвятой Богородицы, другая Рождества Христова, с приделами во имя святых: священномученика Власия и преподобного Варлаама Важеского. В рукописном житии последнего говорится, что он в числе прочих храмов «созда храм во имя пресвятыя Богородицы Честного ее Рождества, яже есть Усть-Пуй реки именуемой». Немного далее этого говорится, что преподобный все построенные его иждивением храмы — следовательно, и храм Пресвятыя Богородицы — «святыми иконами и книгами и свещами и кандилы устрой и украси».

Долго ли существовал созданный преподобным Варлаамом храм, достоверно не известно. На деревянном кресте, хранящемся в церкви и по настоящее время, есть надпись, в которой говорится уже о вновь построенном храме Рождества Богородицы, что он освящен в лето 7112 (1604) по благословению святейшего патриарха Иова Московского и всея Руси, при преосвященном митрополите Исидоре великого Новаграда и Великих Лук. Хотя достоверно ниоткуда не известно, который был по числу вновь освященный храм, однако ж с довольной вероятностью можно утверждать, что он явился на место построенного преподобным Варлаамом. По свидетельству неизвестного писателя жития преподобного Варлаама, этот преподобный построил означенный храм еще до поступления своего в монашество, в котором подвизался шесть лет и скончался в лето 6977 (1469). Следовательно, со времени кончины преподобного отца и до 1604 года, в котором освящен новопостроенный храм, протекло времени 135 лет. Тот же писатель в предисловии к упомянутому житию говорит о себе, что он не самовидец, но пишет

лишь то, что слышал от иноков обители преподобного, которые также не самовидцы, но сказали ему только слышанное от предшественников[4]. Из этого можно видеть, что писатель жития преподобного Варлаама жил много спустя после его смерти, по крайней мере, если не более, то никак не менее полустолетия. А этот же писатель в житии опять свидетельствует, что построенные Варлаамом храмы «стоят и доныне утвержены», то есть находятся в хорошем состоянии.

Теперь, если и построенный Варлаамом первый храм Рождества Богородицы, просуществовав с лишком 50 лет, находился еще в хорошем состоянии, — очень естественно, что в подобном же положении он мог просуществовать такое же количество лет, если даже не более; следовательно, мог достоять до первых лет XVII века.

В 1719 году церковь Рождества Богородицы — по ветхости и потому, что до того времени стояла на осыпистом берегу реки Ваги, — перенесена была несколько далее от той реки на более возвышенное и твердое место, и вновь построена, и в следующем году по благословению архиепископа Холмогорского и Важеского Варнавы освящена.

В 1794 и 1795 годах с разрешения преосвященного Вениамина, епископа Архангельского и Олонецкого, вместо освященной в 1720 году, но пришедшей в ветхость Рождественско-Богородицкой церкви иждивением мирского общества с помощью доброхотных подаяний и части церковной суммы построена новая церковь во имя того же праздника. В разные годы после этого до 1856 года церковь подвергаема была различным внутренним и внешним переменам.

Когда и кем первоначально построена в Усть-Пуе другая церковь Рождества Христова, о том ничего не известно ни из устных народных преданий, ни из письменных свидетельств. В первый раз о ней упоминается в так называемых выписях из

---

[4] В подлиннике это же самое передается так: «пишу же не самовидец быв аз таковым (жития и подвигов Варлаама), но еже слышах от инок святыя обители от оставших достоверных свидетелей блаженного кои, они не самовидцы же, но, от прежних отец слышавше, мне поведаше» (в конце 1 гл. «Жития...»).

дозорных книг и из сотных грамот древних веков. Особенно же из одной выписки[5] из таковых грамот видно, что храм Рождества Христова существовал еще до 1619 года. Основываясь на том, что в предыдущей выписке, раньше того времени писанной, такого же почти содержания, кроме того, что в ней не упоминается о бобылях и поп и дьячок наименованы иначе, — основываясь на том, что в этой же выписке говорится только о храме Рождества Богородицы, а о храме Рождества Христова не упоминается, можно предполагать, что последний начал существовать или с последних годов XVI, или в начале XVII столетия. По словам одной из последующих сотных грамот[6] можно также предполагать, что церковь Рождества Христова первоначально построена была преимущественно иждивением местных жителей тогдашнего времени. Долго ли стояла эта первоначально построенная церковь, по неимению никаких на то исторических данных определить трудно. По крайней мере, судя по прочности лесов тогдашнего времени, можно думать, что она была в состоянии просуществовать около столетия.

В 1712 году теплая Христорождественская церковь от зарону сгорела со всеми своими принадлежностями. В 1731 году, по грамоте преосвященного Варнавы, вместо сгоревшей выстроена новая церковь и освящена с разрешения архиепископа Германа. 1769 года с разрешения преосвященного Иосифа вместо ветхой церкви, построенной в 1731 году, по словам памятной церковной книги, на мирское иждивение и сбор христолюбческого подаяния построена новая церковь Рождества Христо-

---

[5] Вот что говорится в этой выписке из сотной древних веков: «На усть реки Пуй погост, а на погосте два храма: храм Рождества Христова, другой храм Рождества Богородицы, древянные (в), поп Иван Ильин (в), церковный дьячок Иван Михайлов (в), просвирница... на погосте же беспамятные бобыли». Далее следует перечисление бобылей и пустых дворов, а затем говорится: «И те дворы пожгли и людей побили литовские люди во 7127, по Р. Хр. 1619 году».

[6] Там говорится: «На усть реки Пуй погост, и на погосте храм — древян вверхъ, Рождество Христово, да другой храм, древян же, клетцки Рождество Пресвятые Богородицы, а в церквах образа, и книги, и сосуды церковные, и колокола мирское строение».

ва, в которой в ряд с престолом храмового праздника по левую сторону того устроен был придел во имя преподобного Варлаама Важеского.

В 1767 году вместо ветхой часовни во имя священномученика Власия, неизвестно где стоявшей, согласно прошению крестьян, первосвященным Вениамином дозволено было вверху церкви Рождества Христова устроить придельный храм священномученика Власия. А в 1841 году с дозволения епископа Георгия туда же перенесен был и придел во имя преподобного Варлаама и поставлен в ряд с приделом священномученика Власия, что производилось опять на счет мирского общества с пособием из церковной суммы.

Древних рукописей и документов, из коих бы можно было с достоверностью узнать о начале Курейско-Сергиевского прихода Холмогорского уезда, в архиве церковном нет. Из устных преданий известно, что место это издревле принадлежало Московской Сергиевской лавре с находящейся на нем деревянной во имя преподобного Сергия церковью. Здесь жили иноки лавры и собирали доходы от мирских вотчин в пользу ее. По отъезде же иноков в лавру (что последовало, надо полагать, в 1765 году по уничтожении монастырских вотчин) подворье это обращено в приходскую церковь с причислением от соседнего Сретенского прихода ближайших к церкви 4-х деревень с 40 дворами, в коих жильцов было: крестьян 142 муж., 149 женского пола — и посадских: 4 муж., 3 женских души. Но как церковь эта приходила в ветхость и назначалась к упразднению (разобрана в 1818 году), то в 1802 году указом консистории повелено соорудить новую церковь — каменную, и чтобы дать более при сооружении сей церкви, от Курейско-Сретенского к сему Сергиевскому приходу половинное число прихожан так, чтобы при обеих сих церквах было прихожан по равному числу.

Вследствие сего указа приписано еще семь деревень с 85 дворами, в коих было жителей 233 мужского, 252 женского пола, и тогда всех прихожан при сей Сергиевской церкви стало числиться 379 мужского, 404 женского пола. Усердием этих новых прихожан в 1804 году по благословении преосвященного Евлампия начата строением настоящая каменная

церковь с деревянной над папертью колокольней. И пожертвованием 2000 рублей ассигнациями Государем Императором Александром Павловичем на личную просьбу прихожан во время шествия Его из Холмогор в Архангельск через село Курью в 1819 году она совсем достроена, украшена и освящена в 1820 году. В память царских щедрот сооружена прихожанами икона Божией Матери со св. вел. князем Александром Невским в киоте и с подписью (на иконе): «Положена сия икона в церковь преподобного Сергия Радонежского Чудотворца в блаженную память Государя Императора Александра I за пожертвование Им в сию церковь на достройку и украшение (...) руб.». Престолов в церкви два — в холодной во имя Сергия Радонежского чудотворца и в приделе теплом во имя святого пророка Божия Илии. Церковь угодий никаких не имеет и содержится доброхотным подаянием своих прихожан. Коренные жители волости — финны, и есть семейства, которые считают себя выходцами Новгорода и Москвы около 1658 года во время чумы: Жаравовы, Томаковы, Корельские, Пономаревы и многие другие. В настоящее время в приходе числится домов 125, жителей мужского пола 320, женского 382 души. Они живут в 11 деревнях: Смольниковской, Шапинской, Побойской[7], Рогозинской, Подграйской, Подлесской, Пограйской, Афанасьевской, Ботовской, Подкрестной, Бобровой горе. Все эти деревни находятся в рассеянности — в расстоянии одна от другой не далее ¼ версты и, начинаясь от прежней трактовой дороги вниз по течению рек Курьи и Курополки, — по горам, простираются до границы Архангельского уезда на протяжении 6 верст.

Хаврогорский приход Холмогорского уезда расположен на протяжении 12 верст при реке Двине, на правом берегу по ее течению, от города Архангельска в 170 верстах.

Местоположение прихода по своей красоте, можно сказать, почти единственное в Елицкой окрестности. Приходская церковь с колокольней — деревянная, древней архитектуры, построенная в 1614 году, — стоит посередине всего прихода

---

[7] Есть предание, будто бы на месте, где стоит дер. Побойская, была битва у новгородцев с чудью, отчего и деревня эта удержала название Побоища. Местность благоприятствует битве.

в деревне Пескагорской, почему население прихода и получило разделение на два конца, верхний и нижний, имеющие равное расстояние от церкви, т. е. в 6 верст. Все почти деревни, которых в приходе 32, расположены *под гору* при реке Двине, кроме немногих отделившихся не далее как на полуверстное расстояние от реки.

Деревень в приходе 32 и жителей в них мужского пола 770, женского 884, все они вероисповедания православного.

Хаврогорский приход хотя стоит и на высоком берегу, но местоположение его болотистое, пресечен частыми ручьями и высокими горами, почему и служит предметом удивления для проплывающих по Двине, и высотою и крутизною гор с раскинутыми полями и деревнями на них доставляет взору приятный вид, особенно для путника, следующего по Московской дороге по противоположной стороне реки Двины.

Первоначально Хаврогорский приход по мирскому управлению принадлежал Кеврольской десятине, куда всякие мирские подати, а равно и церковные сборы были относимы, и оттуда получались всякого рода предписания; начало свое приход получил 1492 года, что видно из древних церковных описей, и более всего ясно и утвердительно доказывается это благословенной грамотой преосвященного Варлаама, митрополита Московского и всея России, год 7020 (1512), 30 марта, данного на Москве, в сходственность такового же соизволения на построение церкви в Хаврогорах, данного предместником его Симоном митрополитом; и засим то же самое доказывают подтвердительные грамоты: первая — Даниила митрополита всея России 7038 (1530) года 27 марта, и вторая — Макария митрополита всея России 7050 (1542) года 24 марта, данная на Москве. Все эти грамоты сохранились доныне.

Таким образом, в конце XV века построена прилежанием первая церковь во имя святого Иоанна Предтечи, в честь и память Его Рождества, на том самом месте, на котором стоит ныне существующая во имя того же святого[8].

---

[8] Окрестные жители левого берега реки Двины называли сию первую церковь Ивана Предтечи Задвинского; так и в духовных завещаниях писали.

Название Хаврогор, надобно полагать, произошло от высоких гор, но первоначальные слоги *Хавро* не сохранили о себе никакого предания. Первые обитатели Хаврогор были беглые и бродяги новгородские: они населились в XIV и в XV веках и избрали себе местом жительства Хаврогоры как место заречное, гористое, лесное и прилежащее к большим ручьям и дремучим лесам, и потому к укрывательству беглых и бродяг удобное и надежное. Первое занятие их было звериная и рыбная ловля. Они как бродяги разных мест, будучи без надзора и без всяких правил общежительства, чинили разбои в двух лесистых урочищах — Тордове и Немчинове. Они грабили проплывающие по Двине суда к Холмогорам, убивали и не боялись никакого преследования от начальства. Кроме беглых новгородцев были еще и собственно так называемые двинские жители — чудь; они были идолопоклонники, жили особо от новгородцев, удаляясь всегда от них. Предание указывает и самое место жительства чудского племени: они жили близ святого колодца, находящегося в полуверсте от церкви, на долине ровной; у них не было пеклых печей глиняных, а простые каменные, каковые ныне находятся в черных банях у крестьян; кроме сего, указывается и на кладбище дикого народа, жившего в древности на Двине в Хаврогорском приходе, ниже церкви в трех верстах, близ деревни, называемой ныне Карзловых (нерусское), находящейся близ Двины за ручьем, где высыпаются из горы человеческие кости необыкновенной против нынешнего народа величины. Но кто из жителей Хаврогор в настоящее время принадлежит к чудскому племени или новгородскому, сего по причине смешения сих племен между собой отличить нельзя, а можно только предполагать на том основании, что новгородское племя как коренные славяне в разговорном языке удерживают славянское окончание слов, что особенно заметно в употреблении двойственного числа — например: работали двоима, троима и т. п. Они же, в отличие от чудского племени, предприимчивы, ремесленны и решительны на все полезное, а последние — напротив и с некоторой причудливостью, почему их и называют иногда по выведенной пословице «чудими».

Жителей Хаврогор вообще всех именуют *бессчетными*, каковое наименование получено ими издавна по следующему

случаю. В торговый день четверток переправляясь через реку Двину на карбасе в село Елицкое, предки нынешних хаврогорцев были застигнуты на реке бурею, волнами карбас был опрокинут, и находившиеся в оном нотонули, кроме немногих спасшихся, которые с помощью других, отыскав погибших, не могли досчитаться до того числа людей, которые находились в карбасе. Всех их было 40 человек, а из погибших отыскали 50. Хаврогорцы, не довольствуясь тем, что 40 было, а 50 нашли, говорят: «Еще всё не все»; почему за незнание ими счета и дано им наименование *бессчетных,* каковое слово для хаврогорцев и служит упреком и порицанием от соседних окрестных жителей и известно населению большей части Холмогорского уезда.

В начале XVI века население Хаврогор значительно размножилось, что доказывается собственно христианской деятельностью: в 1597 году была прихожанами построена другая деревянная церковь, во имя Архистратига Михаила, теплая, на угоре близ реки Двины, у большого ручья пониже Предтеченской. На имя сих обеих церквей в половине XVI века (не далее 1570 года) отказаны крестьянами значительные в разных местах пахотные и сенокосные земли в вечное владение, коими Хаврогорская церковь и поныне пользуется беспрекословно по имеющимся на сие право неоспоримым документам. Всей сей земли пахотной и сенокосной 40 десятин 1842 сажени. Земля сия находится в разных участках: всех их пять, и от церкви отстоят самые дальние (в 5 верстах), а прочие прилежат ближе. Аренды за земли получается церковью 315 рублей, а в прежние годы до сего 1866 года, аренды вносимы были зерновым хлебом неравномерно и по условиям, заключаемым при торгах.

Первопостроенная Хаврогорская Предтеченская церковь стояла до 1614 года всего 122 года и за ветхостью была разобрана, и на том месте построена новая, ныне существующая, еще довольно прочная, снаружи и внутри обшитая половым тесом, на каменном фундаменте, который подведен в 1840 году; церковь сия одноглавая, высокая, корпусом круглая, первоначально была шатровая, но в 1849 году 23 июня бывшею в Хаврогорах бурей сильным ветром церковь сию значительно повредило, купол снесло, и не только крышу сорвало, но и сами бревна,

к которым она была прикреплена, по направлении ветра унесло на четверть версты. Иконы в сей церкви по своей древности и самый иконостас достойны внимания; они писаны в 1650 году, и хотя в 1861 году и были поновляемы по очернелости их, но древний тип вполне сохранен.

Челмохотский сельский приход Холмогорского уезда находится на правой стороне реки Северной Двины, 170 верст выше гор. Архангельска и 85 — от уездного города Холмогор.

Он разделяется на две половины лесными речками: сверху Пукшеньгой, берущей начало из болот Кеврольской дачи, со многими побочными речками, а снизу Челмохтой, от которой и называется. Приходские церкви стоят почти на середине прихода на ровном месте, имеющем песчаный грунт.

Приход весь занимает пространство в длину 10 верст, 6 вверх и 4 вниз, в ширину оно незначительно. С южной и юго-западной его стороны до реки Двины находится около полуверсты сенокосный луг, тянущийся подле Двины 6 верст и поросший кустарником ивы. С юго-восточной и северо-восточной хвойный лес и речка Челмохта, почему церкви со стороны кажутся зрителю окаймленными лесом или же в лесу, особенно с реки Двины.

Речка Челмохта от церквей, пересекая нижнюю часть деревень прихода, тянется между ими и лугом вдоль на 3 версты к северо-западу до предпоследней деревни, где впадает в реку Двину. Деревни стоят к северо-западу по течении речки на правой стороне на возвышенном месте. На левой — за речкой сенокосный луг, подле него течет Северная Двина. Сзади прихода и деревен, в близком расстоянии находится лес и сырые торфяные болота. Верхняя часть прихода, находящаяся к юго-востоку от церквей, через три версты леса на возвышенном месте, на правой стороне реки Северной Двины, разделяется лесной речкой Пукшеньгой, тут же впадающей в Двину.

Деревни верхние с трех сторон, кроме южной, окружены лесом и болотами. Деревни как в верхней, так и в нижней части прихода, одна от другой находятся в близком расстоянии и почти в продолговатом положении. Деревень небольших в приходе находится в верхней части всех 6 до речки Пукшеньги и 2 за ней. В нижней, кроме одной у церквей, — за Челмохтой 13, а всех

вообще в приходе 20; о названиях их будет далее. Названия их разные: есть и русские, но значения их объяснить оснований не находится. Первые жители, с достоверностью можно полагать, были новгородцы, поселившиеся через Олонецкую губернию или из оной, а в каком столетии и году — положительно неизвестно. Прозвания крестьян нынешних — большая часть Олонцевых, Федоровцевых, Богдановых, Клишевых и прочих, издавна ведущихся от выходцев, — доказывают подобные предположения, и тем более что по преданию известно, что первые жители обитали в лесах, по реке Пукшеньге, где и поныне есть еще, хотя весьма устарелые, признаки их жительства. Ремесло их, по рассказам, было грабеж по реке Двине на судах. Есть молва о кладе, будто бы находящемся около тех мест, и были попытки деланы к его отысканию, но тщетно.

Волости Челмохотская и Пукшенская. С которого времени начала существовать Челмохотская волость, достоверно неизвестно: по крайней мере, должно полагать, что с XVI или в XVII столетии, потому что самостоятельность Челмохотской волости и прихода последовала в начале XVII столетия, а именно 1638 года. До сего 1638 года Челмохотская и Пукшенская волости находились в зависимости и, вероятно, довольно времени по духовному управлению под Сийским приходом, по-местному — под Сийской, Хоробрицкой и Брилиноволоцкой волостями, и составляли одну сотню.

Челмохчане, завися более от сиян, платя им бывшие тогда повинности, отправляя мирские службы со стеснением и не имея при своей церкви священника, за которым для требоисправлений обращались в Сийский приход через реку Двину за 10, а с Пукшеньги за 16 верст, решились наконец отойти от сиян волостью и подали челобитную Царю и Великому князю Михаилу Феодоровичу, по которой 1638 году и отделились. Первая церковь была построена прихожанами 1639–1641 года по благословенно Афанасия, митрополита великого Новгорода и Великих Лук; тогда же переведен был к ней священник из Сийского прихода.

Ныне в этом приходе две деревянных, пятиглавых, на каменном фундаменте, в деревянной ограде церкви, с отдельной деревянной на столбах колокольней, обшитые все тесом. Первая

теплая, во имя Рождества Пресвятой Богородицы, построена в 1709–1711 гг. по грамоте Рафаила, архиепископа Холмогорского и Важеского, прихожанами вместо обветшалой, построенной в 1639–1641 годах.

Вторая церковь холодная, во имя св. великомученика Димитрия Солунского, с приделом праведного Прокопия Устюжского чудотворца, одноэтажная. Построена прихожанами 1681 года по грамоте Преосвященного Корнилия, митрополита Новгорода и Великих Лук, освящена по указу Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важеского 1685 года.

В постройках обеих церквей, как внешней, так и внутренней, особенного нет. Кто был архитектор, составлявший план церквам, — неизвестно, равно и иконописец, писавший в церквах иконы. Настенного письма, чудотворных икон, мощей и древностей нет. Плана и фасада не имеется, кроме копий с актов. Подлинных в церковном архиве не имеется, кроме копий с них, которые с подлинными сверены в должности секретаря архангельской консистории коллежским регистратором Петром Иконниковым. Церкви утварью, ризницею и книгами достаточны.

Ближайшие к церквам приходы

Холмогорский в 4, Сийский в 10 за рекою Двиною и Пингишенский в 12 верстах, по одной правой стороне, за речками Пукшеньгой и Пингишей. Сообщение с первым и третьим труднее второго, особенно в распутицу и летом — за ненахождением удобной дороги, кроме береговой подле реки Двины, и за перевозами.

Приписной церкви в приходе нет, а находятся две деревянных часовни. Первая, расстоянием от церквей в 3 верстах, во имя Святителя Модеста, построенная в 1722 году, по грамоте Варнавы, архиепископа Холмогорского и Важеского, находится в деревне Часовенской по случаю бывшего скотского падежа, почему с давних лет бывает в ней крестный ход из церкви 18 августа и 18 декабря. Вторая в верхней части прихода, в 4 верстах от церкви, во имя святого великомученика Георгия, построена по желанию прихожан 1717 года.

Кехотский приход расположен на левом берегу Двины, на половине пути между Архангельском и Холмогорами. Он занимает пространство на 6 верст от востока на запад и состоит из следующих деревень: Кехты, Сосниной горы, Чевакинской горы, Боровской и Островов.

Кехта – слово финское – сочная река или ленивая, то есть текущая тихо, без шума [АГВ 1853: № 5]. Кехтою называется несколько деревень, расположенных на устье реки Кехты[9], а именно: Григоровская, попросту называемая между крестьянами Подол, Реутовская – иначе Погост, Марковская (или Гурьев Конец), Васильевская (или Подлесье).

Все эти деревни находятся близ церкви и ныне слились почти в одну нераздельную, так что, не зная названия их по концам, можно считать одною. Далее на юг следуют от церкви деревни Быковская и Матвеевская – жители этих деревень перемешались домами, то есть числятся в Матвеевской деревне, а живут в Быковской и наоборот, и занимают три отдельные околотка – Залесь, Сорочий околоток и Заручевье, один от другого отстоящие не более как на 100 сажень. И наконец за глубоким ручьем, на высоком мысе, Красногорская деревня, иначе называемая Мельницею, потому что под горой находится вододействующий мукомольный завод; здесь же во второй половине прошедшего и в начале настоящего столетия был лесопильный завод, на котором построено было два фрегата и корабль.

Сосногорская деревня, или Соснина гора, находится ниже Кехты, от церкви в трех верстах, на небольшом холме, а Чевакинская деревня (или гора) – еще ниже Сосниной на одну с четвертью версту; их разделяет речка Смердие, вытекающая из озера Смердие, отстоящего от деревни на 4 версты и принадлежащего Архангельскому монастырю; речка Смердие вместе с Кехтою тут же впадают в отлив Двины. По самому крутому берегу этого отлива расстилается Чевакинская деревня, кото-

[9] Речка Кехта в топографическом описании называется Булычихою, а не Кехтою. Что от чего получило название: деревня ли от речки или речка от деревни, сказать трудно. А по приведенному выше объяснению слова Кехта, Кехтою названа река, а не деревня; название же Булычиха, вероятно, усвоено в недавнее время.

рая делится по концам: верхний конец называется Микольщиною, «у Микольских», средина — «у креста», где действительно стоит крест, а другая половина срединная — «на болоте», где место ниже и мокрое; и нижний конец — «у Епани», где жили прежде одни Епанины.

Боровская деревня (небольшая, всего 3 дома), иначе называемая Вралёва гора, — она находится вблизи Васогорской деревни Кияжестровского прихода, которая также называется Вралевою горою. Около нее находится несколько боров или холмов, и вблизи, позади деревни, есть небольшое озеро, содержащее в себе соленую воду; когда-то в нее спущены были и трубы, но вода мало содержит соли: в весеннее время во время водополья в него вливается пресная вода из речки Смердие.

Деревни Новинки и Горки, попросту называемые «острова», стоят на острове, от церкви под горою, первая в 1,5 верстах, а вторая в 3 верстах. Через эти деревни по зиме проходит зимний извозный тракт. Все деревни имеют сообщение между собою и церковью постоянно удобное; только с последними (Васогорскою, Чевакинскою и Островами) несколько затруднительное во время водополья и рекостава, но это продолжается не более суток.

В вышеупомянутых деревнях Кехотского прихода, по духовной росписи, числится прихожан: государственных крестьян мужеского пола 478, женского 562 души и отставных нижних чинов с их семействами мужского 12, женского 13, а всего 490 мужского и женского 575 человек. К Кехотскому приходу относится Слободской раскольничий скит. Он основан во второй половине прошедшего столетия при озере Слободском, отстоящем от селения около 25 верст.

Озеро это в длину до 7 верст, а в ширину 1 версту и более, из него вытекает речка Кехта, очень изобильная рыбою. Первоначально при нем была одна рыболовная избушка, в которой по летам проживал рыболов; к нему поселился беглый солдат; к ним двоим начали селиться и другие, как из Кехотского прихода, так и из соседних. Около 20-х годов в ней поселился один зажиточный крестьянин, Иван Репников, из петербургских артельщиков: он много содействовал к устройству скита и распространению раскола — был знаком со знаменитым

петербургским раскольником Зеленковым, который для этой цели послал ему зараз будто бы 40 тысяч рублей. Теперь, после строгого воспрещения селиться вновь и уничтожения вымерших келий, в нем остается 16 жилых келий, в которых живет старых, издавна поселившихся 14 старух, старики все вымерли; впрочем, и в лучшее время скита, когда в нем было постоянных жителей до 40 человек, мужчин было немного, не более 5 человек. И вновь в течение последних двух лет поселилось в него двое мужчин и четыре женщины.

Среди скита находится отдельная деревянная молельня, построенная в 1788 году; она внутри разделена заборкою на две половины, мужскую и женскую; иконостас составлен большею частью из мелких икон и без всякого разбора: иконы занимают места не по изображению на них и не по достоинству письма. В молельню собираются все каждодневно по три раза — к утрене, часам и вечерне, которые состоят из чтения положенных псалмов, молитв и поучений из сборников и пролога; поют панихиды и, кажется, молебны, читают Псалтирь по умершим и о здравии живых; читают все посменно, неграмотные исполняют свои часы поклонами.

Верование в ските то же, что и в приходе, то есть федосеевское согласие, и потому одни других поддерживают и материально, и нравственно. Некоторые старухи-раскольницы уезжают в скит на несколько недель, особенно в Великий пост; на праздники Рождества Христова, Благовещения и Святую Пасху приезжает много раскольников, а вместе с ними и православные, которые во время молитвословий (а равно и раскольники сомнительной нравственности), стоят в притворе, как древле оглашенные.

Живущие в ските содержатся преимущественно подаянием, которое доставляется из разных мест, а более из городов Петербурга и Архангельска. По зиме старухи прядут, а помоложе ткут полотна — старым пособляют ткать родственницы из прихода; по лету садят понемногу картофеля, редьки, лука, моркови, брюквы и сеют репу; ловят на озере рыбу удами и «мордами» и собирают довольно морошки, которую и продают. Сообщение с селениями имеют постоянное, но пешеходное только по лету и по осени, пока не промерзнут болота и ручьи.

Лисестровское селение находится в 10 верстах от города Архангельска. Название Лисестрова (или Лисестрово) произошло, по народному преданию, от коренного жителя Лист (чудского племени), жившего на сем острове в роде наместника или тиуна, собиравшего доходы окладные, то есть хлебные, и не окладные, то есть денежные[10].

В 1598 году дана Лисестровскому приходу царская жалованная грамота. Эта грамота исключает уполовническое право брать повинность или подать данщикам ясаком, то есть лисьими и беличьими шкурами.

Из этой грамоты можно заключить о существовании прихода Лисестровского. Грамота дана от Царя и Великого князя Федора Иоанновича, за приписью дьячка Дмитриева по челобитию Лисестровской волости, воскресенского церковного старосты Гришки Морозова на Борисовскую пустошь (где ныне деревня Семенова), и писана на Москве 7105 (1597), марта 23-го дня; в ней написано:

> От Царя и Великого князя Федора Ивановича всея Руси на Двину данщиком Томаку Тарасову с товарищи. В прошлом 7104 (1596) году марта в 31 день писана к вам наша грамота по челобитью Лисестровской волости Минки Шудова. А велено вам тому Минке дати на льготу пустошь Борисова погоста на шесть лет, марта с 25 числа 7104 (1596) году, по то же число 7110 (1602) года; а ныне били нам челом Лисестровской волости церковный староста Гришка Морозов, что той пустоши Борисова погоста половина пол-обжи церковная, Воскресения Христова, искони вечно. А другая половина нол-обжи — той пустоши Борисова погоста за волостными лудьми. И нам их пожаловати, тое у них пустоши отнимати не велети. А в писцовых книгах князя Василия Андреева Звенигородского с товарищи в 7105 (1597) году написано: в Лисестровской волости деревни тяглые церковные Воскресения Христова, что на погосте, пустошь Борисова погоста, а в ней двор пуст, пашни перелогом куды земли впусте обжа, а другая половина за волостными

[10] Далее в оригинале следует небольшой фрагмент, который в данном издании изъят, т. к. он повторяется в книге «Заволоцкая чудь». — *Прим. сост.*

лудми. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б у церковного старосты, у Гришки Морозова (тое церковныя, Воскресения Христова, что на погосте), пустоши Борисова погоста полуобжи мимо писцовых книг не отымали и Минке Шудову на льготу не отдавали; а велели б естя на церковном старосте имати оброку в нашу казну по две гривны на срок на Госпожин день 7105 (1599) году. А с которых Воскресения Христова церковных черных деревень емлют волостные крестьяне наши подати по своему волостному размету, лехуя себе по веревкам, а не по писцевым книгам и не по сошной грамоте, а вы б волостным крестьянам с тех церковных деревень наших податей по волостному размету, по веревкам, имати не велели, а велели бы естя с тех церковных черных деревень наши подати по сошкам и по обжам, чем их описали писцы наши. А прочете еста сию нашу грамоту и, списав с нее противень, отдали Гришке Моросову назад для прежних данщиков. Писана на Москве лета 7105 (1597) марта в 23 день.

Под сим черная печать, а на обороте: Царь и Великий князь Федор Иванович всея Руссии. Припись: дьяк Дмитриев.

Первые поселенцы, или выходцы новгородские, пришли сюда из Новгорода и первоначально поселились в Холмовской деревне и двух выселках при той же деревне и частью на Исаковой горе (в древности Кононовой горе), как об этом свидетельствует летопись припиской к Лисестровской церкви во имя Святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Сия летопись заключает следующее.

Божием изволением и за предстательством Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Присно-девы Марии и молитвами святых славных и всехвальных апостолов и Первоверхов — Петра и Павла — скиния кафолическая, рекше: Святая церковь Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа во имя преждереченных святых апостолов устроися к молитвенному храму новым зданием алтарь святый и царские врата, иконостас с прочим благолепством украсися и освятися чрез благодать Святого Духа по благословении Германа архиепископа Архангельского и Холмогорского, на котором месте издревле по писцовым книгам еще от лет седмь тысящь шестьдесят первого года, и далее видимо

тыже церковь имелась древняя, стоящая чрез 130 лет, дондеже за ветхостью совсем распадеся и развалилась, и оттогда на место той церкви построен молитвенный оный храм, стоявший лет 50, даже и доныне построенный святые церкви; а бытия древния церкви и молитвенного храма (по писцовым книгам) разве без мала 200 лет; самое же начало оные весьма вяще 200 лет, аже в лето седмь тысящ шестьдесят первое, 1553, в царствование Иоанна IV Васильевича, и тогда уже была без пения, а начало пения нами чрез записки не обретено, токмо от старожилов глаголемо, ако из начала при той церкви священник нарочно проживал для Божественной службы, пришодший из области Новограда и принесший ныне, видимо, сияющие святые местные образа и Деисус на полуденной стороне, который и построил реченную древнюю церковь, которой красота одеяся, и ныне по-писанному новозданная церковь, и украсися якоже и древняя, тую жъ пресветлую красоту Божества Невеста Христова восприяла. Сего не лиши Премилостивый Господь Бог и Пресвятая Богородица за молитвы свв. апостолов Петра и Павла и нынешним родом Божественную и Пречистую славу свою и всей святой церкви благословляти и славити ныне и в безконечные веки. Аминь.

Лисестровский приход кроме села обнимает собою следующие населенные места: деревни Часовскую, Нестеровскую, Лукинскую, Исакогорскую с шестью выселками – Исакова гора, Шурковская гора, Бурминская гора, Малое Заручаево, Большое Заручаево, Нарья, – деревню Холмовскую с двумя выселками – Малая и Большая Лахты, – Окуловскую, Семеновскую, Амосовскую, Кривлявскую, Любовскую, Летнинскую, Валдушинскую, Кутозерскую – в просторечии Кривохутскую, Хамьяновскую, Малокорзихонскую, Большекорзихонскую (по речке Корзихонке), Волохновскую с тремя выселками – Воронье, Неверово, Бутырки, – деревню Глухонскую, Запольскую, Бакаревскую, Варавинскую, Юрасскую с двумя выселками – Дряхлицынским и Куропшевским, – Журавинскую с тремя выселками – Новинки, Большой и Малый Кривые Боры. Домов во всех этих селениях считается 465; жителей – 1376 м. п. и 1587 ж. пола. Из названий деревень видно, что они произошли или от имени первого поселенца, или от свойства

местоположения, или от прозвания урочища, при котором деревня выстроилась.

Число жителей на Зимнем берегу невелико — 418 мужского пола. Все они принадлежат к одному приходу, Зимне-Золотицкому, и находятся в следующих поселках: Верхней Золотице, Нижней, Инецком выселке, Ручьях, Ручейке, Майденском хуторе, Чубальском выселке, Больше-Вазицком выселке, Мегре и Майде; последние семь хотя и принадлежат к Золотицкому приходу, но находятся на другой части Зимнего берега — северной.

Деревня Верхняя Золотица Архангельского уезда от Архангельска отстоит на 180 верст. Называется Зимнею потому, что находится на Зимнем берегу, и в отличие от Летней, стоящей на Летнем берегу Белого моря в Онежском уезде.

Название Золотицы деревня получила, вероятно, от реки Золотицы, протекающей посредине деревни. Часть селения, расположенная на правом берегу реки, зовется Заречье или «за рекой», а на левом — Холмом или «на Холму», потому что место, где стоят дома, гораздо выше Заречья.

Верхнею деревня зовется от того, что стоит по течению реки выше Нижней Золотицы (устья), находящейся при самом впадении реки Золотицы в Белое море.

Золотица основана первоначально чудью, и это достоверно. Ибо и до сих пор еще на правом берегу реки, повыше деревни, есть местность, сохранившая название Чудской ямы. На этом месте, по рассказам жителей, первоначально поселилась и жила чудь. Показывают также и место чудского кладбища — на левом берегу реки, повыше Савина ручья. Нынешние жители Золотицы — потомки новгородцев, по рассказам крестьян, бежавших сюда в то время, когда переменяли веру. Но это предание неправдоподобно. Новгородцы переселились сюда:

1) или сами для промысла дорогих пушных и морских зверей;
2) или переселены сюда для той же цели новгородскими боярами как крепостные;
3) или всего вероятнее, предки золотичан убежали из Новгорода на Зимний берег, потому, что не хотели покориться власти князей московских.

Можно полагать, что некоторые из беглецов приговорены были к казни даже и тогда, как переселились уже в Золотицу. Ибо и до сих пор осталось на памяти народа название места Вешальная яма, или «на Вешальной», находящейся пониже деревни, на правом берегу реки Золотицы.

Названия или прозвания, характеризующего достоинство или недостаток, золотичане не имеют. Только мудьюжане замечают, что зимний проезд золотичан в Архангельск всегда бывает с сильной непогодой. Если поднялась сильная непогода, мудьюжане говорят: «Золотичане в город поехали». Об этом странном, но всегда, к несчастью золотичан, верном замечании мудьюжан в Золотице носится народное предание, вот какое. Преподобный Антоний Сийский однажды, проходя по Зимнему берегу, попросился в Золотице ночевать, но, никем не пущенный, переночевал в овине и, когда обратно проходил через Золотицу, сказал золотичанам: «За то, что вы не пустили меня ночевать, всегда будете ездить с погодою по зимнему пути».

Урочищ, носящих какое-либо особенное замечательное название, в Золотице нет, ручьи, пожни и местности носят названия русские: или от имен жителей, или их фамилий, или, наконец, от самого свойства и вида местности.

Сумский посад находится в Кемском уезде в 28 верстах от уездного города Кеми. Он расположен по обеим сторонам неширокой, с довольно крутыми каменистыми берегами реки Сумы в трех верстах от впадения ее в Белое море.

Название посада «Сума», по объяснению г. Рейнеке, произошло от первых здесь обитателей финского племени *suomalaiset*, которое совершенно исчезло и не оставило по себе никаких преданий.

Народное предание говорит, что новгородцы, селившиеся по прибрежьям Белого моря, заняли место несколько выше по реке от нынешнего селения, в так называемом Загорье (за слободою).

Между сумлянами известна поговорка, которой они характеризуют себя: «Сума не купить ума, сама продает». Поговорку эту, как говорят, сказал когда-то один из сумлян в ответ таможенному чиновнику, грозившему поймать его с контрабандой.

В память жителей до сих еще пор посад сохранил свои старинные названия, которыми делится на следующие части: Низовье — население, начинающееся от возморья; от Низовья следует Жемчужный ряд[11], самая средина селения; за посадом следует Верховье, часть сего последнего, состоящая из нескольких бедных домиков, называющая Труновым рядом[12].

Другая половина посада по другую сторону реки, близ острога, называется Нагорье или Погост, далее Кислая губа[13] и, наконец, на выезде — Слобода. Холм же, на котором находятся церкви, называется Городовуха.

Церквей в Суме две: каменная — во имя Успения Пресвятыя Богородицы, построенная в 1635 году, и деревянная — во имя Николая Чудотворца, сооруженная в 1768 году.

Вот те местности, к которым, главным образом, относится этнографический материал, собранный сотрудниками П. С. Ефименко. О физических свойствах самого населения, быт коего описывается в этих материалах, авторы или ничего не говорят, или кратко упоминают, что народ Архангельской губернии есть самый русский, крепкий и здоровый. Только П. А. Иванов со свойственной ему подробностью остановился и на вопросе о физических свойствах населения Пинежского уезда, для этнографии коего он представил вообще такие обильные материалы. Очень может быть, что природные свойства остального населения Архангельской губернии — по крайней мере, средней части ее — подходят хоть отчасти под изображение пинежан, предлагаемое г. Ивановым. Тем любопытнее должно быть это единственное в нашем «Сборнике» описа-

---

[11] Сумляне рассказывают, что в Жемчужном ряду жили самые из богатейших обывателей посада, жены которых украшали себя жемчугом.

[12] Название «Труновый ряд» произошло, вероятно, от слова «трунь», что в Суме значит «оборвыш», «бедняк».

[13] Сзади Кислой губы лежит холм, с которого после дождей и при таянии снега текут ручьи, усиливая сырость и зловоние. Отсюда, может быть, и происходит слово «кислая». Губою же, по всей вероятности, назвали потому, что в этой части посада река врезывается в берег и образует губу, которая в летнее время высыхает.

ние физических свойств местного населения. Вот что сказано в нем:

Люди, начавшие первее всех жительство в настоящем Пинежском уезде, были народ из древнего финского племени, кочующий, грубый. [АС 1863: 304–315.] Впоследствии народ этот был назван северною чудью, а новгородцы называли его заволоцкою чудью.

Как повсеместно слилась чудь с русским населением славянского племени, так это произошло и здесь. [СНМАГ, л. XIV.] Теперь все народонаселение уезда составляет чисто русский люд, или великороссов; но примесь отдельных племен с чистокровными русскими становится в Архангельской губернии заметно более, чем в других губерниях. Итак, настоящие жители уезда — из поколения чуди, сроднившиеся сперва с удалыми новгородцами, а потом с другими племенами русского населения.

В жителях уезда число женского пола душ превышает мужской. Их и родится, и умирает более, чем мужчин.

Крестьяне редкие переживают 80 лет. Замечено, что женщины здесь живут до глубокой старости, до какой не доживают мужчины.

Жители Пинежского уезда способны к перенесению суровости своего полярного края. Они спокойно сносят все невзгоды, случающиеся в годины несчастий.

Освоившись с климатическим влиянием, они имеют то здоровье, которым отличается архангельский народ. Некрасиво со стороны, что при здоровье человек здешний походит на заспанную фигуру; но что делать, таким уже отпечатком наделяет его полярная природа!

Люди здесь плотного, дородного телосложения и одарены силою. Но приемы их непринужденно ленивы, изящества в телодвижениях нет, как равно хорошей осанки и особенной ловкости. Снаружи люди кажутся скорее хилыми, а немало есть и таких, которых наружность по худосочию отражается видом изнуренности, как бы от голода или от болезней, и довольно сухощавых.

Напротив, у женщин замечается тучность, толстота и овислость.

Уже известно, что сильный холод замедляет биение сердца и сжимает органические сосуды. Поэтому, живя в Полярном крае,

человек здешний вообще мал ростом, как и вообще народ Архангельской губернии, терпелив, упрям и в духовном отношении неподвижен. Малый рост есть печать скудных даров отечества.

Но, рассмотрев рост здешнего мужчины ближе и по соображению с рослостью в других уездах, увидим, что мужчины здесь роста среднего.

По физическим условиям, для приема в рекруты жителей Пинежского уезда по закону доныне сохраняется прежний рост 2 арш. 2,5 вершка (в других местах России 2 арш. 3 вершка).

Склад человека более правильный, ровный; но заметна сутуловатость и некоторая несоразмерность членов.

Образ пинежского жителя г. Иванов рисует таким образом.

1. Очертание головы шарообразно. Черепы пропорциональны и довольно объемисты; но замечается и чрезвычайная величина голов.
2. Шеи более короткие, с широким загривком (затылком).
3. Волосы черепа жестки, грубы, не совсем густые, несколько курчавые и более совершенно гладкие. Цвета их: русые и черные, переходящие в рыжеватые, так что наиболее со светлыми волосами на голове. Волосы у женщин хватают иногда до задницы и ниже. Длинная коса в почете.
4. Лоб широкий, но не так высокий и развитый.
5. Уши, не выходящие из соразмерной величины.
6. Физиономия серьезна, в угрюмой обстановке, исключая молодых женщин с игривой улыбкой.
7. Господствующий цвет лица белый и немного смугловатый. В летнее время лица запекаются солнечным жаром. За исключением 16–25-летних, у прочих лица бледные, без румянца. У молодых мужчин лица бывают полные, а у пожилых — тощие, с редкими исключениями. У женщин же — полные, гладкие и румяные. Красные здешние бабы, что называется, кровь с молоком.
8. Черты лица округлены и не резки. Люди вообще невзрачны собой.
9. Женщины вообще красивее мужчин, но они рано стареют в замужестве.

10. Немало увидеть можно людей обоего пола, изуродованных оспой, веснушками и бородавками. Рябые лица показывают, что достаточно есть пренебрегающих предохранительной оспой.
11. Щеки у мужчин хотя бывают и широкие, по мало овалистые, более впалые; у женщин же широкие, овальные и надутые или *опухлые*. Вообще скуловые кости широки и выдаются угловато; но лица все-таки имеют овальную форму при отличительной ширине. Характеристическая поговорка: *Пинега, Мезень — толста селезень.*
12. Глаза осеняются высокими, отстоящими друг от друга негустыми бровями, черными и наиболее [часто. — *Прим. ред.*] — светло-русыми. У пожилых они нахмурены, а у молодых немало в излучинах.
13. Глаза: серые, карие и черные наиболее, с длинными ресницами. Они не малы и выдаются: либо навыкат, либо узко, когда впалые в орбиты.
14. Носы более умеренные, но заметно широковато-плосковатые. Есть толсто-круглые, прямо-тупые, приплюснутые к верху и попадаются с горбом по средине.
15. Рот — орган едения, вообще не мал, а, в частности, большой и малый, т. е. неодинаков. Заметно выдается немного вперед.
16. Гортанный звук у мужчин неблагозвучен и даже неприятен; у женщин же чистый голос и более или менее мужиковатый.
17. Губы толстоваты, полные.
18. Подбородки толстые, широкие, круглые и мало выдающиеся, иногда двойные.
19. Зубы небольшие, белые, здоровые, не очень редкие, но у некоторых выходящие изо рта на вид и из пропорции обыкновенной длины.
20. Усов и бороды не сбривают. Усы очень малы и редки.
21. Бороды редковолосые, *клином*, т. е. прямые, строгие, к вискам скудные. Но есть курчавые бородки, бороды густые и крутые, как бараньи шапки, и такие есть *бородачи*, что у них лицо бывает усеяно густыми и длинными — от губ до шеи и от подбородка до висков — (окладистыми) бакенбардами, усами и бородою, но редко.

22. Цвет кожи белый. Немало есть таких, у которых обильно растут волосы по всему телу.
23. Плечи — обыкновенные, но при сутуловатости широкие. Груди развитые, широкие и возвышенные. Полные груди женщины на виду прибавляют ей красоту.
24. Руки грубы, с мозолями на ладонях. Ногти на пальцах отращиваются большие.
25. Стан не стройный, не гибкий, исключая некоторых немногих. Талия толстая.
26. Ноги толстые, не длинные и косые. *Ступни* ног (стопы) сильно развитые. Пяты ног толсты. На подошвах затверделые мозоли. На нижних пальцах ногти нарастают безобразно.
27. Походка или поступь не твердая, спокойная, тихо-ленивая («тяжела на подъем русская натура», по пословице), отчасти с перевальцем, как бы качающаяся, с опущенною книзу головою, нисколько не важная, ни торжественная, ни гордая. Старые ходят, подпираясь длинными палками, что придает им заслуженный почтенный вид.
28. Косы у здешних девушек удивительной величины. Распустя их, они совершенно могут закрыть себя со всех сторон.
29. В формах преобладает округлость, и видно накопление жира. В особенности у женщин сквозь кожу просвечивает румянец.
30. Лиственную серу беспрестанно жуют, особенно девицы. Делают это для того, чтобы сделать приятным дыхание. Но от того же укрепляются у них десны, а зубы получают белизну.
31. Отличия особенностей в образе человека здешнего уезда перед другими жителями губернии мы дать не беремся, потому что в народе почти нет общей физиономии и черты нельзя не признать неправильными. Однако известно же, что народ, населяющий губернии, мало схож между собою, если даже принять в сравнение один уезд с другим[14].

---

[14] В описании Тулгасского прихода о жителях его сказано: «Почти все роста среднего и здоровы телом, члены которого соразмерны между собой. Господствующий цвет лица — белый, глаз — голубой, волос — русый, бороды — темно-карий».

Глава II

Внешняя обстановка

Программа для собирания сведений о постройках в Архангельской губернии. — Сведения, собранные П. А. Ивановым о жилищах и постройках крестьян Пинежского уезда: расположение селений, улицы и ряды, оклады изб, части их, внешняя и внутренняя отделка, печь, солныша, палати, окна, украшения, убранство горниц; черные избы, дворовые постройки, хозяйственные службы, промысловые постройки; заводы; освещение, топливо, места для спанья, для стирки белья; домашняя утварь и посуда. — Церковные постройки. — Дополнительные сведения, представленные г. Ивановым. — Чертежи крестьянских домов и усадеб, представленные А. Шадриным. — Сведения о постройках в селе Усть-Пуе, доставленные священником Ст. Мефодиевым. — Его же сведения о разного рода рукодельных и хозяйственных орудиях. — Сведения священника П. Павлова о постройках в Хаврогорском приходе. — Сведения священника А. Колчина о постройках и домашней утвари в селе Пингишах. — Сведения священника В. Таратина о постройках и утвари в Курейско-Сергиевском приходе. — Сведения о том же священника И. Глебовского о Челмохотском приходе. — Такие же сведения о Сумском посаде, доставленные г. Шешениным. — Сведения священника Федорова о постройках в Лисестровском приходе. — Сведения священника Владимирца-Розанова о постройках и утвари в селе Зимней Золотице.

Еще для Московской политехнической выставки 1872 года, на которой между прочим предполагалось дать значительное место изображению современного состояния строительного дела в России, по Архангельской губернии собирались сведения по следующим вопросам.

А. Какой архитектурный характер имеет постройка крестьянских изб в губернии? Строятся ли избы одноэтажные, двухэтажные или более?

Б. Какого рода наводятся крыши на избах — крутые или плоские? Чем кроются здания (как крестьянские, так и владельческие): железом, цинком, тесом, черепицей, сланцем, дранью, гонтом, толем, картоном или соломой, и в последнем случае какой употребляется способ покрышки (с глиняной смазкой, с тарновкой или обыкновенным способом)? Необходимо приложить примерные указания о преобладании того или другого рода крыш. Есть ли на крыше украшения?

В. Строятся ли избы на каменном фундаменте или нет? Есть ли под избами подвалы, подызбицы и т. п. ?

Г. Сколько в избе комнат и как они расположены?

Д. Есть ли при избе лестницы, внутренние или наружные?

Е. Есть ли в избе дымовые трубы или нет?

Ж. Бывают ли при избах крыльца или светлицы? Бывают дворы крытые или некрытые?

З. Куда обращены окна, как велик их размер и есть ли на них украшения?

И. Стоит ли жилое здание в связи с нежилыми или отдельно?

Й. Как размещены избы в селениях: выходят ли они окнами на улицу или стоят во дворах? Расположены ли строения рядами без промежутков или с промежутками, прямыми улицами или ломаными, с переулками или без них, или все строения разбросаны отдельными хуторами или дворами?

К. Есть ли в селениях площади и чем они обставлены? Какое положение относительно селения занимают церкви и дома духовных лиц: стоят ли они в центре селения или площади или образуют отдельные приселки? Стоят ли помещичьи усадьбы среди селения или образуют отдельные поселки?

Л. Расположены ли селения вдоль рек или в междуречных пространствах и какими вообще обстоятельствами обусловливается размещение селений — присутствием ли воды, линиями дорог и т. п.? Если есть селения между реками и линиями дорог, то вследствие чего они возникли?

М. Существуют ли в селениях губернии кирпичные избы? Заметно ли в новейшее время увеличение кирпичных построек в городах и селениях?

Н. Существуют ли в губернии мазанки и строения из каменных валунов? Суть ли эти постройки — здания жилые или нежилые, и не преобладают ли они в том или другом роде построек, в той или другой местности губернии?

О. Откуда вообще при постройке каменных сооружений в губернии берутся строительные материалы? Какие есть в губернии каменоломни? Перечислить их, отделяя каменоломни строительного материала от ломок камня жернового, точильного, гипса и камней, служащих для украшений и памятников, каковы мрамор, гранит, лабрадор, и для обжигания извести. Какие способы добычи камня употребляются в губернии? Какие есть в губернии разрабатываемые месторождения глины строительной, горшечной, фаянсовой и фарфоровой?

П. Какой материал служит в губернии для шоссейных дорог и откуда он берется?

Р. Каким вообще путем привозятся в губернии строительные материалы, сбываются ли произведения каменоломен вне пределов ее и куда именно?

Хотя материалы, доставленные в ответ на эти вопросы, не могут быть названы ни особенно полными, ни обстоятельными, но некоторые из них заслуживают того, чтобы быть приведенными — если не в целом своем виде, то хоть в извлечениях.

Начнем с извлечений из статьи волостного писаря П. А. Иванова «Жилища и постройки крестьян Пинежского уезда».

Населенные места в Пинежском уезде расположены при реках Немнюге (Кевролъской), Покшеньге, Явзоре, Немнюге (Кулойской), Кулое — и речках: Чуге, Гбаче, Петрогорке, Чушел-

ке, Суре, Нюхче, Выеме и Юле; и при озерах (чем далее от уездного города, тем менее): Курья, Сояле, Окатовом, Юрольском, Холмовском — и Заозерье; а гораздо более половины всего населения утвердилось по главной здесь реке Пинеге.

Деревни расположились на высоких местах так, чтобы *вешна вода не пообидила*. Но есть дома и на низких местах, и частию на островах, где в большие воды наводняется и наводнение делает уносы и повреждения: такие места называются *поемными*. Впрочем, неудобства эти можно встретить только в волостях: Никитинской, Ярушевской, Бирючевской и Совпольской.

Нельзя сказать, чтобы места, на которых расположены селения, не были выбраны с умом и вкусом, ибо вблизи их всегда почти есть проточная вода, а кругом растут тенистые деревья, или же на открытых местах, где свободен проход воздуха и туманы разносятся легким ветром. Ко всему этому следует присовокупить разборчивость на дары северной природы: деревни либо очерчиваются замечательными рвами, косогорами, дорогою, или обрамляются реками, речками, ручьями, нивами и лугами. Вообще места хороши, по взгляду северного жителя. Но эта красота является на короткое время. В длинную же зиму в деревнях тихо, как бы безжизненно, в полном смысле уныло, а вокруг — мертвая тишина на улице, одно трепетное завывание сильных порывов ветра; далее — на огромном пространстве ровный снежный покров и дремучие леса. Вид жилищ делается однообразен, печален, сиротлив; дома заносятся снежными сугробами, а внутри их дымно, грязно, некрасиво, скучно.

На многие деревни поныне нет планов. От того и от неразборчивости мест деревни имеют по большой части неправильное расположение. Особенно дома, построенные в давнишнее время, стоят мало того что хило, как старушка стара, но и не по порядку раскинуты там и сям, в разных направлениях и расстояниях: где *огнездились* или *прижались вплоть* (очень смежно) друг к дружке, а где, напротив, один от другого далеко; или где идут почему-то ровно, а где-то высунулись вперед, то ушли назад; между ними же образуются *заулки, проулки, переулки* (промежутки между дворами), всегда с сырою грязью, или же показываются слишком просторные пустые места. Все это произошло от того, что прежде выбирать места под постройки предоставлялось крестьянам

по собственному их произволу и, разумеется, каждый занимал то место, которое ему нравилось. Только кое-где, к удивлению, показываются среди деревень круглые площадки. Впрочем, еще с недавних пор вошел здесь в действие строительный устав, а время переменить и вид построек, и понятия их хозяев.

Строиться улицами было издавна в обычае у русских. Так и здесь: в деревнях есть улицы, но они не имеют особых названий, а делятся на околотки или просто называются: там, на задней улице, позади, назади, впереди, попереди, на том конце (нижнем или верхнем), в том или другом ряду. Есть улицы широкие, но довольно и узких, кривых и безобразных, которые по зиме от снежных метелей делаются непроходимыми и непроезжими, а летом грязны, вязки, мокры. Мощеных улиц нигде нет, а грязные изредка заваливаются щепьем или щебнем и песком, и то по какому-либо распоряжению начальства.

Мостовых (мостков) около домов тоже нет; а где уж очень грязно, там через улицу кое-где просто набрасывают доски, жерди и колья. Путь бывает везде по одной дороге — и для конных, и для пеших.

Дома стоят хотя и не на поемных, но большей частью на сырых, не обращаемых в сухие местах; вокруг них грязь; спереди, с боков и сзади всякая нечистота, и к ней же набавляются разные домашние помои, а отхожие места почти вовсе не вычищаются.

Всякая падаль: скот, овцы, собаки, кошки, протухшие рыба, птица и т. п. — бросаются куда ни попало или в ближайшие озера, а не зарываются в землю. Стоячие воды в озерках производят брожение, и при тихой атмосфере, особенно с росой, зловоние резко поражает непривыкшего к таким деревенским благоуханиям, и лишь проносные ветры спасают народ от болезней, порождающихся от гнилых испарений. О проведении же канав на улицах в грязных местах или для пропуска воды из вредоносящих озер не бывает и помина.

Избы строятся более на один крестьянский вкус, и стройка их довольно хороша собой, по сельским понятиям. Дома действительно поместительны, удобны, довольно красивы, чисты строением и, будучи крепко построены, вполне защищены от стихий. Недаром же о сельских постройках в Архангельской губернии многие отзывались хорошо.

Дома всегда строятся продолговатыми *глазами* (лицевою стороною здания) к реке или к озеру, а боковым фасадом во двор. Любимое же место – обращенное лицом к востоку.

Они становятся более в два ряда; когда же постройка ведется в несколько уличных линий, или *порядков*, то строения обращаются передом тоже на улицу, но по ранее сделанному очерку, и неудивительно, что в некоторых местах дома выходят на улицу задом. Линии называются *рядами, порядками* и *сторонами.*

Во всем уезде сельские строения деревянные, т. е. из плотных бревен, и только в редких деревнях на каменных фундаментах. Чтобы вместо каменного фундамента, дома были на *ступьях* или сваях, мне не случалось видеть. У некоторых домов для прочности нижние венцы околачивались берестою. Дома строятся на ровном совершенно месте или на невысокой заваленке (земляной насыпи).

Как всякая постройка здания делается из растущего леса, так и всякая при этом поделка бывает из дерев же. Строительные материалы везде местные, ибо строевого леса в здешнем крае очень достаточно. Они заготовляются не всеми одновременно, а в продолжение нескольких лет, и доставляются к месту работы постепенно. Гвоздей при постройке дома идет самая малость, так как бревна, полы и потолки, в случае надобности, скрепляются посредством вырубаемых зубцов: в нижней части – *зарубки*, а в верхней – *выемки.*

Постройка начинается с того, что делается *оклад* (закладывается основание), и нередко случается, что закладка дома делается в первый год, а самая постройка продолжается со следующего года.

Форма домов четвероугольная.

Бревна, употребляемые для постройки жилых изб, выбираются преимущественно толстые, длинные и при всем том преимущественно здоровые.

До начала постройки деревья очищаются от верхней коры и просушиваются. Но есть дома, построенные из не очищенных от коры бревен и не просушенных хорошо; такие строения, конечно, не бывают долговечны. Деревья не пилятся в брусья, как это делается сельскими жителями в других губерниях. Стены образуются из накладываемых в квадрат бревен *кругликом, вершинами* одних к комлям других. Только для некоторого уравнения тол-

щины верхние и нижние оконечности дерева отрубаются топором, а по окончании постройки все неровные концы отпиливаются вдруг пилою по углам.

Капитальная стены, *чтобы не везло избное тепло*, проконопачиваются черным мхом, особенно полы, пазы (скважины) в местах сращения дерев. Мох накладывается везде тогда, когда нужно бревно класть выше и выше. Но сказывают, что с такой укупоркой дома бывают не так прочны, как прочие: оттого и от мягкого грунта места, на котором построен дом, он постепенно с годами *оседает* и *кривится*, а потому нередко дома *подводят* (поднимают) и *жаравят* (вставляют новые бревна в основание); разумеется, это делается не вскоре, а лет через 10–25. Бывают и такие дома, в стенах которых нет мха, потому что прежде положения наверх бревна нижняя сторона его выдолблена и вырублена *желобом*, коим оно уже плотно садится на нижнее бревно, не оставляя сквозного прохода или щели, которые проконопачиваются паклей. Поэтому таким домам отдают предпочтение в плотности, да и строят их, собственно, люди богатые.

Постройка производится зодчими из туземных *плотников* и нередко самими хозяевами. Инструменты при этом употребляются: железные топоры, пилы, скобки, струги, долота и буравы.

Жилые избы у крестьян строятся или небольшими флигелями в один этаж, с одною избой и некоторыми пристройками и иногда комнатками, либо обширным зданием — домом в два этажа с вышкой, которая отчасти придает дому снаружи вид трехъярусного, в котором, однако же, заключаются не все домовые службы. Высота стен у флигелей бывает до 6 и 8 аршин, а высота двухэтажных домов до 3 и 4 сажен.

Всякий дом делится на *перед* и *зад*. В двухъярусном доме верхние комнаты называются *верхом*, а жилые комнаты в нижнем этаже *подызбицей* или *подполицей*. Самые этажи именуются *жилами*. Мезонин или светелка называется *вышкой*, а чердак — *подволокой*. Чердаки бывают сухие, и на них помещаются негодные вещи, развешиваются веники, а осенью дома украшаются кистями вывешенной рябины. Лестницы к ним бывают из сеней — или неподвижные с перилами, или приставные, обыкновенные плотничные.

От стихий, ветра, дождя и снега дома закрываются хоромами (крышами). Верхние ряды бревен, на которых утверждается

крыша, и самая крыша вместе взятые называются иногда *сараем*. Крытие кровель на домах повсеместно делается на два ската. Крыши бывают довольно высокие; вершины их на средине остроконечны; а делаются они из *теса* (досок) топорной работы или иногда из *тесниц* (пильного дела), полагаемых рядом с покрышкой во второй ряд по одной доске на две нижних, и нередко с фронтонами. Концы тесниц на верху острия крыши укрепляются на стопилах *князьком*, т. е. большим выдолбленным бревном (или отесанным треугольником), которое скрепляет крышу на самом верху, будучи пропущено во всю ее длину. Это самое верхнее бревно, идущее вдоль крыши, называют также *охлупнем* (Холмогорский и Шенкурский уезды). В Пингишах избы сводятся косяком, тесаным на два ската. В Курье избы закрыты сосновыми досками в желоб под охлупень. Князек заканчивается с обоих концов наподобие продолговато-острого либо тупого птичьего носа, а по всему ему сверху наколачивается десять или более макушек. Внизу крыша укрепляется двумя желобами (желубами) по той и по другой длинным сторонам фасада во дворе; они служат и для стока с отлогих и широких концов крыши дождевой и снеговой воды. Для прочности желобы осмаливаются и поддерживаются *кочережками* (числом от 4 до 12 с каждой стороны), которые вделываются в верхние венцы стен и пропускаются к *поперечным* стропилам, на которые накрывается плотно тес. Эти вбитые в верхние ряды стены деревянные крюки, поддерживающие потолок с крышею, носят название *куриц*. Концы этих куриц, называемых еще *окручьями*, снаружи похожи то на коньи головы (морды лошадей), то на голову змеи с разинутою пастью, то на голову какого-либо животного со стоячими ушами или рогами. Вся же совокупность бревен, входящих в состав жилой части описываемых зданий, называется *стопою*. Но есть немало домов, а в особенности *полудомов* (недостроенных), на которых крыши плоские, просто накрытые тесом.

У некоторых домов на концах кровель выводятся *деревянные карнизы* (разные украшения), а у окон второго этажа и мезонинов с лицевой стороны делаются *навесы* (галереи или балконы) с перилами, называемые наиболее [часто. — *Прим. ред.*] *выходами*; окрашиваются они у редких домов; крыш и куполов у них не бывает.

Красят крыши[15] и углы вымазывают дегтем для прочности только зажиточные хозяева; также очень редко углы околачиваются досками.

Домов образцовых, т. е. выстроенных с чистою отделкою, либо на каменных фундаментах, либо обшитых и окрашенных, или с раскрашенными крышами и углами, не более двух десятков.

Лестницы делаются большею частью неуклюже. Они бывают наиболее с *науличья, с* боков домов, чаще с южной стороны. В других же домах вход бывает один с деревянным *предмостьем* (вместо крыльца) из толстых брусьев, а оттуда вход идет и в нижний, и в верхний этажи. У некоторых же домов входов бывает два: грязный и чистый. По первому крыльцо низкое, т. е. предмостье, иногда только с просто сделанными перилами, ведет вниз; верхний же вход состоит из лестницы о несколько ступеней, которая обыкновенно выводит на террасу, называемую рундуком. Это крыльцо, крытое либо не крытое, бывает обыкновенно забрано с двух сторон досками или украшено перилами из витых и точеных баляс. Оно делается на *стойках,* и на нем иногда устраиваются лавки и бывают железные скобки для оскобления ног в грязной обуви. *Надвесы* (крышка крыльца) у некоторых домов украшаются простою резьбою.

От лестниц обыкновенно идут и *ворота* в дома. Они бывают всегда однопольные, отворяются на железных крюках и запираются толстыми железными полосами. Над воротами ставят медные или деревянные кресты и иконы.

Сени везде разделяют дом посредине на две равные половины; но часто и сами они разделяются на делянки с *перегородками* из досок: одни сени *избные,* другие горничные; последние часто замыкаются замком и обращаются под складывание разного имущества. Вообще сени, по большей части, бывают необширные — смотря, впрочем, по дому, — но иногда они кажутся длинными и темными коридорами. Для освещения сеней делается просвет или просто из прорубленных дыр, или же из одного и двух небольших окон. Сени всего более бывают холодные и весьма редко теплые. Пол сеней и сами сени называются *мостом.*

Комнаты больше устраиваются *сподряд с избой* и редко сбоку или сзади дома. Потому зад его (т. е. другая половина) почти

[15] Господствующий в окраске цвет — желтый и отчасти зеленый.

всегда остается более *глухой* (нежилой, холодной). Но, несмотря на то, входы бывают особые в каждую комнату и редко из комнаты в комнату.

Поэтому и двери делаются почти в каждую комнату особые. Одни бывают постоянно однопольные и, подобно домовым воротам, деревянные, в три продольные доски, столярной работы, четырехугольные, довольно низкие, вышиною до двух аршин, а шириной от 1,5 аршин; отворяются снаружи к себе, а из комнаты от себя, и притом так, чтобы, выходя, ступать через порог приходилось не левой, а правой ногой. Самая пола (створы) называется *дверью,* а косяки около нее в стене — *ободвериною.* К дверям прибиваются *крюки, тяги, петли, пробои, лебедки, защелки и крючки.* Для тепла в зимнее время двери заботливыми семьянами обиваются со стороны сеней рогожами и циновками, а по бокам *ободверины,* со стороны избы, приколачивают связанные пуки ржаной соломы, прикрепляя их гвоздями и кусками кожи. Все заботы крестьян обращены на то, *чтобы на улицу тепло из избы не вышло, а стужа не могла заходить в избу,* тогда как и без того избы отапливаются жарко, так что стены и двери чернеют.

Изба[16] — это людская или черная половина крестьянского обиталища, где живут все, как бы семейство ни было велико: в ней стряпают, моют белье, работают, помещаются куры и собаки и (как в верховских деревнях) кормится домашний скот. Она делается всегда обширною и в равном расстоянии в какую угодно сторону. Такое расстояние, взятое в длину, бывает от трех до четырех и более сажен; в вышину же изба от пола до потолка сажени полторы и менее.

Стены избы бывают внутри голые, бревенчатые или *отделанные* (обтесанные).

Потолки и полы в избах *набираются* обыкновенно брусчатые: из деревьев, у которых *горбы* (горбыли) отпиливаются и средина делается толстой, а с боков уже; по тому самому *половица* и *потолочница* выходят в ширину более в три и четыре объема, чем в толщину. Но бывают в избах потолки бревенчатые, из *накатника* — круглого или распиленного пополам (это когда дом одно-

[16] Это касается белых изб; о черных же избах см. ниже.

этажный). В двухэтажном доме половина второго этажа делается особо, а потолок для нижнего жилья также особо. Меж этими полом и потолком накладывается песок или земля, *чтобы не уводило тепло в верх* подполки. И при одноэтажном доме для удержания тепла сухая земля или песок насыпаются равно сверх потолка. *Потолочницы кладутся на матицы,* которых приходится на комнату по одной и по две, а в нижнем этаже по три, и которые бывают толстые, или из круглых, или из обращенных в брусья деревьев; половицы же в нижнем этаже *кладутся,* настилаются *на подполки,* а в верхнем — на балки (арки) сверх потолка нижнего этажа. Потолочницы и половицы сплачиваются деревянными шипами. Так как полы и потолки на другой же год *рассыхаются и расходятся,* то они разбираются и снова сплачиваются.

Печи в избах делаются из обыкновенного красного или алого кирпича туземной выделки, сцементованных *гнилою* (глиною); но много их бывает *глиномятных,* т. е. сделанных из битой глины. Предварительно устраивают *печное место,* ставят в колоду четыре столба; столбы распирают в стены избные поперечинами во все стороны; поперечины эти служат грядками или полками. В горницах печи голландские. Но главная печь в избе такая же, как и везде у сельских жителей в России, чисто русская, широкая, как следует быть пекарням, всегда четырехугольная и на деревянном высоком фундаменте.

Печь называется *печкою* и разделяется народом на следующие части:

1. *Напечь*[17] — очаг и лежанку сверху. Тут складываются дрова, лучина и все просушиваемое; тут же жители отогреваются от холода.
2. *Боровок* (свод) и *чело* (фронтон от устья). На боровок кладутся для просушки разные вещи.
3. *Устье* (отверстие печи спереди), служащее для накладывания в печь дров и для поставки и сажания кушаний в печь. Оно закрывается *заслонком* из листового железа, а место пред печью от чела до шестка завешивается иногда одной или дву-

[17] Она еще называется *кошачьим городком,* ибо там любят располагаться кошки.

мя *койками*, занавесками. К устью, когда печь топится, дабы *пыло не шло* сильно, приставляются горшки.

4. *Под* (калильный пол в ней) выкладывается из кирпича.
5. *Загнеты* (два бока пола, к заслону ближайшие), куда загребаются кочергой уголья и помелом сметается зола.
6. *Шесток* (пол снаружи от заслона), *окладенный из кирпича* или же сделанный из плитового камня. В последнем случае шесток и называется *плитой*.
7. *Жараток* — стороны шестка, от которых продолжается дымовое отверстие в верхнюю часть свода.
8. *Кут* — дальняя сторона в печи.
9. *Горнушка* (без пояснений понятно устройство) — на шестке.
10. *Опечек* или *подопечье* — конурка со ставнем или дверцами. Туда кладутся печные вещи: дрова, растопка, ухваты, кочерги и прочее.
11. Снаружи печи, с наружного бока и спереди, выделываются *печурки* в виде небольших окошечек, где хранятся огнедающие материалы, мыло, мочалки и где сушатся или согреваются рукавицы, чулки, онучи, катанки и т. п.

Трубы дымовые от печей обыкновенны: четырехугольной формы, не высоки, ниже одного аршина сверх крыш и выводятся в вертикальном положении; а в двухэтажных домах располагаются в главнокапитальных стенах, *выходят коленами*, потому что при соединении труб в один выход своды их ведутся *боровьями*, устроенными в наклонном положении; проходы называются *дымоволоками*. Трубы выкладываются из кирпича, который цементируется глиной. Когда печь бывает истоплена, трубы закрываются, или *закутываются*, чугунным *блинчиком* (кружком, закрывающим трубу ранее вьюшки) и чугунною или глиняною *вьюшкою* (сверху блинчика), для чего в трубе и делается гнездо. Тут, где труба закрывается, делают вход для вынимания и закладывания руками вьюшек (во множественном смысле подразумеваются и вьюшка, и блинчик); он заслоняется железным *ставеньком* или кирпичом и иногда по бокам затыкается тряпками. Вьюшки бывают в трубах от каждой печи, или в начале их, или на чердаке; в других же домах сверх вьюшек на подволоке бывают пропускаемы в трубы, в начале их, *листы железные*, которые *выдвигаются*

и *задвигаются* по мере того, много или мало нужно держать жару. Трубы от накопляющейся сажи очищаются шваброю, но очень редко; ибо у крестьян есть свой способ очищения сажи — протапливать печи осиновыми и ольховыми дровами[18].

У многих домов четвертая часть избы против печи отделяется заборкою, перегородкою, называемою *шолнушею, солнышею,* или *солнышем.* Это — дощатая перегородка по грядке, протянутой от сруба печи, начиная от угла оной до противоположной стены комнаты. Она занимает пространства в избе в длину немного более печатной сажени, в ширину равняется с шириною печи спереди, а в вышину до потолка не доходит. В иных домах вместо деревянной *заборки* бывают пестрядинные, холщовые и крашенинные занавесы. В этом отделении приделываются *грядки, полотки, полки* и *полицы* вокруг всей перегородки, и там же хранятся все бабьи домашние орудия и хозяйственная утварь. У иных хозяев в углу шолнуши за печью устраиваются жернова для молотья крупы и хлеба. В некоторых домах близ печей делаются небольшие *прилавки* или *голбчики.* Голбец перед печью составляет ход под пол, куда кладутся разные припасы, могущие вне избы замерзнуть. Вообще под полом, в солныше или избе, делается *подполье* — неглубокая яма вроде погреба, иногда с укрепленным бревенчатым срубом, с небольшою лесенкою и входом посредством опускных дверец. Если в избе не бывает закорки, то бывает пространное запечье, которое тоже именуется *шолныша.*

Вообще же угол, противоположный запечному, составляет собственную принадлежность хозяйки, ребятишек и кухонной обстановки — блюд, горшков, чашек и проч. Запечный угол — темный: в нем помещаются жернова для молотья и укрываются хозяин и хозяйка, когда не хотят кому показаться. Вдоль стен передней и боковой ставятся лавки; над окнами приколачиваются или *полки,* или вместо их оттягивается из целого бревна карниз — *зынза.* В избе тоже тянутся, наравне с другими грядками и воронцем, вокруг стен — над окнами, до полатей, печи и солнышо грядки и полки. Иногда выше грядок под потолком наперекрест из стены в стену укрепляются рядом по две жерди, называемые *мара-*

---

[18] Этот способ, принятый крестьянами Архангельской губ., был опубликован в журнале Министерства внутрених дел.

ми, на которых сушат лес для поделок, рыболовные сети и т. п.; или черные грядки для сушения жита.

В избе при входе над дверью устраиваются как бы висящие *полати* или *нары* (антресоли) из *полатниц* (досок гладких), расположенных по грядке от стены, где двери, и по *воронцу* (брусу, протянутому из боковой стены к становому столбу сруба, который поддерживает печь). Поэтому полати бывают в длину равны длине печи, а нередко делаются повыше очага ее, почти наравне с потолочной матицей. На полати складывается разная ношеная одежда и иногда все что ни попало, без разбора; также они назначены для спанья и помещения детей, так как на них воздух обыкновенно теплее избного.

Для всхода на печь и на полати к деревянному основанию печи приделываются приступки — лестница из двух- или трехбрусчатых неширoких ступеней, к верху узких; а иногда еще к двум столбам, пропущенным по углам печи, прибиваются пониже лежанки перила — просто из одной жерди, для облегчения подъема наверх. Сверх того, перилами же служит деревянная распорка означенных двух столбов, обыкновенно приходящаяся наравне с краем очага.

В избе от *воронца,* к потолочному матню протягивается березовый *стяг* (крепкая жердь), называемый *очапом;* в потолок он укрепляется железным кольцом. К свободно качающемуся концу очапа привешивается детская зыбка (люлька) — вроде деревянного продолговатого ящика без крышки — или же *корзинка.* Это бывает, когда в семье есть малютка.

Окон в комнатах прорубается не всегда четное число и не всегда одинаковой меры, что портит наружный вид домов. *Окошки* бывают четырехугольные, продольные или в высоту, или в ширину. Рамы вставляются деревянные, переплетенные в крест, со стеклами.

Большей частью оконницы небольшие, опускные или вовсе не открывающиеся и состоящие из одних рам летом и зимой. Стекла в рамах зеленые, само собой разумеется, не чистые, тусклые; их в раме бывает три в ширину и два в высоту или наоборот, а каждое стекло величиной в четверть и менее. Окон делается немного, и они выходят на улицу только спереди, а с боков мало. Прибавим к этому, что стекла содержатся в грязи, бывают часто разбитые, вставляются больше из кусочков, смазанных толстым неров-

ным слоем замазки, или заменяются сахарной и газетной бумагой, и потому летом в избах бывает темно *середи белого дня;* а по зиме рамы и стекла обмерзают дикими рисунками и сосульками на толстой ледяной коре, отпотевают снутри (отсыревают), гниют и производят сырость в самих комнатах. У зажиточных же крестьян окна бывают *красные, косящатые и створчатые,* на шолнерах от *отводов* и *косяков,* притом обширные, светлые, из белого или полубелого стекла с рамами, выкрашенными белилами на масле в шесть кисточек, т. е. две в ширину и три в высоту, с *порожками* (внизу) и *подоконья* (нижнего косяка). На зиму у зажиточных в окна вставляются *двойные рамы,* меж которых на обоконье высыпается песок, а на него иногда кладутся: белый мох, ветви рябины с ягодами, куски кирпича, соль в *тюричках* и т. п. Окна бывают еще волоковые — небольшие в два стекла, *в ставнях* (втулках), которые с улицы обиваются кожей или чем-либо другим. Ставни эти вставляются на место летних рам на зиму. *Окошечки,* поддерживаемые снутри на *вертлюжках,* бывают вынимаемы из ставней, когда надобно что-либо подать из избы на улицу: милостыню нищему, рукавицы или ременку ушедшему без них мужику — или ответить проезжающему на его вопрос и проч. А в стародревних домах, которых находится много, есть еще окна из *слюды,* вставленной в железных разнообразных рамках.

У окон приколачиваются *наличники* и *карнизы,* а во многих домах сверх того приделываются к *стойкам ставни* (дверцы на железных петлях) для закрытия окон, когда нужно бывает. Они *приставляются на день* к стенам деревянными или железными *вертлюжками,* или *припорами* (жердями от земли), а на ночь зимою для тепла закрывают сами окна. Стороны ставней, открывающиеся наружу днем, для прочности вымазываются смолою и дегтем или размалевываются мелом либо охрой; у хороших же домов ставни бывают расписные, т. е. на них для прикрасы рисуются различные цветы, резные линейки и другие знаки. Однако же ставни бывают не у всякого дома, и крестьяне вместо них к окнам на ночь приставляют соломенные *коверки.* Кроме того, у зажиточных хозяев окна в домах завешиваются ситцевыми и кисейными занавесками.

Из сказанного выше можно было видеть, что постоянную мебель крестьянской избы составляют: грядки — полки, напол-

ненные разными приборами и посудой, полати, загроможденные разными разностями, очап с зыбкою и прилавок у печки. Кроме того, за мебель следует считать:

1. *Лавки* в избах или *скамейки* в горницах. Они бывают неподвижные, подле стен, кругом избы. Это низкие сиденья (четверти на две с половиною от пола), заменяющие диваны и стулья, белые, устроенные из довольно толстых досок. Но вроде таких лавок бывают подвижные — белые скамейки. Они приставляются к стенам вдоль них и берутся для сиденья, когда встречается надобность, — например, ими обставляют праздничные столы.
2. *Стульчики* или низкие *скамеечки,* простого изделия, связанные из ивовых стволов, с дощечкой посредине наверху; стулья из простого белого дерева с закругленными спинками.
3. *Стол.* Он составляется из *столовика* (гнезда ножек) и столешницы, длинной и чрезвычайно огромной доски, выделанной из одного дерева или из нескольких сколоченных досок. Стол стоит всегда в *переднем углу*[19], длиною от него к углу, где порог. На нем совершается трапеза и стряпаются хлебы и другие печенья из теста.
4. *Наблюдники.* Они еще *зовутся блюдниками и блюдешками.* Это ряд полок с перильцами, прибитых друг над другом к стене в солныше пониже грядок; за них кладутся в прямом или покатом положении блюда, тарелки, чашки, вилки, ножи, ложки и т. п.
5. *Шкафик* с дверцами надвое или без оных или поставец с посудой в углу солныша.
6. *Глиняная рукомойка* или медный *рукомойник,* повешенный от воронца или грядки близ печи или близ порога в углу. Под рукомойкой *лохань* (ведро-лоханка) на деревянной тумбе и тут же *веник.* Над рукомойкой *зымза* (небольшая грядка), на которую кладется мыло. Но главнее всего избу украшает *божница* (планки или треугольник в переднем углу), обставленная образами на иконах и картинах. Кроме того, в избах

[19] Передним углом называется тот угол, где *божница*; а такой угол в избе тот, который не занят *солнышем.*

иногда бывают косые *зеркала* с утиральником, и у них лежат или висят на шнурках гребни. Утиральники еще висят на особых гвоздях у печей.

В домах поселян редко бывает более четырех комнат: самая обычная постройка в два и три *покоя* — жилой избы, иногда особой *скотной избы*[20] и горенки; но в некоторых домах между избой и горенкой бывает четвертая средняя комнатка об одном окне, в сажень ширины — она называется *чуланчиком*.

Горенки у зажиточных крестьян бывают в длину и ширину по 3 саж., у незажиточных же они чисто *конурки*, с двумя или тремя и много четырьмя окнами, с одними рамами, не более 1,5 саж. в ширину, 3 саж. в длину и 1 саж. в вышину. Капитальные стены бывают или белые обделанные, или отделанные чистенькими по сельскому вкусу, т. е. обиваются недорогими обоями (шпалерами) или оклеиваются простой *оклейкою* (бумагой), которая *выбеливается* мелом на клею, иногда смешанным с желтым цветом выпаренных в кипятке листьев от сухих березовых веников. Потолки в *горницах* большей частью из обтесанных брусьев, выбеленных мелом, а полы из накатника, чище и белее избных. Двери простые и однопольные; но в некоторых домах они разделяются надвое и бывают столярной работы. Печи в горенках делаются более русские, как в избах, и частью *голанки* (голландские) из кирпича; у последних привешиваются к устью чугунные дверцы. — Трубы уже известны.

Горницы как отхожие комнаты служат для приема гостей во время праздников и в торжественных случаях. Поэтому в них почти и не живут, и они не отапливаются во все это время, исключая разве случаи, когда *морозят тараканов* и избы *отворяются* (рамы из окон вынимаются и двери отворяются *настежь*). Оттого комнаты эти обращаются в хранилища имущества и не поддерживаются в порядке и чистоте.

Мебель в горницах бывает небольшая; но все же есть маленькая роскошь, именно: белые деревянные *скамьи*, так же, как в избах, подвижные и неподвижные, которыми обставляется почти на округ горница, иногда простые стулья — деревянные, окрашен-

[20] То же, что черной. См. далее.

ные в красную краску, без подушек и с подушками; один или два больших раскрашенных *стола* с точеными ножками, либо обыкновенные складные, либо раздвижные, покрытые лаком, накрываемые белыми *скатертями;* один, два и даже три посудных *шкафа,* в которых на полках под стеклом хранятся чайники, чашки, стаканы, рюмки, ложки и проч.; *наблюдник,* на котором (а также по зымзам печи) раскладывается разная посуда; *рукомойник* медный, а под ним такой же таз на стуле, табурете или скамейке у порога близ дверей, а иногда в *запечье;* в простенках висят или бывают поставлены на гвоздях одно или два безобразных зеркала четырехугольной формы в рамках[21], иногда еще под наклейкой красного дерева; а сверх их растягиваются чистые *сточники* (полотенца) с суздальским узором. Случаются в горенках еще часы старинные — огромные стенные, с боем, без футляров, и карманные луковицеобразные; а иногда недурной комод, накрытый салфеткой с тремя или четырьмя выдвижными ящиками. Но главное украшение комнат у крестьян — иконостас и собрание картин. Извинят нам, если мы поговорим об этом предмете с подробностями.

Жители любят устанавливать *божницы* (выкрашенные планки в виде треугольника) в передних углах. Божница — это заветное *тябло.* Особенно почитаются иконы *старинного письма,* хотя бы они были и *оперхавшие* (со стертой живописью)[22]. Все имеющиеся образа — большей частью простые иконописные произведения русских художников, и большей частью суздальского письма на досках. Все образа и воздвигательные кресты нередко находятся в дорогих кивотах, с позолоченною резьбою, в медных, аплике или серебряных окладах, с медными и серебряными *ризами,* уложенными жемчужными и бисерными роснами, с медными, и серебряными, и золочеными венцами, на коих навешиваются ручки, ножки, сердца, головы и проч., серебряные слитки, а также медали, кресты, ленты и проч. Если кивота нет, то иконы задергиваются *пеленой,* тафтичкой-тряпичкой. Кроме таких образов и распятий ставятся медные литые створцы с изображениями годовых, великих, Господских и Богородичных праздников. У икон бывают

[21] Рамки обклеивают чем попало: верхушками с помадных банок, конфетными билетиками, и картинками, и проч.

[22] Когда лики на иконах совсем исчезнут, то их *спускают на воду.*

новешены лампады со шкаликами, в которые наливается деревянное масло, и небольшие паникадила с восковыми свечами. Тут же в щели втыкаются ручные кадила, а на божнице находятся бутылки с деревянным маслом, ладанницы и просфора, а за иконы кладутся пуки верб. Картины со священными предметами и изображениями духовного содержания, покрывая стены горниц и изб, составляют не столько святыню, сколько настенные украшения.

Сверх того редкая горенка у крестьян не оклеена по стенам, от потолка и до лавок, лубочными картинами «вроде Погребения кота», увеселительно-игривыми, или картинками апраксинского искусства, более торжественными и патриотическими, как то: взятие Карса, бомбардирование Севастополя, с изображениями разных военных действий в России. Есть также картины с изображениями лиц царской фамилии, русских героев: Кутузова, Суворова, Паскевича, Меньшикова и других; а в хороших домах нередко встречаются рамки за стеклами с портретами, довольно правильно изображающими взятые для того личности, а также со съемками монастырей, богоугодных зданий и чтимых народом мест[23].

Черные, или *курные, избы*[24] суть одножилые флигеля. Они принадлежат преимущественно бедным обывателям; но есть и у зажиточных, которые имеют большое скотоводство, большое землепашество или какой-либо завод, а потому нескольких рабочих. Такие избы не все старые, а и вновь строятся. Избы эти бывают мшаные. Строятся из обыкновенного материала, стены и потолки бывают голые, бревенчатые; полы стелются из накатника; двери простые, однонольные. Устройство черных изб таковое же, как и белых: те же скамьи, грядки, полки, полати, очапы, рукомойки, столы и проч.

Черными или курными (а у хозяев при хороших домах они называются скотными) избами называются потому, что у них не бывает прохода дыма из печей обыкновенными трубами, а вместо них в сенных стенах изб, близ потолков и печей, прорубают-

[23] Картинки разного содержания распространяются в городе и по деревням в праздники, на рынках, торжках и ярмарках смело спекулирующими торгашами.

[24] В уезде они все еще существуют. При учреждении в 1838-м (хрон. переч. месяц. 1866 г.) Мин. госуд. имуществ считалось *дымовых изб* 1373, а в 1860 г. оставалось 425 (из отчета бывш. Окр. упр. г. И-в).

ся окна вроде больших духовых форточек, называемые *дымниками* и *дымоволоками.* Близ печей таких же, как и в белых избах (только без труб), — на деревянных кочережках вешаются котлы с водой, чтобы не пролетали искры огня, а из огромных *черных* печей (над шестком не бывает свода, ведущего в трубу) дым идет устьем их прямо в отверстие или в избу, через круглые верхи печей, и ходит по верху изб, обнимая чуть не половину квадратных хат; потом он уходит по подволокам под кровли и выходит деревянными трубами, после чего окна закрываются деревянными ставнями на крюках. Иногда ставней не бывает, а дымоволоки с отверстиями приделываются с боков стен, возле которых стоят печи в избах; такие трубы делаются решетчатые.

От *чаду* потолок и стены по полатям и грядкам так коптятся, что грязь лоснится и блестит; а оттого они бывают грязны пуще белых изб и воняют хуже их, ибо воздух от дыма делается похожим на банный. По верху, начиная с Вереколы, в черных избах ставятся огромные чаны с приготовленным кормом и пойлом для скота, куда загоняют коров утром и вечером, кормят и доят. Во время топки черных печей делается очень холодно; но когда печь истопится и отверстие в стене закроется, тогда изба скоро и сильно нагревается, словно в бане. Зачастую в смежности с черной избой бывает горенка.

Отхожие места, называемые *нужниками,* редко устраиваются. Их заменяют оставленные в полах над хлевами дыры, или около стен на сенниках, где-нибудь в углах; в нижних этажах или в одножилых жильях нередко и их не бывает, а для исполнения естественной потребности выходят на улицу или на навоз в хлевы. Иной вид отхожих мест суть простые калитки с узкими дверцами, а больше без них, с маленьким четвертным в квадрате окошечком, закрытым стеклом, и чаще вовсе не закрытым, с *рундуком*-лавкою, с двумя или одной круглыми дырами. Проводятся они более над хлевами либо возле них.

В нежилой (глухой) половине дома через сени бывает *поветь* или *сенник, сеновал.* Это огромная нежилая пристройка к заду дома, наравне с передом его, как в ширину, так и по вышине, и нередко под одной, сподряд с ним, сплошной крышей. Она не отделывается набело. Поветь всегда над *хлевом,* потому если дом низок, то поветь поднимается и крыша над ней делается выше домовой кровли.

Входов на поветь бывает два и три. Поветь от сеней отделяется: или капитальной стеной, или же *заборкой перегородкой*. В той или другой делаются обыкновенно двери, а для всхода к ним с сеней — лестница о двух или нескольких ступеньках (ибо пол повети не всегда бывает наравне с полом сеней, как уже мы видели). С улицы на поветь поднимаются в распашные ворота, растворяющиеся в разные стороны на железных крюках; к хате они привешиваются на толстых железных полосах и запираются *запорами* (деревянными толстыми закладинами) по *взвозу* (иногда выговаривается просто *звоз*), т. е. широкой и отлогой бревенчатой плоскости с перилами о двух или трех жердях, построенной сзади или с боку повети на *стойках* (копрах). На поветях около стен делаются лесенные спуски в хлева: это третий вход, ибо в хлевы еще двери бывают снизу.

Для освещенья в сеновале окон нет, а вместо них в стенах прорубаются скважины в виде оконок. В поветях хранятся сено и солома — на полу или на высоких *марах* (правильнее *нарах*, т. е. примостках), также мох, веники, земледельческие орудия, косы, сани, телеги и проч[25].

На повети же устраиваются: *клети*, *засеки* и *мякинницы*, т. е. перегородки или каморки, куда для сохранения скидываются всякого рода хлеб, другие предметы продовольствия, солома и мякина. Все кладовые чуланы бывают устроены или из капитальных стен с надлежащим потолком, или же из набора досок пильной работы, и ход в них бывает или особо сделанными дверьми с замком, или же разборкою *потолочин*. Всход на потолок совершается или по приставной легкой лестнице, или же по неподвижной, пригнанной и для хода на чердак. Все вообще чуланы бывают небольшие и невысокие, всегда почти прижатые к надворной стене сенника, в которой проделывается на свет небольшое и узкое окно, загражденное или вбитое планками или стеклом-двумя в рамках. Нередко кладовые бывают под избами, когда дом порядочно высок, а в некоторых домах таких бывает по несколько. У них двери крепкие, на замках. Следует еще заметить, что за недостатком помещений в кладовые обращаются горничные, сени и самые нежилые комнаты.

---

[25] Для этих предметов некоторыми устраиваются особые *сараи и навесы*. См. далее.

Мы уже сказали, что хлевы бывают под поветями, когда дома высоки: переды такого дома на подызбицах, а зад с поветями подняты над хлевами. Но устраиваются и особые от дома хлева: или в соединении с домом, но с особой *хороминой,* или же пристраиваются наравне с домами и под одной крышей, позади *дворищ,* а то и *в исподи,* под жилыми комнатами. В первом и последнем случаях ходы к скоту бывают особыми от дома дверьми; а во втором — через сени или же двором. Кроме того, бывают лесенные спуски с поветей.

От влияния суровой и холодной погоды хлевы для помещения скота круглым счетом в течение восьми холодных, бестравных месяцев устраиваются прочные теплые и при всем том поместительные. Строительные материалы обыкновенны. Крыши, когда хлевы в особых зданиях, закрываются дранью; овечьи же *стаи,* особо устраиваемые, кроются шатром из досок. Стены квадратные, бревенчатые, нечистые. Потолки из накатника на матицах. Отчасти хлевы проконопачиваются черным мхом. Хлевы больше бывают без полов и вязки; а хотя есть и мощеные, но грязь с них счищается редко. Оттого воздух в хлевах постоянно пропитан испарениями и очищается только весной и летом, когда ворота двора и двери отворяются совершенно для просушки. Сырые хлевы никогда не окуриваются. Однако ж навоз не остается долго под скотом, а убирается из хлевов по мере накопления. *Назем* (навоз) вываливается из хлевов на улицу. Уборка его бывает по утрам. Для сего невысоко от пола в стенах прорубаются окошечки со втулкою. Против этих отверстий делаются на улице *подмостки* из досок или *накатника.* На них навоз хранится в кучах до тех пор, пока его надо увезти *на поле.* Должно полагать, что выкладка навоза на подмостки признана полезной.

Хлевы, служа помещением для коров, быков, лошадей и отчасти овец (за неимением овчарен и конюшен), отделяются *стоями* и *стойлами.* Разделение их производится дощатыми невысокими перегородками по обеим сторонамъ *двора*[26]. В стаях и стой-

[26] *Двором* называется место над домом между хлевом и стойлами. В иных домах двери простираются во всю длину домов и имеют спереди и сзади большие ворота. Дворы стоят редко очищенными от навоза. Ворота у них такие же, как у взвоза на поветь.

лах забираются из досок от стен хлева не широкие и не так высокие, но довольно глубокие *ясли.* В них с поветей опускается скоту в известное время сухой корм: сено, солома и др. Это делается посредством проходов, сделанных около стен в потолке хлевов перед каждыми яслями. Через эти же отверстия возобновляется воздух в хлевах. Разумеется, когда хлевы бывают в особых зданиях, корм в ясли сносится просто. В яслях остаются *объедки;* они убираются довольно редко, тогда как через то очень чувствительно рождается сырость и гниль, уже не говоря о том, что корм здесь нередко дается гнилой и мерзлый.

Света в хлевах бывает очень мало, ибо он входит только через небольшие, узкие, продолговатые *окошечки* в четыре, три, два и одно небольшие стеколки; а у других хозяев бывают вместо них простые *продушины,* т. е. вырубленные в стенах дыры, которые во время стужи затыкаются сеном или соломой; а с наступлением оттепелей *затычки* оттыкаются.

Засим все домовые постройки описаны. Остается сказать про уличные украшения домов и служб.

Как ни хороша обстройка в Архангельской губернии, дома снаружи нередко кажутся более безобразными, чем благовидными. Кроме того снаружи почти всех домов кладутся в *костры* и в *стоячку* дрова, *сляги, кряжевник,* жерди, колья, тут же сани, телеги, бороны, щепа и неприбранные деревья. Все это окружает строения — будто бы для тепла от зимних холодов, а в теплое время от дождей[27].

Деревьев, посаженных возле домов, вовсе почти нет. Но в старое время народ любил обсаживаться ими. Это видно из того, что в древней Кевроле в огородах много стоит деревьев-саженцев куртинами, т. е. единично. Зато флюгера, огороды, заборы и тыны есть.

Указателями направления ветров служат крестьянам домашние *флюгарки* (флюгера). Они устраиваются на длинных, гладко обтесанных жердях, в виде высоких корабельных мачт, которые и скрипят на ветру, словно на судне. Шесты эти укрепляются в земле или на открытых местах, или возле домов, либо других

---

[27] По зиме еще некоторые хозяева зарывают основания домов снегом, чтобы *не вело, не подвеивало.*

строений, более в углах[28]. Флюгера делаются из сукна, кумача, ситцев, просто из дерева, виляющего около тонкого шпенька, или поделочного, т. е. в разных фигурах — статуэтках, изображающих петуха, курицу, лошадь и др., или же расширенных крыльев и хвостов сорок, вздетых на нитки и защемленных в планочных жомах, которые вертятся на шпеньке в любую сторону.

Живых изгородей нет, несмотря на то что множество ивняка пропадает на корне. Частоколы встречаются редко, и то лишь у поселившихся солдат. Нивы, луга и гряды обносятся изгородями, называемыми всегда *огорожею* и *огородами*. Они устраиваются из еловых и сосновых кольев и жердей и продолжаются *пряслами*. Каждое прясло строится из шести кольев длиной до 1,5 саж., в конце заостренных и вколачиваемых горизонтально крепко в землю пластью или обухом топора. Колья в таком прясле переплетаются ивовыми и еловыми *вязами*, от 6 до 8, 10 и 12 вязов на каждой паре кольев. Еловые вязы бывают крепче, и их размягчают над огнем. На каждый вяз кладется по одной жерди, длиной в 2–3 сажени и обтесанной в толстом конце: одна жердь приходится на шесть колов. Затем колы подпираются с одной или с обеих сторон небольшими кольями, косвенно-вбитыми[29]. Большее или меньшее чисто вязов и жердей в огороде зависит от местности: так, около выгонов, где пасется много рогатого скота и бродят табунами лошади, всегда готовые сломать изгородь, *огороды* плотнее, или где много ходит овец, чтобы не могли заползти за изгородь; а за лесом, озером, рекою и другими естественными преградами огороды проще, плоше, а в иных местах их и вовсе не бывает. Длина огородов весьма различна: обыкновенно она бывает сообразна с величиной площади огораживаемого места. У больших *ободов* (общих сенокосов) в тех местах, где пролегают проездные дороги, почтовые, проселочные и полевые, там по срединам полотна дорог устраиваются или раскладочные заборы, или створчатые ворота, обыкновенная простота которых известна всякому.

Вверху же уезда — как, например, в Кевролъском — крае, а отчасти и *понизу* вместо означенных огородов изгороди состо-

---

[28] Флюгера бывают еще на ветряных мельницах и парусных судах.

[29] Верхушки кольев не опиливаются и не обрубаются, как это делается крестьянами Архангельского и Холмогорского уездов.

ят из столбов, в которых выдалбливаются дыры так, чтобы в них могли проходить жерди, коих в столбе бывает три, четыре и до восьми. Такие ограды крепче, стоят дольше, да и материала забирают меньше. Кроме того, нередко можно встретить плетни, устроенные из хвойных жердей с ветвями. Это бывает там, где есть *росчисти* или где почва песчаная и ветер может переносить песок.

Тынами, или *заборами,* обносятся дома редко; их заменяют такие же огороды, какими обносятся поля и пожни. Имеющиеся же построены из поставленных в земле столбов с набитыми досками пильного дела. Ворота в тынах бывают двойные распашные. Они затворяются *шпорами* и *вертлюгами.* Близ них бывают калитки с небольшими воротами. Те и другие вымазываются смолой.

Что касается остальных служб, то в Пинежском уезде чаще всего крестьянский дом и холодные службы составляют одну связь. Но необходимость, или невозможность содержания помещений всех вместе, заставляют возводить особые здания в стороне от домов, и потому строения бывают *надворные* и *сторонние* (отдаленные). К первому отделу можно причислить сараи, навесы, амбары, погреба, колодези и бани, а ко второму: прясла, овины, гумна, мельницы, избушки — скотные, перевозные, сенные, и заводы — кузнечные, кирпичные, гончарные, кожевенные, скорняжные, красильные, известковые, зольные, угольные, смолокурные и дегтярные.

Сарай есть складочное место для сена. Он обыкновенно представляет пустое здание, построенное из растущих или сухоподстойных деревьев неодинаковой длины и высоты, в четыре стены и с тесовой крышей. Внутри нет ничего, кроме пропущенных от одной боковой стены к другой *матенных бревен,* на которые постилаются *тесницы,* куда и складывается сено. Крестьянами сараи выстраиваются очень редко. У них на то есть повети.

Навесы. Они строятся только изредка — например, на станциях для хранения телег, саней, повозок, а также земледельческих орудий; тут же от снега и дождя привязываются вспотевшие лошади. Строятся они не одинаково: у одних просто крыша из пильного теса на стропилах, которые иногда забираются тесом же; а у других стены из длинного накатника в столбах с крышами и двойными воротами на замке. Наверх навесов некоторыми свозится сено.

Амбары — складочные магазины или житницы, устраиваются более *насупротив* домов хозяев, за дорогой или улицей и очень часто по нескольку подряд, прямолинейно друг о дружку, хотя и многих хозяев; но столь же часто амбары устраиваются и позади дворов, и на концах селений. Устройство амбаров незатейливо. Они всегда основываются на сваях (стульях). Пол делается еще выше. Амбар всегда одноэтажный; четвероугольные стены выводятся в квадрат из растущих не толстых дерев, голые и промшенные. Здания в длину и ширину от 4 арш. до 2 и 2,5 саж. Пол и потолок накладываются на матицы и балки из накатника. За нотолком чердак, где всегда делается одно или два небольших *слуховых* окна, которые, чтобы не залетали в амбар птицы, затягиваются проволочными или веревочными сетками. Крыша шатром из желобоватого теса или круглоровных и не толстых дерев, с желобами и князьком. В амбарах делаются *закромы* и *полки,* а для просвета — окна небольшого размера. Для входа навешиваются на крюках и петлях одни простые однопольные двери, отворяющиеся внутрь и замыкающиеся через пробои и лебедки висячими и внутренними замками. Когда двери бывают сделаны так же высоко, как и пол в амбаре, то устраивается срубное крыльцо с *лесенкой* ступени в две, три и четыре и иногда еще с перилами.

Жители здешние — вполне жители вод. И потому к *колодцам,* или колодезям, т. е. искусственным водохранилищам прибегают только в тех деревнях, где поселения на *суходолах,* т. е. нет ни реки, ни чистого озера, а естественные резервуары далеко от жилищ. Колодези копаются без разбора удобств и благовидности, на улице ли среди дороги, обок ли с домом, на задах ли, для крестьян все равно: им не до вкусов и удобств. Колодези бывают различной глубины, смотря по изобилию в земле водяных жил. С боков врубаются накрепко деревянные стены. Но часто такие колодези или иссякают, или засоряются. Над колодезями устраиваются более или менее высокие срубы, а возле них устанавливаются высокие и толстые столбы, называемые *жаравцами* (единст. *жаравец)* с перекладинами на нем, как бы лестницей; наверху столба — *журав* (оцеп, или бревенчатое коромысло), к которому на веревке или на цепи привешивается ведро, опускаемое в колодезь и вытаскиваемое наверх с водою руками. У некоторых вместо жаравца ведро с водой вытягивается наверх по колесу, ходящему на

оси в столбах. Чтобы колодезь не засорялся, сруб его закрывается дощатою *крышкою,* которая у некоторых колодцев бывает на петлях. Но крыши бывают не везде, и потому колодези не везде безопасны для детей и мелкого скота.

Удобными для ледников, а по-народному — *погребов* и *погребиц,* считаются угористые места с плотной, крепкой глинистой почвой. Их имеют преимущественно богатые люди. Погреб — очень обыкновенная постройка: небольшое, квадратное, из нетолстых и недлинных бревен строение, но хорошо построенное и крепко закрытое; фундамент его плотно забит умятой землей. Оно служит и кладовым амбаром, под полом которого в земле бывает настоящий погреб с опускной дверью, как у люков, и лестницей для спуска. Над погребом у некоторых приделываются полки. Погреба ежегодно *набиваются* привозимым снегом, потом разбиваемым и утаптываемым. В погребах сохраняют от порчи рыбу, мясо, молоко, масло, квашенье, грибы, разную пищу и т. п.[30]

Баен (бань) общественных или торговых нет в уезде и даже в городе. Русская баня довольно известна по своему значению в качестве врачебной помощи. Поэтому бань в деревнях почти столько же, сколько в них домов. Они обыкновенно относятся от домов на пустопорожние места, как то: назадворки (позади дворов), под угоры, на угоры или около речек и озер; но немало есть и неподалеку от домов. Здешние бани сохраняют первоначальный вид сельских бань, потому что построены и строятся всегда под названием *черных,* т. е. дымовых, или курных; белые бани встречаются очень редко. Постройка бань не чиста. Строятся они преимущественно из деревьев, не годных на большие постройки. Все здание редко превышает 4 саж. в длину и 2,5 саж. в ширину. Фасад его вышиною от основания до крыши 5 аршин. Крыши бывают из теса на два ската или крытые дранью, а у иных бань их не бывает: на потолке просто насыпан песок или земля, нередко пустившая поросли. Полы бывают деревянные, из распиленного накатника, но чаще всего их не бывает, а вместо них по незакрытой земле настилается сухая солома. Потолки бревенчатые, сте-

---

[30] Там, где в горах есть щели или пещеры, как, например, в Кулогорских деревнях, — там молоко бабы носят и оставляют в горах. Для наблюдения учреждается очередный караульщик.

ны не отделываются. Банная комната есть полутемная изба. Окон в ней бывает по одному и иногда по два небольших; у некоторых бань в окнах не бывает рам со стеклами, а они закрываются толстыми деревянными ставнями. Впереди банной комнаты, отделяющейся капитальною стеной, бывает холодная маленькая (в шаге и меньше шириной) передняя, или раздевальня, или же предбанник, называемая туземцами *припередком* и *сенцами*, в которой раздеваются и одеваются. В ней бывает одно или два маленьких окна, ничем не закрытых, либо закрытых негодными вениками, лавочка или две для сидения, а поверх их одна или две грязные полки для белья. В сенцы ведут ворота с улицы, а из них против ворот двери в саму баню. Печи в банях *складываются* из одного полукруглого свода вроде печи, выбитого из глины без участия извести: на этот свод накладываются плотные камни, булыжник серый, дресвяной и кирпичные обломки, но так, чтобы меж них проходил снизу дым. От того они и называются *каменками* (камельки). Дым при топке каменки выходит из бани в отверстие, сделанное в стене (более южной), вроде слухового окна или душника (большой форточки), которое закрывается по окончании топки втулкой или деревянным ставеньком, а не трубой наверх, как в белых банях. *Баня готова бывает в три каменки или в три истопля*. Нагревание ее происходит через накаливание огнем камней, по подложении в свод зажженных дров. Чтобы произвести в бане большее тепло (жар), т. е. необходимый для русского крестьянина *пар*, на раскалившиеся камни наливают по мере надобности холодную воду. В глиняных или кирпичных основаниях банных печей ставятся *котлы* для нагревания воды. Горячую воду разводят холодной в шайках (деревянных глубоких тазах). Холодная же вода наносится в кадки и бочки или бывает в *ушатах*. Кроме того, в особом ведре приготовляется *щелок*. Крестьяне мало моют тело, а только *парятся* и окачиваются водой; хотя и не всеми употребляются однако сверх обмовения водой черное мыло и *мочалки*, заменяющие губки, а для паренья лиственные веники из березовых ветвей, которые, если они засохли, размачивают в холодной воде и бросают на каменки, а когда они размягчатся, то тотчас же ими *хвощутся*. Для *сижанка* моющихся в стенах от полков по передним близ окон и боковым стенам до простенков делаются деревянные скамьи, а для паренья — широкие и высокие, чуть не до самого потолка, *полки* (пола-

ти или скамьи) на столбах, возле глухой стены, рядом с каменкой. На полки и скамейки иногда настилаются сено и солома. Грязь в банях доходит до ужасной нечистоты, потому что ее редко очищают. Бани посещаются почти еженедельно и всего более приготовляются в субботние дни; моются же под вечер, по окончании дневных работ. Но также приготовляются бани накануне больших праздников и в других случаях: в случае родин, перед венцом (свадьбами), пред танцами или с дороги и т. п.[31]

Овины строятся всегда на *запольках,* ближе к полям или возле дорог, на неудобных для хлебопашества местах. Они выстраиваются или особо, или в связи с *гумнами.* Устройство овинов очень обыкновенно, как и в других местах Великороссии. Это небольшая (аршина в три вышины, иногда поболее), почти кубическая горница, рубленная из тонких строевых или сухоподстойных *бревешек,* не чищенных от древесной коры, над ямою (сушилом), накрытая кое-как, плоско, ровно, тесом или накатником, и законопаченная в стенах и углах мхом. Пола не бывает, а на потолоке иногда насыпается земля. В стене более на юг прорубается окно, которое во время сушки хлеба закрывается либо деревянным *ставнем* (втулкою), или пуком соломы. Тогда дым расхаживает по всему овину и едва-едва выходит в щели крыш и стен; в окно же дым выпускается *горький, смрадный,* когда только теплится овин (правильнее — топится печь в овине). Яма в овине бывает четвероугольная, глубиной аршина в три. В ней складывается печь (курильное горно), как каменка в бане, куда кладутся дрова. От стены до стены внутри овина близ потолка вколачиваются *колосники* (или как угодно назовите: перекладины, планки, жердочки), на которые *садится* (развешивается) густо колосовый хлеб в снопах. В овинах редко делаются двери, а вместо них прорубается окно внизу строения, в противоположной ставне стене, в которое может войти ползком человек. Забравшись в овин, один принимает от другого хлеб с улицы, развешивает его там и затопляет печь; а другой привозит хлеб с поля или с прясел и подает его находящемуся в овине. Просушивание в нем хлеба происходит от жаркого натопления печи

[31] Здесь нет того обыкновения, чтобы мужчины и женщины, все без изъятия, мылись в банях вместе (сказывают, что оно в некоторых местах Архангельской губернии существует).

и через скорое *закутывание* (закрытие) проходов дыма и печного жара. Овины отопляются более в тихую погоду на ночь, так что хлеб высушивается сам собой, иногда с присмотром, к утру.

Гумна (гумны) заменяют здесь риги и молотильни. Строятся они или вместе с овинами, или особо, но невдалеке от них. Устройство гумна еще проще, чем постройка овина. Это просто холодный, длинный сарай о четырех стенах или как будто переносный сруб из чистых или неочищенных бревен без *конопати,* закрытый в один ряд досками, а иногда и без крыши. Длина гумна в 4–5 саж., которая превышает в два раза ширину, а высота не более 0,5 сажени. Ворота у гумна бывают широкие, распашные надвое либо однопольные, двое — с северной и южной стороны, чтобы ветер беспрепятственно ходил по всему гумну. Вместо пола площадь земли в гумне *убивается* и гладко *уравнивается.*

При гумнах у иных хозяев на неторoватую руку устраиваются *мякинницы* — плохенькие конурки из досок, куда складывается солома и обой хлеба (мякина).

К числу построек, полезных при уборке зернового хлеба, можно отнести и *прясла.* Они устраиваются на полях, ближних пожнях и в особых огородах вблизи овинов и гумен, а иногда и возле домов. Прясло — особенного рода огорода или стойка из 3 и до 12, довольно высоких, с двух сторон обтесанных столбов, которые кладутся горизонтально к земле, на 2 и 3 саж. одно от другого; в одинаковом расстоянии на обоих столбах вырубаются круглые дыры, по 3, по 4 и по 5 в каждом, начиная не низко от земли, в кои параллельно *продеваются* длинные и обтесанные в толстых концах жерди, по 3 и более на каждый ряд (3 столба) — смотря по тому, сколько в столбах его присовов; на таком *жердии пряслятся* (развешиваются) снопы колосового хлеба, разделенные пополам, книзу *колосьями,* а кверху *комлем,* так что верхние снопы закрывают комли нижних (смотря по тому, широко ли отстоит жердь от жерди). Ширина прясловых жердей прибавляется для снопов ржаного хлеба, так как ржаная солома длиннее ячной. Рядов прясел в одном месте бывает по четыре и более; но нередко они устанавливаются не рядами, а вдоль, прямо возле прясла, так что бывает только один или два ряда до 20 деревьев в каждом. Кроме того, прясла бывают не из столбов, а просто из жердей высокой огоро-

ды: шесть жердей воткнуто в землю в три стойки и связаны вязами, а на вязы кладутся жерди же — по 3 и более.

В отношении *мукомольных мельниц* уезд можно разделить на две половины: первый стан с *ветряными*, а второй с *водяными* мельницами. Число первых довольно значительно и соответствует местной потребности. Впрочем, и в местах нахождения они есть не в каждой деревне; да немало зернового хлеба вымалывается в крупу и муку в домах крестьянами на ручных жерновах. *Ветром действующие мельницы* строятся во всем по плану и фасаду, принятым за образец вообще в губернии. *Становища* их — угористые и вообще открытые для ветров места. Устройство этих мельниц следующее: круглая о 8 или 4 углах пирамидальная баба в известном размере и достаточной высоте, устроенная из положенных рядами (4 и 8 в ряде) круглых бревен, одного сверху другого, внизу длинных, а вверху коротких, в виде тупого конуса; на бабе этой небольшой квадратный амбарчик, выстроенный из плотно стиснутых деревьев в брусьях или бревнах, с крышей в виде шатра, с флюгером наверху и дверями на замке, к которым ведет выход с перилами и через который затаскивают наверх и спускают оттуда хлеб в мешках, и с опущенной на вес легкой лестницей, служащей, при посредстве висящей же жерди, ходом на выход. В амбаре том вмещается весь механизм мукомольни, а сквозь него проходит толстое бревно, к коему и вколачиваются дощатые, довольно длинные и широкие, с откосами, четыре крыла, поворачивающиеся довольно скоро. Для действия ветра на крылья посредством длинного и толстого бревна, конец которого укрепляется в земле, амбар всем корпусом поворачивается в любую сторону, с которой только дует ветер. Молотье на ветряных мельницах производится более с утра и оканчивается немного позднее полудня; но мелют и по вечерам, и даже ночами. В сильные же ветры *мелево* на мельницах останавливается.

Вододействующих мукомольных заводов не так много. Они устраиваются на *плотинах*, устанавливаемых на текущих быстро речках или ручьях (конечно, течение зависит от склона падения), имеющих в запасе воду позади себя в потоках и озерах, которые запружаются и выпускаются по надобности, — более в лесах, почему запруженная вода не вредит ничему. Здания заводов похожи на простые сараи; только осмотр внутренности его убедит вас в суще-

ствовании мельницы. К ней пристраиваются на сваях мосты из бревен. На водяных мельницах вымалывают муку, дерут крупу и выделывают толокно. Они бывают более о двух поставах и одних жерновах. Для смазки механизма употребляется смола и ворванное сало.

Стойки скотские, или скотные загоны (коровники), — просто срубы, только с немного покатой лежачей крышей, с полом, а чаще без него, и с свободным ходом — дверьми на петлях или приставными; на месте же чердака иногда бывает сенник. Строятся они из нечистых деревьев как строение временное, на лугах *за реками* от домов.

Сверх описанных строений в селениях, особо в отдаленности от домов, устраиваются крестьянами временные жилища: *перевозные, сенные и промысловые, лесные или разволочные избушки.* Все они походят по устройству как одна на другую, так и на черные бани, потому что в них бывают такие же печи, такие же окна, такие же скамейки и полки, служащие койками; иногда только печи бывают такие, как в черных избах, за исключением банных камней; и еще одна особенность: не бывает сенцев, какие в банях. Предназначение жилищ этих видно уже по самим названиям. Перевозные избы становятся на угорах рек,через которые существуют перевозы; сенные — на безопасных лугах, когда сенокосы от дома находятся за 10–30 верст, чтобы можно было где укрыться от холода и мокроты и отдохнуть от трудов спокойно; лесные же — в разных урочищах при скопищах вод и местах *боровых*, около которых производятся зимой лесные, а по лету — рыбные промыслы, верст за 10–40.

Кузницы — холодные помещения, устраиваемые поодаль от жилых строений, на сырых местах. Состоят они из следующего: на голой земле становится из бревенчатых стен сруб с одними дверями, возле него *станки* для ковки лошадей — и кузница готова. В ней бывает *заборка* из досок — кладовая для угля и инструментов. Тут же иногда бывает и *колодезь*, образующийся из бездонной бочки, забитой в сырое место, или же делающийся на улице о бок с кузницей. Посреди сруба (за неимением пола — на голой же земле) ставится небольшой деревянный срубок для горнила. *Горно* бывает об одном огне, простое, состоящее из одного кирпичного свода или порядочной горнушки. *Меха* у горна бывают одни,

ручные и притом малые, кожаные с железной *раздувальней.* Дым от огня в горне идет свободно вверх на воздух, так как крыши на кузнице не делается; а если бывает потолок, то для прохода дыма в нем перед горном делается окно с железной решеткой. Инструменты в кузницах: железные наковальни, вделанные в деревянные тумбы, гвоздильни, винтовальные доски, зубила, разные молоты, тиски, клещи, насеки, бородка, угольные щипцы и проч. Кузнечат здесь простые железные и стальные изделия: шпильки, разные гвозди, винты, подковы, шила, ножи, топоры, серпы, косы, виды, лопатки, сошники, шины, крючки, петли, пробои, тяги, лебедки, кольца, обручи, терки, воронки, подсвечники, сковородки и сковороды, поваренки, ковши, щипцы, заслонки, кочерги, ухваты, шелепуры, пешни, остроги, напилки. Но кузнечное мастерство не развито значительно, и нет людей, занимающихся исключительно им. По этому самому и устройство заводов не завидно. Мехи и инструменты убираются из кузниц, как только кончается работа. Железо и сталь приобретаются на ярмарках, а уголь у местных угольщиков или самими выугливается. Выделка новых и поправка старых медных изделий производится особыми мастеровыми – *медниками;* также имеются особые мастеровые для поправки и изготовления новых замков и ключей. Таких особых мастеров в уезде немного, и работа у них идет в домах или банях, в печах или на горнушках.

Кирпичные заводы легкой постройки. Это дощатые шатры, возведенные из одних невысоких крыш, на деревянных стропилах, в местах, изобилующих кирпичной глиной. Заводы все ручные; инструменты: *заступы* (железные лопатки), железные *ломы* и *песты.* Особых рабочих не бывает, да и заводов в уезде мало. Употребляемые для выделки кирпича материалы суть: красная и алая глина, крупно- и мелкозернистый песчаник, желтый и красный, и вода из рек озер и болот. Кирпичи делаются в шалашах просто: сперва глину топчут и бьют толстым пестом, а потом формуют голыми руками и кладут в доски, где они и просушиваются; обжигают же длинными дровами в печах, складенных для того нарочито из кирпичей. Печей бывает по одной в завод. Они бывают о 2–7 устьях и состоят из калильного пода и очага для дров. Мелкий красный кирпич продается не дороже 30 коп. за сотню, а крупный алый не дороже 6 руб. за тысячу штук.

Гончарные заводские строения составляют небольшие деревянные избушки, устроенные где-либо в угорьях. В них для сушки и обжигания изделий есть небольшие печи из бурой глины. Изделия выделываются из красной (гончарной), синеватой и пепельного цвета (горшечной) глины просто голыми руками и кладутся в формы, сделанные в земле. Выделывают здесь: рукомойники, тазы, кубы, горшки, лотки, формы, блюда, чашки, крынки, крышки, кружки, масляницы, солоницы, сальники (для освещения), вьюшки трубные, цветочники, кибасы (к сетям) и проч. Вещи, называемые *муравленными,* вообще выделываются из красной глины; внутренность их полируется (говорят: *наводится глянец)* свинцовым блеском.

Устройство *кожевен* плохое. Они или пристраиваются к жилым домам, или выстраиваются особо от них. Образцом построек служат бани; они отапливаются только тогда, когда нужно работать в холодное время. На кожевенных здешних заводах выделывается кожевенный товар, преимущественно из кож рогатого скота, но обработываются и лошадиные. Вкратце обделка такова: для очищения от волос кожи кладутся в зольники или деревянные кадки, где дубильные вещества, белая известка и осиновый шадрик (пепел-зола); очищаются на *колодках* (тумбах) простыми *скоблями,* промываются колодезной водой, *квасятся* хлебом, перекладываются в дубильные чаны (кади, которых бывает иногда по одной, а иногда по две в заводе); *дубятся* несколько дней и недель толченым *дубом* (березовой и ивовой корой); промываются мочкою в озерах на веревках; выжигаются, напитываются ворванным салом и дегтем, окрашиваются синим сандалом и черным купоросом; развешиваются на шестах, сушатся на воздухе и *мнутся* простыми *мялками.* Машин на заводах нет. Работают более одни хозяева. Из приготовленных таким способом кож выделываются: замша, юфть черная, белые и черные опойки, выростки и подошвы. Можно купить: юфть за 1 р. 50 к. — 3 р. 50 к.; белый опоек 50 к. — 1 р. 50 к.; выросток 30 к. — 1 р. 30 к.; черный опоек 40 к. — 1 р. 50 к., подошвы 4–6 р. За выделку кож кушнеры получают от 10 к. до 1 р. 50 к. со шкуры или берутся выделать из-за половинной цены; так, например, если шкура стоить будет 4 р., то за работу берут 2 р. и т. п. *Скорняжни* не составляют здесь особого рода заводов, а иногда только помещаются в отдельных избах, подобных

кожевням; более же скорняжество производится в тех же избах, где и семейства живут, потому что работы бывают незначительны. В скорняжнях почти единственно обделываются шкуры простых русских овец. Обделка бывает *белая* и *нечистая*, а вкратце она такая: сначала *мездру* (не меховую сторону) шкуры вымачивают в воде с разведенной солью и очищают от жиру и приставшего мяса на *стругах* (железных, стальных косах), потом квасят в кадках с *хлебными квасами* (в мучном киселе) и затем очищают набело; растягивают, сушат и мнут мялками в виде острого серпа. Улучшений не замечается. Рабочих не бывает, а работы производят сами мастера-хозяева. Шкуры выделываются более для местных жителей. За выделку берут с *овчины* от 3 до 6 копеек.

Красилен в здешнем уезде очень мало, да и производство на них незначительно. Рабочих особых не бывает, а управляется с работами один хозяин. В заведении бывает по одному *кубу*. Для окрашивания употребляется: *кубовая краска, индик*[32], известь, зола, сандал, купоросное масло, коломенская глина, черный и синий (не зеленый ли?) купорос, аравийская камедь, *шубный*, или *мездренный*, и рыбий *клей*. Красят наиболее только холсты[33]. За красочную набивку берут от 3 до 4 копеек за аршин. Но окрашивают и нитки, шерстяную пряжу и изделия из них: чулки, рукавицы и проч.; а сверх того, шерсть, льняные и шерстяные пряжи и изделия окрашиваются травою-зеленицею — в зеленый цвет, корнями матуры — в малиновый и వересками — в желтый цвет. Этим окрашиванием занимаются женщины, но не все, а редкие.

Выжигание извести[34] производится из камня, известного под именем горного белого известняка. Особых построек для выжигания *извести* почти вовсе нет, кроме закрышки из досок. Жженая и нежженая известь доставляется более всего для кожевенных заводов и к каменным постройкам. Продается мерою корзины от 30 до 50 к. за четверть.

Зольница. Зола выжигается в обыкновеннных ямах, вырываемых в земле. В них складываются в кучи или костры валежные деревья, корни, вершины и сучья, где и зажигаются. Потом

---

[32] Индиго.

[33] От этого он и получает название набивни и набойки.

[34] Это древний промысел.

хворост подбавляется в яму постепенно. Уголья от влияния воздуха сгорают и превращаются в пепел, пока не будет видно, что золы достаточно. Она высыпается в бочки и доставляется на кожевенные заводы. По малочисленности этих заводов и небольшой значительности операций их зольное производство здесь ничтожно.

Угольня. Переугливание леса здесь очень мало. Уголь получается из валежных и сухоподстойных деревьев, зажигаемых в кучах, складываемых обыкновенно в ямах более или менее обширных. Чтобы огонь не соприкасался с воздухом, ямы закрываются дерном, мхом и негодной соломой. По окончании переугливания угольщик разгребает покрышку лопатой и убирает головни, а кучу сравнивает. Когда же она остынет, уголь вынимается крюком и затушивается землей. Древесный уголь доставляется на кузницы; прежде его немало доставлялось на питейную контору[35].

Лесотехническое производство вообще в Пинежском уезде начато с очень недавнего времени и потому развито еще незначительно. Но познакомиться с ним не мешает.

Смолокурня. В сухом грунте выкапывается круглая яма до 3 саж. глубины. Над ней устраивается кирпичная печь в длину около 2 саж., а шириной до 2,5 саж. Смолу гонят непосредственно из смолистых длинных поленьев, нарубаемых из хвойного леса преимущественно сосновой породы, посредством пережигания их в печах. Дрова в печи складываются плотно до самого верха и зажигаются; *очелок* же (устье печи), служащий для накладывания дров и вынимания уголья, закрывается и замазывается. Управление огнем производится через отдушники, которые то открываются, то закрываются. Дрова от худоходящего в печи огня постепенно тлеют, пуще смолятся и выпускают на дно наклонного пода печи смолу. Отсюда она спускается по наклонному желобу, проведенному из углубления пода под печью сквозь землю, и вытекает трубою вне печи в бочки. Печь закрывается деревянным шатром, или срубом из бревен-кругляков с крышею. Здесь гонится простая черная смола. С таким же расположением усваиваются дегтярные печи для гонки из смолистых деревьев и бересты жидкого и густого дегтя.

---

[35] В Холмогорском же и Шенкурском уездах на пароходы.

Смолу курят и *деготь сидят* еще в ямах. Ямы делаются круглые. Для них выбирают места обыкновенно на возвышенностях или холмах, где почва сухая. Бока уколачиваются. В особых углублениях, делаемых на срединах ям, ставятся наравне с подом ям железные котлы, в которые принимают истекающую смолу и деготь. Дрова бывают наколоты длинные и в яме складываются в кучу накосо, но плотно, закладывая пустоты мелкими дровами. В таком положении они зажигаются снизу, а поверхность кучи покрывается мхом, кусками дерева, землею, соломою, сеном в уровень с краями ямы и утаптывается. Между тем хозяин наблюдает за огнем: если огонь стал проходить через покрышку, то ненадежные места закрывает землею и усиливает огонь через поднятие покрышки в некоторых местах. В известное время, когда горение прекращается, яма раскрывается, горящие уголья тушатся насыпкой земли, а натек из котлов, по остужении, переливается в бочки. Сидка в ямах производится весной и осенью. В продаже за пуд бывают: смола от 30 до 80 коп., а деготь от 80 коп. до 1 руб., бочкою же смола продается 5 и 6 рублей.

Огонь все еще *добывается* из *плиток, плашек* или стальных *огнив* при ударном соприкосновении кремня на тлене, труте *бумажном, тряпичном* или *березовом* (из березовой губки), причем огонь снимается с осоры *серинками* (старинными спицами) и на *берестичко* (сухую бересту), а также от сажи у *чела* печи, и *выбивается на лучинки* с *живых угольев*. Но многие стали заменять *сечку* огня фосфоровыми спичками[36].

К освещению употребляют высушиваемую и зажигаемую березовую и осиновую *лучину*. Она втыкается в светильню (светец — железные щипы), приделанную на постановленной прямо к верху палке у конца *тренка* или *треножника* — неглубокого корыта, поднятого на трех или на четырех ножках, в которое нередко наливают воду, чтобы догоревшие уголья замирали при падении. Кроме того свет получается от *сальников* — глиняных плошек, в которых плавает бумажный снурок в налитом сале. Сальные свечи зажигаются только у зажиточных людей и более в празднества или когда бывают приезжие гости или посетители (например, люди чиновные); вообще же — в особенных случаях.

[36] «Черканешь, и загорит — экая диковинка!» — говорит крестьянин.

Они вставляются в подсвечники, к которым прилагаются щипцы. Свечки приобретаются покупкой из лавок по 10–15 коп. за фунт и немало льются самими крестьянами в формах на бумажной *светильне* (фитиле) из своего говяжьего и овечьего сала. Для освещения на улицах, в хлевах, сенниках, амбарах и т. п. местах в темное время употребляется преимущественно лучина и отчасти фонари. С Благовещения (25 марта) крестьяне не имеют освещения от огня, а с Ильина дня оно восстановляется.

Топливо жилых комнат состоить всегда из дров, заготовляемых самими семьянами своевременно, так как леса находятся вблизи деревень. Потребности в топливе значительны. Дрова употребляются горные (не сплавные). Хорошими считаются: не гнилые, не мозглые, не трухлявые, без сучьев, рубленные из здорового леса. Цены на готовые дрова в деревнях бывают от 20 до 50 коп. за *маховую сажень,* а в городе за *печатную сажень,* доставляемую с подряда, от 60 до 90 коп. сер. Дрова получаются почти всегда летом и в лесу рассекаются на *поленья;* зимою же рубят *кряжевник.* Вывозятся по зиме на *дровнях.* Кряжевник ставится около домов в стоячку, а потом сечется в *поленницу* прямо, или же пилится продольной пилой в чурки, которые уже изрубаются в плахи (пополам) и потом в *поленья*[37].

Дрова расколотые складываются в *костры,* по бокам которых делаются из тех же дров *клетки.* Для отопления жилищ дрова употребляются более еловые и сосновые[38] или смесь разных пород; кроме того собирается щепа. Осиновые и ольховые дрова кладутся в печь всего более для очищения сажи в трубе. Березовые дрова идут почти единственно на *лучину* (освещение) и на *растопку* (лучину, подкладываемую под дрова); на подтопку же идет и сама береста. *Березняк* высушивается на печах и в печах, а потом колется в лучину *лучевниками* (особенными ножами-туниками). Печи всегда топятся только один раз в день, исключая редких чрезвычайных случаев. Они затопляются по утру весьма рано, в 3–6 часов, а иногда (например, в страдное время) еще раньше.

---

[37] В поленья плахи колются редко, а в печи кладут их цельные.

[38] Эти дрова предпочитаются всем прочим древесным породам, потому что они дают большое пламя и, следовательно, скорее нагревают печи.

Печи натапливаются очень жарко и потому еще, что трубы закрывают, как только дрова прогорят и обуглятся. Уголь в печи подбирается *крюками* (кочергами) в загнеты и частью *замазывается* в кубах (заливается водой для самоваров); *пепел* же *запаривается* помелом тоже в загнеты[39].

Пол в занимаемых комнатах подметается вениками почти каждый день. Обыкновенное мытье полов в избах бывает не часто, более к воскресным дням. В горенках полы вымываются только к праздничным и торжественным дням; тогда же потолки и печи в иных домах *подбеливаются* мелом. Вообще домашний обиход в деревнях выказывается при наступлении великих праздников. Тогда все очищается добела, т. е. до щекотливой опрятности: полы, стены, скамьи, потолки, полати, полки, шкафы и т. п.; деревянные вещи очищаются от грязи *шорканьем вехтями* (ветками), *дверстою* (дресвою) и песком, *смачиванием* водою, *засушиванием;* на полы в комнатах и сенях для сбережения чистоты расстилаются *половики* (низкого сорта холст), *рогожки, циновки* и *солома;* окна и ставни выполаскиваются водой; деревянная и медная посуда стирается песком и вымывается водою до блеска; улицы от ворот обметают от сора *метлами;* разное *хламье,* производящее немалое безобразие, убирается.

Спальными крестьянам служат избы, а по лету от комаров, мошек, оводов и мух уходят в темные *чуланы,* в холодные *горницы* и на темные *повети.* Но старые люди согревают свои кости на печах и по лету. Койки бывают широкие, *двухспальные кровати* из простого дерева, токарной работы, именуемые *коньками; примостки* низкие, одномастные, неподвижные кровати, устраиваемые в боковых стенах близ порогов; *полати,* печи, подпечки, полы. Кровати с двумя постелями, множеством подушек, простынею и одеялом нередко бывают за *пологом* (завесом) ситцевым, пестрядинным или холщовым; но такие кровати более стоят в горницах почти без употребления, только напоказ, что хозяева знают же роскошь. *Места* (постели) состоят из холщовых, пестрядинных и матрацных тиковых *поволок,* набиваемых соломой, оленьей шерстью, птичьим пером и полупушьем; у бедных же постелями служат оленьи шкуры (они и называются просто *постелями*),

---

[39] О последующем употреблении золы см. ниже.

но чаще всего никаких постелей не бывает, а спят на разложенной соломе или собирая под себя и в *изголовье* грязную одежду и укрываясь ею, или же спят прямо на голых досках почти так, в чем мать родила. Подушки и покрывала бедных теперь известны; *подушки* же у зажиточных бывают: холщовые, пестрядинные, тиковые и цветные, разных ситцев, наполняемые тем же, чем набиваются постели, а *покрывалами,* или *окуткою,* служат ситцевые одеяла, суконные на овчинном меху *одеяльницы, писяги,* шерстяные одеяла, а более всего верхняя самих спящих одежда. Постлать на постель *простыню* холщовую или полотняную с кружевами — составляет уже негу роскошного жителя, и ею довольствуются только молодые в медовый месяц.

Крестьяне работают и отдыхают через правильные промежутки, делая при этом различие между днем и ночью. Они аккуратно сохраняют этот обычай (исключая женщин, которые просиживают зимние вечера за пряжей и вязаньем почти до полуночи, с огнем), так что ложатся спать между 7–11 часами вечера, т. е. с *закатом солнца,* чтобы встать пораньше, а наутро в домах и на улицах все оживает — летом с 3, а зимой с 6 часов по полуночи, т. е. встают *с восходом солнца*[40].

Белье крестьянами сменяется чистым отнюдь не более одного раза в неделю; в дороге же белье служит бессменно до месяца. Белье *стирается* (моется) женщинами мылом в выдолбленных глубоких *корытах,* причем грязь из них сливается в *лохани;* после мытья *на несколько вод* белье складывается в глиняные кубы, которые, закрыв дранками (лучинками), ставят *парить* в *печки* до вечера или до утра; после паренья белье вынимается из кубов, снова вымывается *щелоком* и ополаскивается в корытах, а затем складывается в корзины или на палки через плечо и сносится или свозится на водовозных салазках к реке, озеру или ручью и там *выполаскивается* водою: летом с берегов или плотов, а зимой в *полоскательных прорубях* (мойнах). Но у многих прачек этого не соблюдается: мытье у них состоит в том, что белье кладется в лохань, где налита горячая вода, бьется тут толстой, здоровой палкой и потом *полощется* в реках, озерах и ручьях или же

[40] Есть прибаутка: «Рано встать — злыдни застать; подольше поспать — живота належать».

вымывается омойками в шайках в банях. Прошед воды, белье развешивается на жердях либо веревках на улице, в сенях, поветях, чердаках и избах; далее заносится в избы и в них или на печах просушивается окончательно. По просушке белье катается ручными катками, называемыми катальными палками, которые женщины иногда берут к полосканию и вальками колотят белье на льду или бревнах и досках.

Кто живет домком, у того, разумеется, водится и утварь. Она водится не у всех однообразная и не у всех одинаковая: у одних ее более, у других менее, смотря по зажиточности хозяина, по степени домоводства, по величине семьи и т. д. Каждая вещь, каждая *посудина* в народе носит множество различных названий, по разнообразным устройствам, видоизменениям и употреблениям, так что все узнать и описать стоило бы большого труда.

Непременная принадлежность дома: св. образа, кресты или распятия (о них сказано под рубрикой горенки); лампадки (лампады) медные и стеклянные, на железных и медных цепочках; паникадила медные, на таких же цепях; кадила медные ручные; деревянные точеные ладаницы; божницы, занавески у окон и печей; завесы солнечные; грядки, полки, пылицы, прилавки, полати, лапы, скамьи, скамейки, стулья и стульчики,

Столы деревянные, наблюдники деревянные, шкафы деревянные с полками с полками и с стеклами комоды, кровати, рукомойники глиняные с одним носком; рукомойники зеленой и красной меди с двумя носками; тазы из зеленой и красной меди, белого железа, красной глины[41] и из дерева; зеркала с разными арабесками; утиральники у зеркал и печей: холщовые с узорами и полотняные с кружевами, салфетки и скатерти на столах, белые, чистые или с цветками и камчатные; картины, портреты, часы (см. горницу).

К убору идут: подсвечники, жестяные, медные и железные; съемцы (щипчики свечные), железные и медные; сальники глиняные.

Складочные приборы (кроме полок, шкафов и наблюдников) суть лари и ларцы; сундуки, простые и дубовые, в которых запи-

---

[41] Поля и фон стен гончарной посуды, сверх свинцовой полировки, украшаются разными фигурами: лошадей, рыб, зверей, лесов, цветов и концентрических кругов.

рается лучшее имущество; ящики и ящички, обитые железом и с замками (в меньшем виде сундуки), в котоые складывается женщинами одежда, холст, пряжа и т. п.; деревянные коробейки на тот же предмет употребляемые; коробки, корзинки, плетюхи, зобенки, двоеуши и двоеручные короба: кузов и пехтери. Бочки: сороковки, тресковки (водовозные) и сельдянки; чаны (кади); кадцы (кадки), поддоны (обрезы от сороковок); баклажки (простые бочонки); *бочонки* дубовые; дуплянки; фляги медные (для вина); ушаты деревянные; туесы (бураки)берестяные; доильцы и подойники деревянные; лагуны деревянные с цедилками; *лагуши* и ведра, шайки, лохани и лоханки деревянные, корыта (см. мыльни); холщовые мешки; кувшины глиняные; бытулки разноцветные, стеклянные; графины хрустальные и стеклянные; мерные стекольны косушки, полуштофы и штофы.

Пекарная посуда: лукошки и хлебни лубочные для муки; решета и сита (см. пищу); квашни и квашенки деревянные; мутовки деревянные; крупники, лопатки, которыми выскребаются квашни, т. е. отделяют тесто из квашни для печения хлебов; коробки берестяные; скалки (вальки).

Поваренные: чугунники, меденники (железные и медные котлы большие и малые); горшки глиняные, черные и муравленые; сковороды и сковородки; кастрюли красной меди; масляники красной глины; поваренки или черпушки, медные, железные, жестяные и деревянные; сечки железные с деревянною рукоятью; сечки для капусты и т. п.; ложки столовые, деревянные[42]; ножи, железные и стальные. Столовые и кухонные, с деревянными и костяными черенками[43]; вилки, солоницы (солонки): медные, глиняные, стеклянные, с покрышками[44] и берестяные (коробки); воронки (лейки) железные, жестяные и медные; ковшики (ковши) медные и белого железа; порочки (деревянные ковши), даже подносы и кофейники.

---

[42] Ложки делаются желтые, разнокалиберные, нередко с рисунками цветов, рыб и с разными стихами, прибаутками и молитвами.

[43] Крестьяне сами отлично делают черенки из карельской березы или витые из проволоки, и притом навсегда прочные.

[44] Солонки и сахарницы выделываются из дерева, в виде птиц с крыльями, хвостами и головами.

Печные: заслонок (заслон) железные; ухваты железные; крюк (кочерга) железный; хлебная лопатка деревянная; боровик (помело) из вереса; судомойка деревянная; лучевник (тупой нож без черна); коромысло деревянное; веник[45], лиственный из березовых ветвей) вехти, поганый, половой и чистый (посудный) из надранной мочалы; метлы березовые; уполовники, рогожи и циновки; тертуха железная; фонари: деревянные со стеклами, железные со слюдою. Ножишко-лученник, обломок косы для щипанья лучины.

Столовая посуда: блюдье (блюды) белой и красной глины и оловянные малые и большие[46]; латки из красной глины[47]; миски (мисы) оловянные; чаши (чашки) и ставцы деревянные, белой фарфоровой и красной глины; тарелки деревянные и белой глины; квасные кружки деревянные, оловянные и из красной и белой глины; хлебный пож.

Закусочный прибор (кроме графинов, бутылок и питейной посуды): братыни жестяные и медные; стаканы хрустальные, оловянные и медные; шкальчики и рюмки стеклянные.

Чайный прибор: самовары красной и зеленой меди с трубами, комфорками и крышками; подносы железные. Малые и большие; стаканы стеклянные и хрустальные, с блюдами белой глины; чайные чашки с блюдечками[48], кумки (стаканы с ручками) из белой глины: чайники медные, белой глины и красные с черным фоном; чайницы медные, железные, стеклянные и деревянные; сахарницы белой глины, хрустальные и деревянные[49]; молочник белый; чайные ложки: серебряные, оловянные и медные.

Кстати уже сказать о постройках церквей, колоколен, часовен и крестов.

---

[45] Веники каждым домом заготовляются на всю зиму в достаточном количестве, отчасти в июне, а более в июле.

[46] Блюд и стаканов более всего бывает из посуды оловянной. Блюда старинные.

[47] Делаются в виде рыбы с носками, как бы головой и хвостом.

[48] На чашках и блюдцах рисунки цветов, лесов, судов, лошадей, коров, пастухов, замков, домов и разных видов живописи.

[49] Кроме того, украшаются надписями: «в знак любви» и «в день ангела».

Как в древней России *церкви* были главным украшением посадов, так и ныни оне придают великолепие деревенским поселениям. Они становятся почти всегда в средине села, на широкой площади и на более видных местах, у проезжих дорог на возвышенном (лобном) месте или необрушающемся угоре, причем подле многих храмов выросли деревья, преимущественно же заповедные ели. Постройка церквей более старинная и все на один или два плана; фасад, разумеется, на восток. Церкви здесь небольшие, деревянные. Ход в церковь бывает всегда один с крытым крестом, на который ведут одна или две лестницы с перилами. На крыльце бывает скат, и редкие церкви обшиты досками, и потому почерневшие стены их носят на себе отпечаток древности. Крыши тесовые, гладкие, у некоторых же чешуисто-резные. Все церкви одноглавые, исключая некоторые соборные. Куполы круглые у некоторых покрыты белым железом, отражающим лучи солнца, но чаще деревянные. Окон в церквах бывает довольно много; но все они небольшие, вроде употреблявшихся в старину; у них с внутренней либо с наружной стороны вбиваются фигурные и проятые железные решетки. Архитектура церковных зданий вообще проста, и ничто в них не представляет какой-либо художественной особенности[50]. Ограды у церквей везде деревянные, решетчатые, обветшалые, а у некоторых и никаких нет.

Церковные колокольни построены или в совокупности с зданием храмовым, или отнесены особо неподалеку от церквей. Колокольни везде деревяные, срубчатые, о 4-х и 8-ми углах. Архитектура их тоже устарелая. Колокола очень небольшие, и весом и числом.

Часовни становятся на лобных же местах в селениях или на почитаемых по преданиям. Везде они деревянные, самого простого вида с одной главой или с одним воздвизальным крестом, с голыми и кое-где обшитыми досками, бревенчатыми, стенами и одним ходом. Часовнями же считаются и простые амбары с иконами, выстроенные на пустопорожних местах. Некоторые часовни обнесены оградами: либо из точеных баляс, либо гладкими, но окрашенными. У часовен бывает по одному и по два кольца, привешенных к столбу, под прикрытием доски на два ската.

---

[50] Монастырские храмы не идут тут в счет.

Кроме сооружения церквей и часовен, у народа есть весьма распространенный обычай — ставить деревянные *кресты* и столбы, называемые часовенками.

Их ставят по краям улиц, при въездах в деревни, на дорогах, при перекрестках, на почитаемых почему-либо местах, на сенокосах, в лесных рощах и других пустынных местах. Они нередко обносятся невеликими оградками. В крестах просто вырезывается изображение распятия, а в столбах вкладываются литые, медные воздвизальные кресты, иконы простые или с окладами, в ризах и кивотах. Иконы задергиваются *пеленами,* и сверх их иногда привешиваются куски разной материи, узорчатого полотна или холста, на которых вышиваются кресты.

Кроме этих известий в дополнительных этнографических сведениях, доставленных г. Ивановым, имеются отрывочные, но иногда небесполезные заметки о постройках и домовой обстановке в селах Пинежского уезда. Приводим их в том самом виде, каком они представлены автором:

В каждом крестьянском доме бывает только по одному столу. Исключения, очень редкие, встречаются лишь в домах, устроенных и убираемых на городской манер.

— Полы в избах мостят пластинами — досками, которых из одного бревна выходит только две.

— Избы в зимнее время так сильно натапливают, что для непривычного к тому невозможно быть в них. Для освещения лучина употребляется березовая или сосновая, последняя по преимуществу. От нее распространяется сильный дым, заедающий глаза.

— Постели и подушки в деревнях больше всего набиты шерстью. Здесь, где так значителен птичий промысел, надо было бы полагать больше этих вещей из пера и полупушья, но оказывается напротив, потому что дичь жители употребляют в пищу себе редко, а почти всю проводят в отвоз.

— Постели для очистки от таких насекомых, как вши, выносят зимой на сени, где они и уничтожаются силою мороза.

— Станок, на котором ткут холст или сукно, занимает чуть ли не полжилища.

— Иконы в жилищах размещаются по красоте: в киотах и в окладах образа ставятся в горницы, а досчаные образа — в жилых избах.
— Посуда хорошая бывает разукрашена цветами, отводками, краями, каемками, узорами.
— Ножи употребляются вообще простые; но оправы из каких-либо металлических композиций, кроме разве свинцовой наливки на концах у лезвия и закрепы, да железа или меди для укрепления, не бывает.
— Ставни бывают большие одиночные и редко створчатые.
— Как ни хороши в губернии жилищные постройки вообще, но среди их встречаются хижины, точно шалаши, настолько бедные, что удивляешься, как человек может в них жить.
— Стекол в окнах больше изломанных, чем цельных, оттого, что, как известно, стекло легко лопается во время сильных зимних морозов.
— В деревнях редко найдете оштукатуренные внутри дома; но все же есть и такие.
— Во многих крестьянских домах, проконопачиваемых дурно, несет из стен, из подоконников и косяков, с пола и из входных дверей.
— Глыбы льда для погребов называются кабаны.
— В деревнях встречаются дома без крыш, квадратные, в одно бревно длиною, с одним или двумя окнами посредине, а кругом ни кола ни двора.
— В кузницах работают также подковы для лошадей, подковные гвозди и проч.
— Ветряные мельницы бывают выстроены и на девяти тогах (стоячих деревах), о двух и об одном поставе.
— На верху крыш ставятся деревянные коньки, изображающие голову лошади или телку — одну ее голову; но коньки служат также украшением и внутри изб, около печи и у божницы.
— Белила для печей делают иногда с водой, с примесью молока.
— К праздникам мало того что очищают грязь дресвой и песком — столы, стулья, скамейки, стены и проч. оскабливают ножами.
— Сени, сенник и все прочее, соединяющееся под одними хоромами, называется подворьем.

Есть в избах окна, вделанные в пазы и по пазам задвигаемые и отворяемые.

Скамьи в крестьянских избах одними концами сходятся в углах их, а другими расходятся врозь вдоль стен.

В зимнее время при крыльце или у ворот всегда лежат два-три веника или метлы, которыми опахивают снег с сапог или катанок.

Волоковые окна — с задвижными ставнями внутри. Ныне их нет здесь, или есть, но редко.

Пивоварни, или строения, в которых целые деревни варят пиво на праздники, называются поварнями.

— Терпуг — крупный редкий напилок (напильник).

В верху уезда употребляются, вместо половиков и рогож, плетеные из драницы ковры (плетеные так же, как корзины).

На поветях от дыр, прорубленных в полу поветей (потолок хлевов), идут такие же дыры, прорубленные в стенах. Когда же хлев устроен отдельным строением, тогда из дыр в потолке пропускаются деревянные трубы. Это делается для того, чтобы не задерживать в хлевах зловредные газы.

— Для молочения и веяния хлеба близ овинов устраиваются обыкновенные глиняные токи: выравнивают и утрамбовывают землю и потом кладут жидко размятую глину с малой примесью песка, потом гладко выравнивают; в таком виде замерзнув, ток делается твердым и гладким.

— Очень нередко связанные пучки соломы приколачиваются у входных дверей с внутренней стороны, т. е. со стороны, ведущей из избы, для того чтобы тепло не могло скважинами в затворе выходить из избы в сени.

— Красное окно (окно со стеклами, в отличие от волокового) — светлое, как красная изба с большими окнами — светлица.

— Засеки, или сусеки, и закромки устраиваются по бокам или внутренним стенам амбаров.

Прясла нередко устраиваются у самых деревень смежно с постройками; но большей частью несколько вдали.

Кузнечные меха состоят из двух досок с дырой наверху и двух (по бокам) сжимаемых кож, с железным дулом, наклоненным к горну. Чтобы получить непрерывный ток воздуха на огонь, действуют рукой поочередно: то той, то другой.

— Кринки и горшки для непроникаемости муравлятся дегтем и свинцом.
— В недавнее время вошли в употребление дешевенькие стенные часы (1 р. — 1 р. 20 к.) мастерских Гаврилова и Главинского.
— Входы в домах делаются наиболее с правого боку. Так, если дом стоит глазами к востоку, то ворота ищите на юге.
— Употребительные стулья делаются несколько в виде стоящей лошади: спинка с длинными ножками так и кажется передом лошади, а закорточки от ножек наверху — ее уши, спинка — шея, сиденье — спина и задница, несколько расширяющаяся.
— Бани сооружаются более из старья, т. е. из леса, бывшего в постройке, потом разрушенной.
— Иногда до такой степени парятся вениками, что не скидывают рубашки, а для сечения нанимается потороний человек, который надевает себе на руки рукавицы.
— Амбары нередко сооружаются на столбах с шейками (в виде урны), называемых гребнями.
— Внутри домов стены обтесывают нагладко; но при этом необтесанными оставляют два или три бревна от потолка и два или три бревна от полу.

Свящ. Андрей Костылев пишет:

...Годов десятка полтора назад почти по всему Пинежскому уезду молодой скот держали в тех же избах, в которых и сами жили. Теперь этот обычай по низу реки Пинеги и около города Пинеги вывелся уже. Для скота там настроили особенные избы, которые называются скотными. Но что касается до отдаленной Тимешинской волости, лежащей в самом углу уезда и в захолустье, обычай жить со скотом вместе вполне сохранился. Внешним видом здешние дома не отличаются от крестьянских домов всего уезда. Дом по большей части состоит из двух изб под одною кровлею. Прямо против дома — колодезь с трубой (желобом), притянутой в избу. Внутренность дома представляет для не видавшего удивительную картину. Близ входа в избу стоит большой чан с соломой, залитой горячею водой, а кругом его — скот. Коров загоня-

ют в избу только на день, на ночь же выгоняют их во двор. Что же касается до молодого рогатого скота, то этот живет постоянно в избе. От житья скота грязь в избах ужасная, а от грязи одежда крестьян и сами они очень-очень грязны. Если бы так жили бедные, им бы еще так и сяк, простительно; но так живут и зажиточные, богатые крестьяне [АГВ 1870: 36].

Наше слово: о. Андрей сказал верно!

После приведенного нами описания домовых построек и домашней обстановки сельского населения в Пинежском уезде мы можем привести здесь выдержки из двух статей, касающихся Шенкурского уезда:

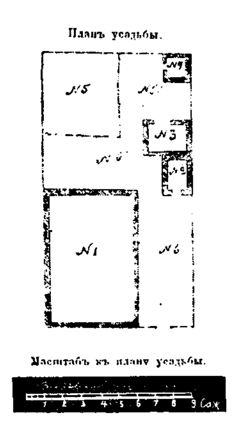
а) А. Шадрина — чертежи крестьянских домов и усадьб;
б) свящ. Стефана Мефодиева — описание села Усть-Пуи.

Чертежи Шадрина представляют избы, весьма распространенные в деревнях удельного ведомства. См. рис. 1.

Переходим к статье священника Ст. Мефодиева, подтверждающей и дополняющей сведения, собранные П. А. Ивановым. В ней относительно предмета, нас занимающего, сказано следующее:

Все дворы деревень Усть-Пуйского селения, за небольшими исключениями, расположены параллельно, имея расстояние один от другого от 5 до 10 саж. Постройки фасадами не одинаковы, смотря по тому, на какой стороне реки Ваги они находятся. Постройки, лежащие на правой стороне реки, обращены лицевою стороной на запад, а лежащие на левой — на восток. Впрочем, есть и незначительные исключения: например, в так называемых деревнях Перегородинской и Белавинской, как видно, каждый житель, устраивая себе жилище, располагал фасадом своей постройки по личному усмотрению. Амбары, овины, бани, а где-то и пивоварни устроены большею частью в стороне. Все улицы села, при разнообразном направлении, имеют более или менее прямое расположение.

Избы и прочие вышеименованные хозяйственные постройки устроены все из дерева. Наружность домов довольно несо-

Планъ дому.

Фасадъ съ боковой стороны.

Фасадъ съ лицевой стороны.

Масштабъ къ плану и фасадамъ дому.

Рис. 1. План усадебной земли, на которой стоят жилые и нежилые строения, принадлежащие крестьянину деревни Верхолецкой слободки, Великониколаевского волостного правления, Шенкурского уезда Архангельской губернии

размерна. Несоразмерность эта замечается в том отношении, что дома при их громадной длине и порядочной ширине очень низки, и потому помянутые здания по наружности представляют очень сплюснутый вид. Длина описанных зданий простирается средним числом до 15 печатных сажен, ширина от 7 до 9, вышина от 4 до 6 сажен. Верхние ряды бревен, на которых утверждается крыша, и сама крыша вместе взятые на языке здешнего народа называются *сараем*. Крайние корытообразные бревна, приделываемые к противоположным концам крыши, опускающимся над окнами дома, и приспособленные к тому, чтобы по ним удобнее могла стекать дождевая вода, обыкновенно называются *потоком* (в имен. пад. *потоки*); а вбитые в ряды стен деревянные кряжи, поддерживающие поток с крышею, носят название *куриц*. Верхнее бревно, отесанное треугольником и полагаемое обыкновенно на вершине здания, называется двояко: или *охлупнем*, или *князьком*. Вся же совокупность бревен, входящих в состав жилой части описываемых зданий, называется *стопою*.

При входе через ворота на мост, заменяющий место сеней, тут же на виду помещается открытое отхожее место. Большую часть остального пространства двора занимает так называемая *поветь*, которая неизвестно почему в параллель от моста почти у всех строится выше оного. Кроме небольшой лестницы, ведущей с моста на поветь, остальное, во всю ширину здания, между мостом и поветью пустое пространство, как видно, имеет назначение отхожего места. Поветь, смотря по состоянию хозяев, занята различными предметами сельского хозяйства. Для хранения съестных припасов на повети же устроивается чулан, называемый *клетью*.

Сами комнаты, по назначению своему бывают двоякие: *зимние* и *летние* — или, по-народному, *черные* и *белые*. Зимние избы устраиваются большей частью на задней, а иногда и на боковой части здания. В стенах такого рода жилищ для клажи разных мелочей из домашней утвари сверху приколочены толстые и оструганные тесины, называемые *воронцами*, снизу же *лавки*, назначаемые обыкновенно для сидения. Печи кладутся без труб. Для выхода же дыма, которым наполняется изба во время топления печи, в задней стене над печью устраивается довольно широкое отверстие, которое по истоплению печи и уходе дыма, немедленно закрывается столь же широкою доскою. Пол и стены в этих избах почти

навсегда остаются грязными. В некоторых избах грязь тем более умножается, что туда в известное время дня впускается рогатый скот для кормления и доения. Разумеется, в таких избах нет и не может быть никаких украшений. У многих хозяев четвертая часть избы против печи отделяется перегородкою, называемою *шомушею*, в углу которой за печью для молотья муки и крупы у иных хозяев устраиваются и жернова.

Устройство летних комнат несколько благообразнее. Они почти всегда строятся или в верхнем этаже, или на лицевой стороне здания. При входе в дверь в переднем углу с правой стороны, если дом лицевою стороной обращен на восток, или в левой — если на запад, на приколоченном к стене карнизе, называемом божницей, стоят иконы посредственного письма[51]. Под ними приколочено к стене несколько картин духовного содержания, а у более состоятельных хозяев в числе комнатных украшений на стенах в стороне от икон помещаются изображения знаменитых русских полководцев. Воронцы и лавки в этих комнатах составляют также необходимую принадлежность. Хотя и в летних комнатах пол моется не очень часто, однако же эти комнаты гораздо чище зимних, так как печи в них для более удобного выхода дыма во время тонки имеют трубы, и притом туда скот не впускается. Потолок, стены, а тем более пол как в летних, так и в зимних комнатах ни у кого и ничем не красятся. Более зажиточные хозяева на лицевой стороне здания строят две летние комнаты (избу и горницу), которые известны здесь под общим названием *двойни*.

Устройство овинов неудобное. Одна половина стен этого рода построек находится в земле, другая поверх земли. Вровень с землею устрояется бревенчатый потолок, верхняя сторона которого, обитая довольно толстым слоем глины, называется *подом*. На *поде* через небольшое отверстие в стене накладываются назначаемые для молотьбы снопы хлеба. А как в овинах печи вовсе не кладутся, то хозяева для сушения снопов через проведенное снаружи углубление спускаются под самое основание овина и там раскладывают огонь. Во все время топления овина дым и жар от огня через довольно длинное и широкое на потолке отверстие, называемое

---

[51] В зимних избах иконы стоят также смотря по тому, куда обращена лицевая сторона избы.

пазухою, проходят прямо в снопы. Такое устройство овинов имеет свою выгоду разве в том отношении, что жар огня, непосредственно проходя к снопам, скорее сушит их. Но это же устройство и неудобно, особенно потому, что, как признаются сами хозяева, при значительно сильном ветре топление овинов соединено с опасностью.

Амбары имеют двоякое назначение. Собственно так называемые *амбары* устраиваются при гумнах[52] для клажи туда соломы, остающейся после молотьбы хлебных растений, и амбары, почти всегда называемые *житницами,* назначаемые для клажи зернового хлеба. В амбарах, собственно так называемых, существует только одна перегородка, в которую кладется мякина, остающаяся после молотьбы. В житницах же находится несколько перегородок, называемых засеками, куда после молотьбы высыпаются семена хлебных растений.

Устройство бань не отличается большим умением. Перед входом в саму баню устрояются небольшие сени, где идущие мыться раздеваются. В том или другом углу от дверей кладется печь из серого камня. Способ топления печей в банях такой же, какой в зимних избах. От печи и далее на стороне от печи вдоль переднего угла все пространство занимает так называемый полок, ширина которого равна ширине печи и на котором пребывают любящие париться. К другой, противоположной полку и печи, стене и к не занятой полком остальной части передней стены проделаны небольшие прилавки, на которых сидят моющиеся и стоят сосуды с горячею и холодною водою.

Пивоварни, как показывает само название, предназначаются для варения пива. Они бывают только у немногих хозяев. Внутри такого рода построек нет ни пола, ни потолка, одни пустые стены. Над тем же местом, где варится пиво, крыша на время варения открывается.

---

[52] Гумна не принадлежат к числу построек, а находятся при амбарах под открытым небом, и суть не что иное, как довольно обширное и продолговатое пространство земли, выстланное глиной, куда раскладываются для молотьбы снопы хлебных растений. В предохранение от топтания скота и вырастания сорных трав на время весны и лета гумна накрываются соломой.

Все означенные мелкие хозяйственные постройки длиною от 2 до 3 сажен, шириною от 1,5 до 2 саж., вышиною от 1,5 саж. Крыши на них или плоские, без охлупня, или с охлупнем, от которого отделяются двумя наклонными поверхностями.

Предметы, относящиеся к домашней утвари жителей Усть-Пуи, почти общеизвестны, как по своему устройству, так и по назначению. Некоторые из них замечательны только своими местными названиями.

Так как все перечисленные о. Мефодиевым предметы, принадлежащие к уходу за столом, печью и скотом, упомянуты были и в описании Иванова, то мы и опускаем этот перечень. Но приведем принадлежности рукоделий:

А. Пряжи: прялицы (прялки), веретена, мутовила от 6 до 7 четвертей длиною, служащие для мотания ниток.

Б. Шитья: иголки, наперстки, ножницы.

В. Тканья: *станины,* длиною около 2 арш., вышиною 1,5 арш., имеют вид двух двухугольных скоб, с того и другого конца сколоченных поперечными досками. *Сволок,* длиною около аршина с лишком, на концах которого находятся два толстых, туго наложенных круга, определяющие границы, до коих должны простираться нитки, свиваемые для тканья. Влагаемая в задний конец станин *пришвица* — длиною равняется сволоку, один конец ее довольно шарообразен, со сквозными и крестообразными отверстиями; остальная же часть имеет вид круглой и довольно толстой палки, на боках которой почти во всю длину ее находится сквозное отверстие, куда влагается ткань, завиваемая вокруг палкообразной части пришвицы, влагаемой в передний конец станин. *Притужальник* — довольно тонкая дощечка, шириною около ладони человеческой руки, длиною около полуаршина, будучи привязана к станинам крепко веревочкою, влагается в одно из отверстий шарообразного конца пришвицы, чтобы туго завитую около пришвицы ткань удержать в данном ей положении. *Набилки* — две толстоватые, гладко струганые доски, каждая шириною около двух вершков, длиною около аршина, налагаемые одна на другую косвенно; в концы оных через сквоз-

ные дыры влагается по одной четвероугольной палке, причем верхняя доска довольно легко может приподниматься. *Бердо,* устройство которого состоит в том, что между двумя паралельно отстоящими одна от другой палочками утыкается нечто вроде частых зубьев гребня длиною от 2 до 2,5 четвертей, шириною в 1,5 вершка; такое бердо влагается между набилками. *Нитницы,* подобно берду, состоят из двух одна от другой параллельно отстоящих палочек, перевитых нитками, длиною и шириною почти равняющихся берду; в нитницы и берда влагаются назначенный для тканья продольные нитки. *Челнок* — небольшая палочка с довольно острыми концами, в средине которой на деревянном прутке находится навитая нитками так называемая чевча, свитая из коры березы. *Подножки* — две дощечки, привязанные к нитницам и опущенные на пол; причем так называемые *ткеи* (женщины, которые ткут), ногами переступая попеременно на ту или другую подножку, приподнимают и опускают тот или другой ряд вложенных в нитницу продольных ниток, набилками же и бердом в продольные нитки втыкают поперечные, вложенные в челнок.

К принадлежностям тканья относятся также *турик* — толстый обрубок дерева, сердцевина которого вынута, между краями же того и другого конца вставляется по одной дощечке шириною в вершок, с дырою в середине; *вьюшка* — очень похожа на двухугольную скобку; на нее, посредством дыр в дощечках, влагается турик, на который свивают нитки; *воробы* — две длинные, но узкие дощечки, налагаемые одна на другую крестообразно; на концах этих дощечек находится по нескольку дыр, куда влагаются веретена, по которым раскладывается моток ниток, назначаемый для свивания на турик; *подворобица* — толстая, вертикально поставленная палка, в верх которой вбит в таком же положении гвоздь, на который налагаются крестообразно воробы, в нижний же конец подворобницы для твердости ее стояния по бокам вбивается несколько палок; *скально* состоит из трех небольших дощечек, из которых две стоят вертикально на концах третьей; через верх стоящих дощечек проведена палочка с крючком при одном конце, называемом *веретеном,* на острый конец которого, довольно

выдавшийся наружу, налагается чевча, и на нее, посредством верчения веретена, с турика свивают нитки.

Принадлежности ухода за разными отраслями сельского хозяйства:

А. Обработки пахотной земли: сохи, бороны.

Б. Уборки хлеба и сенокоса: серпы, косы, у всех стойки, вилы, грабли.

В. Уборки корнеплодных растений: сечки, инде называемые копачами или мотыгами; большей частью служат для копания картофеля.

Г. Уборки лесных плодов: зобенки — небольшие короба, сплетенные из коры березы, служащие большею частью для собирания и ношения ягод.

Д. Ухода за льном и коноплею: мялки, состоят из двух вырубленных с корнями древесных обрубков, каковые, будучи поставлены на корни один от другого не в дальнем расстоянии, снизу соединяются вколоченной в бока их палкой, сверху же — двумя досками, приколоченными концами к той и другой стороне обрубков; в остающееся между двумя досками расстояние влагается третья доска, с одного конца вколоченная туда деревянным гвоздем; под приподнятую среднюю доску подкладывают лен или коноплю и, давя тою доской, очищают эти растения от так называемой *костицы*[53]; *трепалки* — небольшие, довольно заостренные с боков дощечки, которыми треплют помянутые волокнистые растения; *щети* — деревянные палки, один конец которых утыкан свиными щетинами, залитыми еловою серою, другой же, служащий рукоятию, обмазан *пеком;* щеть служит для совершенного очищения льна и конопли.

Е. Ухода за бельем: корыта, буки — в которых вымытое в корыте белье посредством насыпания пепла и наливания кипящей воды парится — вероятно, для большей белизны; *корчаги* — так называются большие глиняные горшки, инде называемые *кубами*, у некоторых жителей заменяющие место буков;

[53] Крайние доски в мялках называются *щеками*, а средняя *языком*.

катушки — палки, которыми катают или гладят вымытое и высушеное белье.

Ж. Пивоварня: котлы, щаны (чаны) — большие кадки, в дно которых вложен так называемый *стырь,* который есть не иное что, как палка, вышиною почти равная кадке; от легкого поднятия стыря, обложенного *сурпою*[54], образуется небольшое отверстие, через которое процеживают сусло; *бочки,* инде называемые *лагунами,* назначаются для переливания в них пива.

Принадлежности мастерства:

А. Сапожного: шило, иглы, дерево, колодка, служащая для выпрямления сапога, молотки, гвозди.

Б. Строительного: топоры, стружки, скобели, тежики, которыми тешут углы стен внутри здания, пазники, служащие для выделывания пазов, пилы, долота, брусы, точила, ватерпасы, черта — железная палочка, имеющая на одном конце раздвоенный крюк, которым начертывают пазы.

Из четырех описаний, касающихся разных местностей Холмогорского уезда: Хаврогорского прихода, села Пингишей, Челмохотского и Курейско-Сергиевского прихода, — первые два дают несколько подробностей относительно сельских построек в описываемых ими деревнях.

Так, свящ. Прокопий Павловский говорит об этом предмете следующее:

Деревни в Хаврогорском приходе расположены большей частью неправильно, и дома в оных также имеют не одинаковое расстояние один от другого: в одних деревнях дом от дома имеет расстояние двухсаженное и не более трех сажен, а в других дом от дома представляются довольно отдалившимися; сему причиною со стороны крестьян близость нахождения имеемой ими пахотной земли, которая у них всегда под руками и удобна для обработки.

---

[54] Сурпа состоит из нескольких палочек, расставленных кругообразно и обложенных соломою; она налагается на стырь, как видно, для более удобного отделения сусла от солода.

Жилые постройки передними окнами расположены на западную сторону, к реке Двине, а амбары большей частью обращены дверями к окнам домов (из предосторожности от похитителей), и находятся от домов в близком расстоянии; бани также близ домов, а гумна и овины строятся в стороне и вдалеке и большей частью близ полей.

Дома крестьян деревянные, из соснового и елового леса; большей частью, особенно вновь устроенные, красные, удобны и поместительны. Дом разделяется на три части: собственно так называемый *перед*, состоящий из избы и горниц; *передворье*, т. е. средняя часть дома, на котором находятся чуланы или так называемые клети в верхней части оного или повети, а под оными помещение для лошадей и хлев для рогатого скота. Все эти три части имеют величину и ширину равные; а весь дом в совокупности занимает пространства в длину 9 саж., в ширину до 5[55]; на передней стене устрояется во всяком доме 5 окон, на боковых по 2 и по 3; крыльцо с боковой стороны, двое ворот в передворье, для удобства к вывозке навоза, и в хлеву тоже две двери: одни из передворья, а другие из задней стены. Наружное украшение дома составляет раскрашивание окон, на которые накладываются наличники[56], свода, в котором устроиваются два окна, и подбоя под крышею.

Внутри такое же раскрашивание, смотря по состоянию жителя, белилами или чернядью окон, карнизов, печного места и проч. В большом углу на так называемой божнице по обе стороны расставлены иконы безыскусственной, известной всем суздальской работы. В каждом почти доме имеется ухожая горница, прибранная по-сельски. В ней, как бы напоказ, особенно в праздники, когда бывают гости, вывешивается на стену лучшее платье домашних и выставляется на вид медная и другая ценная посуда. Это более делается тогда только, когда в доме заводится свадьба, чтобы показать приезжающим смотреть житье неизвестного им жениха или невесты, что последние имеют всего довольно. Дома крестьян в Хаврогорах у многих отштукатурены, что по близости нахожде-

[55] У зажиточных крестьян дома строятся от 9 до 12 саженей в длину, а в ширину от 5 до 6.

[56] Наличник – фигура в виде рамки для картины, очень подходящая к окну и довольно красивая.

ния цемента и многих мастеровых этого дела не составляет больших издержек, а между прочим, приносит немалую пользу, сохраняя верхние комнаты от преждевременного гниения, обеспечивая содержание теплоты в большей мере в зимнее время и дозволяя употреблять меньшее количество дров для топки. Дома строятся, по довольному количеству местного материала, двухэтажные, в высоту 5, 6 саж. и менее. У многих домов к боковой стене пристраиваются небольшие избы, называемые подызбицами, для того чтобы в зимнее время удобнее было водиться со скотом, каковые избы — совершенный излишек и трата леса. В зимнее время двухэтажный, пространный и удобный дом пуст, а огромное семейство хозяина помещается в небольшой подызбице, терпя и снося спертый воздух, копоть от лучин, сырость и проч., отчего нередко заводятся и болезни, которых главная причина — неопрятность сих изб и нечистота, по сельским обстоятельствам всегда присущая.

Автор этнографических сведений о селе Пингишах свящ. Андрей Колчин о сельских постройках этой местности говорит следующее:

В Пингишенском селе 170 дворов, у каждого почти двора имеется амбар, баня и овин. Здания эти построены безо всякого порядка, кучами, до крайней тесноты. В одной куче с дворами стоят бани, амбары; даже овины с гумнами построены рядом с избою. Все постройки сделаны из соснового леса, крыты тесом желобастым. Двор состоит из трех частей: *переда,* или избы, *передворья* и *дельника.* Все эти три части строятся в одной связи. *Перед* по фасаду имеет три или четыре окна, одно из них в середине большое, по названию *колодное,* с осмистекольною рамою, остальные маленькие, продолговатые. На боку избы, с той стороны, с которой бывает вход, делается маленькое оконце. В зимнее время рамы стекольные, на ночь отнимаются, а вместо них вставляются деревянные ставни. Избы сводятся косяком на два ската. Косяк делают тесаный. Крыша над косяком выдается вперед довольно большим надвесом, концы косяков обшиваются фигурами — так называемыми *пригалинами. Перед* старинной постройки всегда почти состоит из одной избы с подпольем, в 4 саж. и более ширины и длины. От переда тянутся *передворье* и *дельник.* Каж-

дая из этих частей бывает длиной до 5 саж.; чем более двор, тем исправнее хозяин.

Вход в избу устраивается по съезду через передворье, которое служит и сеновалом, и сенями. У дверной стены в избе выводится печь, которую бьют из глины артелями, по соседству, за угощение. Предварительно для печи приготовляют печное место: ставят в колоду четыре столба. Столбы расширяют в стены избные поперечинами во все стороны; поперечины эти служат полками, или *грядками*. Кругом избы, около стен, стоят лавки; конец этих лавок у дверной стены называется *коником*. Лавки вдалбливают концами в стены. Выше лавок, тоже кругом избы, из стены в стену делаются грядки. В большом углу ставится *божница*. Над окнами делаются карнизы — или продольные, большие, под всеми окнами, или особо над каждым окном. Карнизы эти называются *зымзами*. Изба отделяется *заборкою* от печи к передней стене. Место за заборкою называется *солнышею*. Если не бывает заборки в избе, то бывает пространное *запечье*, которое тоже именуется *шолныша*. Потолок в избе бывает бревенчатый, иногда на два ската. Под потолком на перекресте из стены в стену укрепляют рядом по две жерди, называемые *марами;* на них сушат лес для поделок, рыболовные сети и проч. У печи в стене делается *дымник* — просто окно, запираемое ставнем; от этого окна с наружной стороны избы идет деревянный дымник или труба. В избе, кроме печи, лавок и грядок, увидите еще столь в большом углу колодку или обрубок и табурет, гнутый из ивы. Кроме икон, на стенах никаких украшений не бывает. В передворье устроеется клеть. Клеть служит в простую пору для хранения пожитков, а во время браков — для отвода молодых к опочиванью.

Передворье и дельник строят в огромных размерах для большого помещения скота и тундры, которую завозят в дворы. В передворье помещают лошадей и больших быков; в дельниках — коров, телят и овец. Амбары ставят двухэтажные, приспособительно низменности местоположения. Внизу хранят муку или оставляют впусте; вверху делают засеки или глубокие ящики забором, для хранения зернового хлеба. Амбары сводят на два ската на сплошных рамах, первоначально кроют еловой корой, потом в два ряда тесом. Овины всегда на половину высоты углубляют в землю, на поверхности земли остается только верхний этаж, куда помещается для

сушки хлеб. В углублении устраивают печь из дикого крупного камня; вход к овинной печи идет через окно в яму. Яма эта именуется *загарою*. Потолок овинный над печью делается плотно из толстого теса; на боках потолка оставляют щели шириною в два вершка и более. Через эти боковые щели тепло сообщается в верхний этаж овина и осушивает хлеб. В верхнем этаже овина по обоим концам кладутся две балки; на балки в *зазубру* накидывают рядками колышки, называемые *колосниками*, расстоянием на одну четверть один от другого. На эти колосники ставят снопы для сушки. При овинах большею частью устраивают гумна, крытые тесом с гладким мостом. Бани — маленькие конурки с каменками. Воду в банях греют каменьем. Необходимая принадлежность бани — полок.

Что касается домашней утвари, то о ней свящ. Колчин сообщает лишь краткие сведения в таком виде:

Первое место занимает хлебня; она помещается на столе или в углу на лавке под иконами и всегда прикрыта скатерткой. Хлебня делается или из осиновой болони, гнутая и точеная из дерева или плетеная из корешков и прутьев. Далее следуют: деревянные или глиняные кружки для питья (деревянные кружки делаются из вересовых дощечек); оловянные тарелки и стаканы; большие деревянные чашки для семейной похлебки, медные котелки для варки пищи; *солоник* берестяный, для хранения соли. *Сеяльница* бывает или плетеная, из бересты, или выделанная из дерева; это род круглой большой, но мелкой коробки, употребляемой для сеяния муки. *Полотуха* — деревянная продолговатая чашка овальной формы с рукоятками на обоих концах, употребляется для окатывания житников. Печатка — деревянная дощечка, вырезанная фигурчато, употребляется для печатания сочней при свадьбах и больших праздниках. *Валек* употребляется для катания сочней. Сковородка — медная чашка с рукояткой, употребляемая для подачи каши в торжественные праздники. *Братыня* всегда медная, употребляется в праздники для подачи пива; а во время браков братыней подают водку и пьют через край. *Ендова* — род братыни, но в огромном виде; под дном у ендовы делаются ножки; употребляется при свадьбах, как и братыня. Латун — род ушата или небольшой кадки, с обоих концов закупоренный; наверху делается небольшое отвер-

стие — втулка, а внизу гвоздь. Лагуны употребляются для хранения пива. Кадка — большой чан для варки пива. *Ковш пивоварный* делается из огромных древесных наростов с длинною рукоятью. *Ковш семянной* выделывается тоже из древесных наростов и корней и употребляется для насыпки зернового хлеба в амбарах. Щипцы или клещи железные употребляются для поднятия горячих камней при варке пива. *Плетень* берестяный, величиною в квадратный аршин и более, с маленьким бутылочным отверстием, употребляется для хранения семени конопляного и льняного от мышей. Доильница — ведро с носиком, употребляется как подойник для доения молока. *Ставец* — небольшая деревянная чашка. *Цепельник* или *сковородник* употребляется для подъема сковородки при печении блинов. *Бук* — для бучения белья.

Сведения о сельских постройках и утвари в Курейско-Сергиевском приходе, доставленные священником Василием Таратиным, не обильны, и описание домашней утвари не прибавляет ничего нового к прежним; а потому мы ограничиваемся только описанием построек в этом приходе:

Дома и все при них службы построены из соснового леса и закрыты тесаными сосновыми досками в желоб — под охлупень. Домы построены в одной связи со скотными дворами, и отдельных от домов сараев нет.

Дома вообще постройки красивой и отделки чистой. Из 125 домов около 70 домов двухэтажные, с жилыми покоями в обоих этажах, и около 30 домов одноэтажные с покоями в верхнем этаже. Ширина этих домов 4,5 сажени, вышина 3 саж. и длина дома с сараем 9 саж.

В домах прежней постройки: внизу изба и рядом с ней, с лицевой же стороны, — съезжий двор, ход в избу и лестница в верхний этаж. А где нет внизу жилого покоя, там кладовая для хлеба и рыбы.

В домах нынешней построки: изба и рядом с ней горница, вход в которую из избы. С боку устроено крыльцо для входа в избу и в верхний этаж; в сенях забраны чуланы для клажи съестного и домашней утвари. В верхнем этаже построены два и более покоя, которые называются горницами, и чуланы для платья.

Во всех почти домах при входе в избу в заднем углу левой руки устроена русская большая печь с подпечком, в который складывают домашнюю утварь: ухваты, крюки и проч., — а иногда в нем спят дети. От печки по задней стене полати, которые обнесены балясами; по бокам избы грядка; по полу — лавки; в переднем углу — божница и стол. Рамы в шесть стекол. На зиму вместо рам вставляют деревянные толстые ставни, обитые войлоком или холстом, с меленькой внутри рамкою, а на ночь с наружной стороны все окона закрывают ставнем. Потолки штукатурят для сбережения верхних покоев от гниения.

В горницах печи голландские обыковенной кладки. Рамы в 6 и 3 стекла; по стенам на полу устроены скамейки. В домах богачей стены обиты бумагой, полы и двери выкрашены, потолки отштукатурены, мебель столярной работы. Киот с св. иконами, часы, зеркало, шкаф и кровать составляют принадлежность горницы каждого не совсем бедного домовладельца. В покоях и сенях соблюдается чистота и опрятность во всякое время.

Скотный двор (сарай) двухэтажный, он отделен мостом или полом, который настилается на двенадцатом ряду бревенчатого сруба и называется поветью; внизу двора устроены стаи для скота, а на повети хранится сено. В повети устроены так называемые мары, и здесь, на настилке досок и жердья, хранится солома. Для дачи корма скоту с повети против яслей сделаны отверстия. Для въезда на поветь сзади, а иногда и сбоку сарая устроен из бревен на столбах подъем (звоз), ровная с поветью возвышенность которого называется *гузном*.

В этом сарае вверху и внизу, во всю ширину его или только в углу, отделено небольшое пространство бревенчатым забором, где устроены отхожие места.

Бани построены небольшие, с предбанником (сенцами). В заднем углу бани сбита нечка (каменка) таким образом: сзади и боков выкладены кирпичом стенки, в вышину до 1,5 арш., а напереди для дров оставлено отверстие; с боков стенок сделаны кирпичные своды, и на эти своды наложен серый камень. Во время топки в печку бросают камень и накаленным нагревают воду в ушатах и сельдянках.

Для молотьбы хлеба устроены овины; это неширокие и недлинные, но довольно высокие амбары: внизу устроена

каменка (вырыта небольшая яма, с боков сделаны из кирпича от 5 до 7 сводов и завалены камнем); на половине в вышину овина настлан пол, а по бокам оставлены отверстия (продухи) для хода жара из каменки; с пол-аршина от полу устроены колосники для клажи снопов.

Еще короче сведения о постройках, находящиеся в описании Чслмохотского прихода, которое составлено свящ. Ильею Глебовским. Они имеют вид заметки такого содержания:

Дома жителей все деревянные, почти все одноэтажные, построены без всякого плана; состоят из белой жилой избы (есть еще черные) с заборкою, а за стеною оной есть горницы или чуланы; рядом с избою, чрез сени под одною крышею, назади находится поветь (сеновал), а под низом оной помещается домашний скот. Внизу под избою погреб с ямою для снега, где кладется всякое съестное. У состоятельных дома двухэтажные, из четырех покоев и даже пяти, с кладовыми на повети. Анбары для ссыпки и хранения хлеба находятся отдельно, большею частью пред окнами домов. Мебель у людей среднего состояния — лавки из досок, скамьи, у богатых стулья в горницах, комоды и шкафы под красным деревом. Иконы в большом углу, но редко в киотах и с серебряными ризами.

Переходим к Кемскому уезду, из населенных мест коего имеем описанным только Сумский посад. Описание это принадлежит чиновнику Шешенину, и о постройках Сумского посада говорится в нем следующее:

Сумский посад не может похвалиться своим наружным видом. На восточной стороне двумя неправильными рядами тянутся обывательские дома, в более или менее близком расстоянии один от другого, обращенные лицевою стороной к реке; на западной стороне, менее населенной (за первым рядом строений, т. е. прибрежным), жилища сумлян представляются в разбросанном виде.

Позади домов, как на восточной, так и на западной стороне, отдельно, не в дальнем расстоянии стоят бани как необходимая потребность для трудолюбивого работника, особенно при непостоянной зимней погоде.

По обеим сторонами реки, соответственно обывательским домам, группируются амбары, опираясь основанием своим на сваи, стоят над водою, в видах удобства для разгрузки судов; за амбарами, против некоторых домов, по восточному только берегу, виднеются маленькие, в несколько небольших гряд, огороды.

Обе части посада соединяются через реку двумя деревянными мостами, построенными на сваях и срубах. Один из мостов находится в середине посада, а другой в верхней части его. При обоих мостах как на одной, так и на другой стороне поставлены большие деревянные кресты. Такие кресты встречаются во всех концах посада; в центре же посада на возвышенном западном берегу виднеются древние стены острога, из-за которых показываются главы местных церквей.

Наружный вид домов нынешней постройки ничем не отличается от городских обыкновенных домов. Они строятся преимущественно двухэтажные, в три окна на лицевую сторону[57]. Рамы в окнах снаружи беленые и большею частью в 6 стекол. Сзади дома, смежно с ним, всегда бывает пристройка, разделенная на два этажа: в верхнем помещается сенник (сенники устроиваются с выходом на заднюю сторону дома, для чего делается из бревен покатый съезд, а иногда тут же пристраиваются и кладовые); в нижнем помещается домашний скот. Внутреннее расположение в большей части домов посада следующее: нижний этаж состоит из избы, или, иначе, подъизбицы[58], и сеней, из которых есть выход в скотный, или задний, двор [верхний этаж. — *Прим. ред.*], из одной или двух верхних комнáт, не соединяющихся между собою, и сеней, из которых идет выход в сенник.

Обстановка же комнат большею частью такова в подыизбицах: направо или налево от входа из сеней — большая русская печь, занимающая собою почти 1/6 часть избы, а иногда и более; нижняя половина печи начиная от полу до шестка деревянная, окрашенная краскою. Возле печи на стене висит блюдник, в переднем углу божница; у дверей, рядом с печкой, — полати; от печки к боко-

---

[57] В Суме есть до 15 двухэтажных домов, имеющих по фасаду 5 и 6 окон.

[58] Изба в нижнем этаже только тогда называется *подызбицей*, когда над нею в верхнем этаже есть горница.

вой стене приделана полка, называемая по-народному *воронец*, на которой и укрепляются полати. Против среднего окна ставится стол; над дверью с наружной стороны у людей религиозных написана бывает молитва следующего содержания: «Христос с нами уставися вчера днесь, той же и во веки», и над окнами начерчены мелом кресты. В верхних горницах соблюдается чистота и опрятность; для украшения на стенах развешиваются картины, а в более зажиточных домах стены в горницах покрываются обоями; на стенах — зеркала с позолоченными рамами (заграничной работы), лакированная мебель.

Относительно местностей Архангельского уезда в распоряжении П. С. Ефименко имелись описания двух наиболее замечательнейших, как в географическом, так и в этнографическом отношениях, приходов: Лисестровского и Зимней Золотицы. Первое составлено свящ. Федоровым, второе свящ. Владимирцем-Розановым.

Вот что говорит первый о постройках в его приходе:

В Лисестровском приходе на протяжении всего острова деревни находятся одна от другой на расстоянии 1/4, 1/3, 1/2, 2, 3, 4 и 5 верст по правую и левую стороны реки Двины; а дворы и дома один от другого по большой части в расстоянии не более 1 и 2 саж.; постройки фасадами расположены в разные стороны а также и улицы, смотря по тому, какое имеют направление и в которую сторону текут речка или озеро, при которых они построены. Все бани, овины, амбары и ветряные мельницы стоят в стороне. На сем острове замечательны правильною постройкою две деревни: Верхнее и Нижнее Ладино Заостровского прихода. При сих деревнях находится до 6 шатровых мельниц. Лисестровский приход находится от Ширшемского в 5 верстах и от Заостровского в 5 верстах.

Постройка домов или изб в Лисестрове отличается какою-то патриархальною древнею простотою. Домашние избы устроиваются большею частью из соснового леса с прибавкою елового. Одинокие и безземельные люди часто ставят домики без кровель или без крыш, и вообще немногие из крестьян строят вновь опрятные и красивые дома правильного вида. Дома кре-

стьянские состоят по большей части из верхнего и нижнего этажа. Нижний этаж обыкновенно строят с двумя покоями: в первом покое изба, в ней при входе из дверей на правой стороне находится русская печь, в противоположном углу от печи находится два-три, а инде и до пяти образов или икон и медный крест, складни и кадильница; под образами стол, а вокруг по стенам лавки, а в верхнем жилье вместо стульев скамьи. В русской печи обыкновенно притотовляют пищу и обряжают сельский ежеденный обиход, относящийся к скотоводству. В стене прорублено с затворкою оконце для подачи нищим милостыни. А во втором покое всегда находится чистая комната для своего употребления и для принятия гостей — родственников, преимущественно в большие праздники. В верхнем этаже находятся два или три чистых покоя с русскою печью, а инде и с голландскою, с 3 и 5 иконами, иногда в серебряных ризах, в золоченой тоге под стеклом. Сюда принимают гостей редко — наприм., при свадьбе и при посещении священника с крестом о великом празднике. За дверями находятся сени; замкнутый чулан и открытый вход на поветь — для складки конской сбруи, для санок, употребляемых к выезду в праздники, для складки сена и части соломы в зимнее время, а в весеннее, при разлитии воды, — для загона скота. Поветь всегда пристраивается сзади дома и всегда бывает со взвозом, по которому ввозят также сено и солому для стилки во двор скоту; а двор находится внизу под поветью. В этом дворе устраивается, по числу коров, до трех яслей и хлевов для житья сих коров в зимнее холодное время. Над яслями с повети прорубают окно или дыру, сквозь которые мечут коровам сено хозяйки дома, или прислуга, или же девочки. Летом коровы по большой части стоят во дворе; а для коней бывают установлены так называемые стойки (или стойла), также с яслями, где кони стоят в зимнее и нерабочее для них время. Над сими яслями также прорубают окно для сметки корма и сена. Окно это закрывают ставнем или просто доскою.

Бани в Лисестрове двоякого устройства. Бани белые, чистые, обыкновенно состоят из трех отделов: сенцов, передбанника теплого и самой бани. Бани строят из соснового леса, кроют крышей из досок, сверху выводят трубу из кирпича. В стене прорубают для света два окна в 4 стекла. Внутренность бани составляют: печь, которая топится из передбанника, каменья для нагревания воды,

котел для горячей воды, ушат с холодною водой для мытья и полок для паренья в бане, а по сторонам устраивают лавки. Такие бани имеют 3 саж. в длину и 2,5 в ширину и в высоту. Другим устройством отличаются черные бани: они строятся с одним передбанником без сеней; внутри одно окно, внутри же каменка открытая и печка внизу для нагревания камней. Эта печь во время топки распространяет по всей бане дым, который выходит двором или деревянной трубою; воду нагревают камнями.

Овины строят также из сосновых дерев в длину 2 саж., в ширину 2 саж. — квадратные; сверху закрываются они крышею из досок, сложенных между собою двухсторонним скатом; в средине ската находится балка для поддержания и укрепления досок; внутри овина настилается пол из досок, по сторонам две дощатые полки и два поперечных бревна с вырубкою, куда вкладывается до десяти несколько выгнутых круглых жердей или палок, на которые с прясел или из скирд кучей настилаются рожь или ячмень для сушки; а под овином делается свод из кирпичей, сверх которых накладываются камни, булыжник; под сводом устраивается печь; в печь кладут дрова, ивняк и частью еловые, и, когда нужно, затопляют печь: от нагревания сей печи дым и жар, проникая сквозь рожь или ячмень, теплит их таким образом и просушивает. Для просушки ржи или ячменя требуется истопить три каменки, что и называется *теплить овин* и просушивать рожь или ячмень.

По просушке овина три женки или девки и один крестьянин на гумне (гумно у некоторых бывает деревянное) расстилают ячмень или рожь и молотят *кичигами* или приузами до тех пор, пока не отмолотится от колоса зерно. По обмолотке, крестьянин собирает зерно в ворох и, если есть умеренный ветер, веялкою. Веялка эта или лопата — прекрасное и полезное произведение рук человеческих; она отличается красивою отделкою, чистотою и гладкостью, она состоит из двух частей: рукоятки и самой веялки — лопатки, с небольшим и как бы незаметным по средине углублением и заостренным концом; а также замечательна при своем объеме легкостью, с какою может поднять ее крестьянин в воздух. Взбрасывая ее вверх, при известном и мерном направлении ветра крестьянин легко соблюдает, чтобы не несло по сторонам содержащегося на ней готового для веяния зерна ржи или ячменя и чтобы с правильною точностью поднималась в воздух одна

пыль, долженствующая отделяться, а зерна опускались из воздуха на гумно, устроенное на земле или в виде утоптанного круга, или деревянное, в виде продолговатого квадрата. Польза таковой веялки очевидна. Она отделяет лучше, нежели простая лопатка без углубления, можно сказать, пшеницу от плевел; или очищает зерна ржи или ячменя от колоса и соломы посредством веяния, так что гораздо менее нужно употребить времени при посредстве такой веялки и гораздо менее нужно опахивать метелкой провеянную рожь, ячмень или пшеницу. И еще для провеяния всего вороха при посредстве такой искусственной веялки потребно бывает, вместо трех раз, только два раза провеивать, чем ускоряется ход сельского хозяйства.

Домохозяин на гумне собирает зерно в мешки и увозит в амбар, который ставится вблизи дома. Амбар бывает немного больше овина, кроме того выше и длиннее, о двух ярусах: в высоту 3½ сажени, в длину и ширину по 3 сажени. В верхний ярус кладут семянную рожь и ячмень для посева, к будущему году; в нижний — рожь и ячмень для домашнего употребления в продолжение года.

Погреба для клажи вещей устраиваются в земле, сажени в 2½ и 3 в длину и ширину, и отделяются засеками, или квадратными ящиками, которые делаются из тонких досок, прикрепленных к кольям и связанных прутьями (вичьем). По мере надобности домохозяйка вносит отсюда овощи, для своего употребления и для продажи на городском рынке.

При каждой деревне находится две или три ветряные мельницы, об одном жернове и не более как о двух, с крыльями, амбарчиком сверху для засыпки зерна[59]. Мельник мелет в сутки не более двух мешков ржи ли ячменя.

Сельские домохозяйки обстанавливают полки или воронцы внутри избы медною или частию оловянною посудой. Войдете в крестьянскую избу и увидите котлы красной меди большого и малого размера; в больших иногда священники крестят младенцев, вместо купели, за дальностию от церкви; вы увидите зеленой

[59] В Лисестрове нельзя допустить устройства шатровых мельниц, судя но песчаному грунту земли таковые мельницы устрояются в Заостровском приходе о 4-х жерновах в виде шатра; в Верхнем и Нижнем Лединe грунт земли песчано-глинистый.

меди тазики, чайники, братыни и подсвечники, солоницы, оловянные стаканы и на деревянном крашеном наблюднике оловянные тарелки и железные лучинники для зажигания лучины по вечерам в бедных домах. В редком доме, и то у богатых крестьян, найдете комнатки в верхнем этаже, порядочно убранные. Не у многих из богатых крестьян вы найдете и самовар с чайным прибором.

К домашней утвари можно отнести ткацкий станок, *става,* составляющий принадлежность почти каждой крестьянской семьи, для ткания холста или полотна. Для собрания и постановления красен потребно иметь два валька, воробы, чивчи, челнок и подножник и *прядеко* для крестьянок, которое обыкновенно привозят здешние крестьяне с Евдокиевской и Никольской ярмарки.

Наконец, относительно сельских построек у жителей Зимнего берега свящ. села Зимней Золотицы Владимирец-Розанов сообщает нижеследующее:

Жилища в Золотице строят по большей части из соснового леса, редко из елового. Наружный вид строений самый незатейливый. Обыкновенно врывают в землю *по два* больших пня, или *постойку*, под четыре угла и по стольку же под середку стен; на стойки кладут венцы два или три из бревен, аршин 9 длины и вершков 6 в отрубе, и в них врубают подпольные балки; потом еще кладут венца два, и в них уже назначают места для окон. Окна бывают не более аршина в вышину и 3½ четверти в вышину; потом нарубают еще рядов пять и в пятый врубают потолочную балку — матицу; на матицу кладут потолок — *на две* доски третью, называемый *киевский (?);* сверху еще нарубают ряд *паровой* или *начерпный,* и изба вчерне готова. В середке между избами, сажени в 1½ оставляется место для сеней. На нижние избы или подъизбицы кладутся в таком же количестве *венцы* и для двух горниц: передней и задней, тоже с сенями посредине. Ряду на 20-м если лес тонок, ставятся *залобки;* к залобкам прикрепляются *стропила*; в стропила врубают *курицы*, на концы которых кладут *потоки*, поддерживающие крыши снизу; вверху же крыша прикрепляется к стропилу *князьком — охлупнем,* то есть широким и долгим, выдолбленным в средине, деревом. С боку во всю длину дома прирубается двор и закрывается под один *скат* с домом, почти горизонталь-

ною крышею. Домы же кроют почти всегда на два ската; крыша вышиною всегда бывает в треть менее широты передней стены. С фасада делают в доме всегда три больших окна и два таких же в стене, противоположной двору. В сенях, с улицы по средине стены, отделяющей избу от сеней, прорубаются двери; направо или налево, где удобнее, рубится в крюк опечек, на котором кладется печь, челом к свету; к передним и задним частям опечка, от двери ставятся стойки: из них передний называется *турком*, к коему прикрепляется рукомойка, а под нею лоханка; на турок и задний стоёк, во всю длину задней, от печи, кладутся брусья и на них стелются доски, или полати, место покоя ребятишек. Передний брус у полатей зовут *воронцом*. В углу, по другую сторону двери, ставится *конник* — небольшая широкая лавка, место постели хозяина. Когда в доме кто болен или есть родильница, их также помещают на конник и завешивают завесы. В переднем углу делается божница — треугольник с тупым углом, из доски. Тут помещаются св. иконы, лампада с елеем и кадильница, а иногда и ладонница. В переднем же углу помещается и стол. Передний угол самое почетное место в доме. Угол противоположный переднему, против печи, печной, составляет собственно принадлежность хозяйки, ребятишек и кухни: блюд, горшков, чашек и проч. Угол запечный темный, в нем помещаются жернова для молотья и укрываются хозяин и хозяйка, когда не хотят кому показаться. Вдоль стен передней и боковой ставятся лавки; над окнами приколачиваются или полки, или вместо их, оттягивается из целого бревна карниз *зинза*. Из сеней, против дверей передних, избных, делаются двери в заднюю подъизбницу. Внутреннее расположение задней такое же, как и в переднее. В сенях, у самых дверей задней, ставят лестницу в верхние сени и горницы. В горницах устройство и наружное и внутреннее такое же, как и в подъизбницах; только у зажиточных крестьян горницы рознятся от подъизбниц голландкою, стульями и простенькими покрашенными столами, внизу, против уличных сенных дверей, делаются двери во двор, а в верхних сенях — на поветь — *верхний двор*.

Внутреннее устройство двора следующее: к наружной стороне двора ставятся *стаи* — хлевы. Хлевы бывают для каждой породы животных особые; так: конинып, коровий и проч. Стаи рубят по большей части из накатника; мшат плотно, чтобы ско-

тине было зимой тепло, в стаях настилается мост — пол, потому что скот стоит без подстилки, и делают стойла для каждой скотины особо. В нижнем дворе делаются ворота, чтоб выпускать скот, и настилается, или из накатника, или из *пиловок,* пол. В верхнем дворе повети тоже делаются ворота и к ним взвоз — мост, по которому поднимаются с сеном; взвоз, сколько возможно делается пологим. В верхнем дворе хранится корм для скота, разная сбруя и снасть, а у иных даже и хлеб.

Погреба в Золотице строят так же, как и везде, только с осени протапливают раза два три, чтобы высохли стены и в зимние морозы было тепло.

Амбары строят везде почти из соснового леса, редко из елового, и всегда из накатника; кладут их редко и без моху; кроют на два ската; двери делают широкие, чтобы можно было ими выкатывать большие чаны и свободно заносить кули с мукой; внутри амбара настилают пол, а наверх кладут подволоку; внизу кладут хлеб, рыбу и припасы, а наверху звероловные и рыболовные снасти. Амбары делают по состоянию богатые более длиннее, а бедные и поменьше, и покороче. Условная длина не бывает более 5 сажень, а вышина сажени 2½.

Бани строят сажени в 4 длиною и 2 шириною с передбаньем, но не высокие, рядов из 11, из накатника; кладут бани всегда на мох. В передбанье снаружи прорубают дверь, а против них другую на банной стене, отделяющей баню от передбанья. На правой или левой стороне от двери делается каменница, с худо сделанной печкой, и тут же у каменницы всю остальную длину стены занимает полок. По другую сторону двери, напротив каменницы, ставится кадка с холодною, для поддаванья и окачиванья, водою — колода. Окошко в бане бывает или одно большое, или два маленькие; под самым потолком прорубается окошечко для выхода дыма из бани. Бани кроют по большей части *лабазом,* т. е. без стропил, на один скат.

Овины в Золотице делают с одним только *садилом,* без гумна; с лица прорубают два окна: внизу маленькое, в которое выметают насыпавшиеся колосья, и большое окно, куда подают снопы, которые садят на колосники — жерди, утвержденые на перевода. Под колосниками настилается пол с уступами на ¼ от боковых стен — пазутинами, чрез которые идет жар в снопы; пол этот зама-

зывают по пазам глиною и как можно плотнее, чтобы не падали искры в снопы. Под овном кладут печь каменницу; ход под овин бывает сбоку или сзади, где как удобнее. Овинов, по малоколичественности пахотной земли и частым неурожаям, в Золотице очень немного. Есть ли, нет ли — на 80 домов десяток.

Посуда в домашнем быту золотичан та же, какая и у всех русских: те же горшки, чашки, ложки и ухваты; есть, впрочем, и имеющая особое название и особенное употребление. Так, когда золотичане бывают на рыбном промысле, сваренную в котле рыбу вынимают на *кару*; *карою* зовется кусок доски, в форме треугольника или подноса, с немного выжелобленною серединою и малым возвышением по краям, чтобы только не свалилась вынутая рыба.

Подблюдник, так зовется подкладываемая под блюдо с рыбою квадратная доска, в средине которой делается выпуклость, в виде четверти луны, — или только одна выпуклость, сделанная из круглого елового или соснового корешка: как та, так и другая кладутся под блюдо для того, чтобы оно было несколько наклонно и чтобы квас, подлитый под рыбу, стекал на наклонную сторону, а рыба оставалась на возвышенном крае. Подблюдник употребляют и дома. Подкладка под дно котла, чтобы он, стоя на столе, сохранял равновесие, делается из веревки и всегда почти мочальной, в виде кольца, и зовется *гомза.* Для стирания со стола мокроты, крошек и костей, делается в виде кисти мочальная швабра: ручка у ней делается из тех же мочал же, туго обвитых широким мочалом. Черепок, для кормления кошек и собак, или только выдолбленное в виде корытца место в углу у порога, зовется *попырь.*

Для вынимания из котла сваренной рыбы, делают лопатку, загнутую к черенку, но возможности широкую, с прорезом в средине в виде креста, называют *рыболовкою.* Для прихотей золотичане употребляют ту же посуду, какую имеют и во всей России; разница только в том, что она бывает, по большей части, заграничная, гамбургского изделия; на месте же зовут такую посуду *норвежскою,* потому что вывозят из Норвегии, меняя по большей части на домашний товар. Впрочем, заграничная посуда употребляется при столе: тарелки для рыбы и мяса, салатники и миски для ухи и щей, молочники и стаканы для кваса. Медных ендов и стаканов, употребляемых в средней России для питья пива, в Золо-

тице нет — потому ли, что пива здесь никогда не варят, или потому, что не введено исстари в употребление.

Относительно посуды нужно заметить, что в здешнем крае больше медной, оловянной и фаянсовой посуды, чем в быту среднерусского крестьянина. Нет почти ни одного дома, в котором бы не было, по крайней мере, пятка медных вещей; а богатые даже воду каждый день греют в медной посуде – мединниках. Они похожи на обыкновенные чугуны, только немного повыше последних и с вогнутыми краями. Ложки употребляются маленькие, как в других местах, над ваганскими и устюжскими здесь смеются.

Глава III

Одежда и обувь

Сведения П. А. Иванова о крестьянской одежде в Пинежском уезде: мужской и женской, летней и зимней, праздничной и вседневной, и головных уборах, и других украшениях; об обуви. — Одеяния в Усть-Пуе, — в Тулгасском, — Хаврогорском и Челмохотском приходах, — в с. Пингишах, — в Курейско-Сергиевском, — Лисестровском приходах, — в Зимней Золотице, — в Кихотском приходе, — в Сумском посаде.

Народное одеяние в Пинежском захолустье не подвержено колебаниям моды. Как мужчины, так и женщины сохраняют национальный русский костюм гораздо ценнее, чем в Архангельском и Холмогорском уездах. Старики и старухи проводят особенно тут своё влияние, строго отстаивают старину, освященную временем, хотя с каждою складочкою в одежде либо в уменьшении или увеличении вещи, скромный деревенский костюм, нажив себе врага — *неметчину,* мало-помалу теряет свое влияние. Говорят, что старинный наряд стоит дорого, и потому его стали заменять недорогим. Когда девушки являются на общественные гулянья одетые в *старинную лопатину,* народ, удивляясь, не может удержаться от выражения: *экая краля прилетала... баско, очень басисто, как она одела материнуто пару!* Существует такой обычай, что женщины и даже мужчины к утрене в церковь идут в таком (порядочном) платье, а к обедне в другом, лучшем. То же бывает на игрищах, в беседах:

тице нет — потому ли, что пива здесь никогда не варят, или потому, что не введено исстари в употребление.

Относительно посуды нужно заметить, что в здешнем крае больше медной, оловянной и фаянсовой посуды, чем в быту среднерусского крестьянина. Нет почти ни одного дома, в котором бы не было, по крайней мере, пятка медных вещей; а богатые даже воду каждый день греют в медной посуде — мединниках. Они похожи на обыкновенные чугуны, только немного повыше последних и с вогнутыми краями. Ложки употребляются маленькие, как в других местах, над ваганскими и устюжскими здесь смеются.

Глава III

Одежда и обувь

Сведения П. А. Иванова о крестьянской одежде в Пинежском уезде: мужской и женской, летней и зимней, праздничной и вседневной, и головных уборах, и других украшениях; об обуви. — Одеяния в Усть-Пуе, — в Тулгасском, — Хаврогорском и Челмохотском приходах, — в с. Пингишах, — в Курейско-Сергиевском, — Лисестровском приходах, — в Зимней Золотице, — в Кихотском приходе, — в Сумском посаде.

Народное одеяние в Пинежском захолустье не подвержено колебаниям моды. Как мужчины, так и женщины сохраняют национальный русский костюм гораздо ценнее, чем в Архангельском и Холмогорском уездах. Старики и старухи проводят особенно тут свое влияние, строго отстаивают старину, освященную временем, хотя с каждою складочкою в одежде либо в уменьшении или увеличении вещи, скромный деревенский костюм, нажив себе врага — *неметчину,* мало-помалу теряет свое влияние. Говорят, что старинный наряд стоит дорого, и потому его стали заменять недорогим. Когда девушки являются на общественные гулянья одетые в *старинную лопатину,* народ, удивляясь, не может удержаться от выражения: *экая краля прилетала... баско, очень басисто, как она одела материну-то пару!* Существует такой обычай, что женщины и даже мужчины к утрене в церковь идут в таком (порядочном) платье, а к обедне в другом, лучшем. То же бывает на игрищах, в беседах:

днем в таком, а на вечеринках в ином, — или летом: в дневном кругу то, а на вечернем гулянье другое платье.

Деревенский народ украшает себя нарядами; в будень серого цвета, а в праздник красного: красный цвет предпочитает всем прочим. Чтоб платье *сидело хорошо,* такого желания нет; для сельчан нужно другое условие: лишь бы блестело и пестрело. Они пожалуй еще полюбливают, чтобы в одежде было просторнее.

Одежду застегивают с правой на левую сторону. Обувь не различается на правую и левую ногу. Она вообще хоженая.

Женщины без стеснения носят кроме своей и мужскую одежду, особенно зимою, также и обувь.

Материалы для одежды, как то холст, полотно и крестьянское сукно, — или работают дома крестьянки, или достают в деревнях; а остальное покупают на ярмарках, в лавках города Пинеги и у разъезжающих по селениям торгашей. Для обуви кожевенный товар берут у местных и ближайших заводчиков и покупают у кожевников в городе.

Одежду шьют переходные деревенские швецы: портняжки, шубники и портнихи, а теловую домашние женщины. Обувь делают местные *чеботари* и *башмачницы,* или она покупается готовою во время ярмарок.

Одежда летняя, ежедневная, рабочая: у мужчин рубашка, подштанники, кафтан серяк, пониток, кабот, армяк, кум, камарник, фартук; у женщин: сорочка, юбка, костычь китайник, набивник, печатник, крашенинник, сарафан, фартук, нарукавники, обтянушка, пониток, капот.

Летняя праздничная одежда у мужчин: штаны, панталоны, жилетка, кафтан, плисовый кафтан, *сибирка, казакин*; у женщин: сарафаны, платья, передники, *нарукавники, кумашник, штофная пара, епанча.*

Зимняя одежда буденная у мужчин: теплая рубашка белая и нагольная шуба, дубленка, малица, совик, сермяжка, армяк; у женщин: фуфайка, душегрейка, шубка, телогрейка, белая и нагольная шубы, *малица.*

Зимняя праздничная одежда у мужчин: синяя шуба, тулуп, малица; у женщин: шуба, полушубок, шубейка, куцавейка.

Обувь (*обутка*) вседневная летняя у мужчин: *коты, бахилы, батари с онучами, уледи, упаки,* тюни с чулками, поршни,

сапоги с онучами; у женщин: *коты, бахилы, уледи, упаки, тюни, струсни, лапти, чуни.*

Обувь летняя праздничная у мужчин: сапоги с головками; у женщин: с чулками и подвивками — *башмаки, пантуфли, полусапожки, выступки.*

Зимняя обувь ежедневная: у мужчин: *катанки, валенки с чулками, пимы с лебтами, вачеги, вехтоньки, исподни*; у женщин: *катанки* и *валенки с чулками.*

Зимняя обувь праздничная у мужчин: сапоги с носками, с чулками, *катанки с чулками, перчатки*, рукавицы; у женщин: *катаны*, башмаки, *выступки, парижки, лапти, перчатки с чулками.*

Головной убор у мужчин: шляпы, шапки, фуражки, картузы, треухи, колпаки и меховые шапки; у женщин: *повойники, сверники, кокошники*, повязки, косынки, платки, *шамшуры.*

Украшения у мужчин: крест у шеи, пояс, галстук, кушаки, ремни, кольцы, перстни на руках, кисет в кармане; у женщин: булавки, запонки, серьги, *наборошники*, шаль, пояс, запястье, кольца и перстни на руках.

Переходим к самому описанию всех этих изделий.

Рубаха мужская шьется на манер русской рубахи, из разных цветных ситцев, крестьянской пестряди (почему и называется домоткацкою), полотна, домашнего портна, белого тонкого, и грубой толстой холстины (холста), набойки, то есть холста, окрашенного местными красильщиками в синюю краску гладко или со звездочками или клеточками.

Крестьяне любят красные кумачные рубахи и, считая их нарядным бельем, носят по праздникам; летом же, одевая кафтан нараспашку, оставляют такие рубашки открытыми, не употребляя и шейных галстуков. Рубашки мужские опускаются на шаровары. Мужские рубашки бывают довольно длинные, ниже колен, широкие и с вольными широкими рукавами. Мужская рубашка подшивается на спине холстом чуть не до талии, для прочности. Постройка их делается с прямым воротом и косым или глухим воротом, застегиваемым на правой стороне шеи. Разрез у ворота мужской рубашки очень невелик; подол простирается почти до колен, иногда и ниже; подол в штаны прячется редко. Ворот, а иногда и зарукавья (запястья) обшиваются

синей или красной, не узкою, тонким гайтаном оторочкой (не дорогою тесьмой), а для застежки ворота пришивается с петелькою медная или бело-фарфоровая пуговица или же завязки (ленточка).

Портки или *порты* (подштанники) шьются вроде широких штанов, немного разве поуже их, причем *угузье* (зад) делается отвесным. Вместо пуговиц в опушку втягивается гасник (тесьма, называемая подживотником), связыванием концов которого подштанники и держатся на мужике. Они в летнее время заменяют крестьянину брюки: тогда он бьется с работой в рубашке, подштанниках и сапогах без шапки либо в колпаке.

Штаны, зачастую без клиньев и мешковатые, летом носят более в прохладные дни; ежедневно же их одевают редко, и то если крестьянин находится не на работе.

В будни наволакивают на ноги штаны, сшитые женами и родственницами из бело-толстого холста, набивки, пестряди, нанки, халатного и матрацного тика, бумажных трико и крестьянского серого сукна. Штаны же праздничные приготовляются из плиса и по возможности из тонкого фабричного сукна, такие штаны одевают при красной рубашке. У штанов праздничных пришиваются по бокам карманы, у рабочих же брюк карманы бывают редко. Гульфики у брюк не застегиваются на пуговицы, и они не длинны, разве только у новомодных. Рубашка не закладывается в штаны, а выпускается сверх их. Штаны же спускаются в сапоги. У них бывают продольные карманы.

Панталоны суть настоящие почти брюки, мода которых принята образованными людьми. За них закладывается рубашка, и их носят на подтяжках (тесемках с пряжками) в праздники молодые парни, бывавшие в Питере. Это — фавориты в своем обществе, титулующиеся *питенбурами*. Они действительно ходят щеголевато, и потому имеют первое место у деревенской девушки и в почете, и в мысли. Такие брюки называются еще *шароварами*. Некоторыми, для тепла, они шьются с подкладкой из холста. Бывают карманы.

Жилетка (жилет) — обыкновенного покроя, двухбортная, то есть с двумя рядами петель и нашитых медных или стеклянных пуговок или обтянутых разными 3 материями костяжек, с прямым стоячим воротником, с карманами и без оных. Жиле-

ты употребительнее полосатые и считаются роскошью; жилеты доходят до талии, застегиваются под подбородком.

Материалы для них идут: плис, полубархат, разные материи, разносортные сукна, нанки и трико, а для спинок: коленкоры, демикотон и нанка. Носит не каждый крестьянин.

Сермяга из самодельного серого или белого сукна шьется с талией и стоячим узким воротником, по бокам прорезы для карманов, хотя карманы редко пришиваются, по серому фону воротники иногда окаймляют полосками тонкого сукна.

Серяк – рабочий кафтан, шьется из сермяжного (более белого) толстого сукна крестьянского изделия, похожего на употребляемое для солдатских шинелей (плащей). Образец его схож с обыкновенным русским кафтаном. Карманы пристраиваются позади, вдоль по складкам от талии; их иногда не бывает в действительности, а одни потайные (ложные) клапаны. На груди до талии на одной левой стороне ряд медных либо оловянных пуговиц, а на другой по бокам ряды зашпиленных петель; рукава бывают неширoки, и, чтобы зарукавье не билось, [их – *Прим. ред.*] обшивают кожею. Летние серые кафтаны шьются без подкладки; по изнанке же борты обшиваются сапожными тесемками.

Сарженник – тоже серый кафтан из грубой крестьянской саржи. Зипун из грубого холста, не белого, затканного наполовину шерстяной пряжей.

Понитoк, или *шабур,* – то же самое. Шьется он из довольно плотного серого холста домашнего изделия.

То же, верно, *сукманинник* – кафтан из сукманины, в котором основа из конопляных ниток, а уток из шерстяных.

Все три кафтана – самые употребительные вещи из гардероба поселянина.

Сибирка – форма сюртучная, но гораздо длиннее обыкновенного сюртука, ниже колен. Воротник лежачий. Карманы позади, с четырьмя пуговицами. У сибирок бывают пришиты костяные, роговые пуговицы. Рукава бывают довольно длинные, и у кистей рук пришиваются небольшие пуговицы[60]. Сибирки бывают и на меховом подбое.

---

[60] Пуговицы в нарядной одежде – костяжки, обтянутые сукном или материями.

Банты (партикулярные пуговицы) нашиваются на два борта, остальная часть разреза оставляется незастегнутою. У *сибирки* воротники отложные. Сибирка строится из синего и черного сукон с коленкоровою или люстриновою подкладкою (изнанкою). Ее имеют лишь люди зажиточные.

Казикин (казакин) одинаков с синим кафтаном; только у него подкладывается вата, коленкор, фланель и на других изнанка, которой нет у кафтана.

Казакин шьется хорошим портным из самого лучшего сукна. Иногда у бекешки этой борты, карманы и воротник обшиваются гарусными и шелковыми черными тесьмами. Рукава бывают не коротки. У тальи в юбке делаются сборы (сборка), и оттого лиф обвивается плотно, а юбка делается полной. Карманы бывают от соединения стана с юбкою – продольные к низу; но более их не бывает вовсе.

На казакине бывает один или два ряда бантиков (пуговиц) или ряд крючков и петель. Кроме того казакин снизу затягивается пришитою внутри по спине в талье тесьмою, называемою подживотником.

Казакин – самая нарядная вещь, и как постройка его обходится не дешево, то и имеют его только сыновья богатых и зажиточных родителей. Носят по зиме застегнутым, а летом нараспашную. Всякая одежда застегивается справа налево.

Синий кафтан, суконный либо плисовый, одного израза и выкройки с казакином, с некоторыми особенностями. Кафтан такой еще называется поддевкою. Воротник бывает стоячий полукруглый[61]. Вообще синие кафтаны, казакины и сибирки носит молодежь хорошо живущих семейств или мужики – женатые люди, не беднее.

Армяк (*ермяк*, *ярмяк*, в древности же *ормяк*). Армяки бывают большею частью серые; в Холмогорском же уезде немало синих и черных. Шьется из простого серого сукна. Покроем похож с тулупом. Воротник бывает из синего сукна либо черного тика, отлогий. У отворотов одна петелька и пуговица или металические схваты. Рукава не узки и иногда пришиваются

---

[61] У кафтанов, как и у женских платьев, лифы гладкие, а юбки сборчатые. На стану синего кафтана мелкие сборки.

у зарукавьев отлого из нетолстой кожи. Полы без подкладки и меха; закидываются одна на другую. Самый армяк довольно широк. Его наволакивают на себя более тогда, когда отправляются в путь (как, например, в извоз), дабы было чем летом укрыться от дождя, а зимою прикрыть нагольную шубу от снежного *мокра*. Когда полы закидываются, тогда армяк перепоясывается кушаком или суконною подпояскою. А то армяк носится нараспашку или накидывается на спину вроде того, как носят плащи в других странах.

Куш, или летний *совик,* есть свита из деревенского сукна, но не серого, а более коричневого цвета. Покрой куша такой же, как и покрой зимнего совика. Куш употребителен у жителей, живущих у рек Кулоя и Немнюги, проводящих навигационное время на воде.

Кабат – это балахон или длинная рубаха во весь рост человека. Шьется из парусинного холста с прямым воротом, одевается с головы, затягивается кожаным ремнем. Одевают кабат, когда предстоит мокрая, пыльная или грязная работа: ловить и лучить рыбу, молоть на мельнице, сечь смольные дрова, кузнечить и тому подобное. Притом он натягивается по времени и по погоде или единственно на рубашку, или на кафтан, либо шубу.

Камарник, волосяное забрало – шерстяная либо набивчатая вещь, или холщовый чехол, наподобие кукля. Употребляется для защиты от несносных комаров и мошек. Он обтягивает и покрывает всю голову, а своим капюшоном шею и плечи. К камарникам некоторыми пришиваются для закрытия лица сеточки, сплетенные из конских волос. Тогда он чистая маска.

Теплая рубашка вывязывается деревенским бабьем из разноцветной – красной, синей, желтой и белой овечьей мытой шерсти. Она короче и уже теловой рубашки. Теплая надевается на эту сверху головы. Ворота у ней не бывает.

Белою шубою называется тот теплый кафтан или полушубок до икры и ниже ее, который просто сшит из обделанных набело, но не дубленых сыромятных бараньих шкур, с серым мехом, без покрышки или поволоки. К ней на грудь пришиваются замшевые висячие петлички и на одном левом борту ряд медных либо оловянных небольших пуговиц. Пуговиц на мужской одежде бывает от 4 до 8.

Нагольной шубой почитается такая же овчинная шуба, сшитая из овчин продубленных, и потому не белого, а оранжевого цвета.

Дубленка, она же и *романовский полушубок*, шьется из мягко выделанных и продубленных овчинных шкур овец не местной породы (да хоть бы и не романовских овчарен) серой и черной шерсти — пониже колена, на манер казакина, без отворотов, с опушью из шкуры *нерпы* (род лысунов) или котика (так зовется и шкура морского зайца) по подолу, зарукавьям и по стоячему узкому воротнику плотно сидячему; застегивается плотно около лифа на железные крючки. Рукава бывают отпущены далее длины рук. Грудь на шубе по талью тоже оторочена полосками обшивки в виде квадрата, средина которого испещряется черными нитками либо готяжками — разными узорами. На стану романовок мелкие сборки.

Толуп (*тулуп*) общеизвестен и общеупотребителен даже не у одних простолюдинов. Он шьется из разных звериных шкур; более же мех бывает из черных овчин или мерлушек и покрывается китайкой, нанкой и наиболее сукном. Воротник бывает довольно широкий, откидной, из одинакового меха с полами или из шкурок других дорогих зверьков[62]. В дороге воротник поднимается и перевязывается около шеи платком, а так ходят *настежь* (на растопаш). Тулуп носят из поселян только богатые, зажиточные и *питербуры.* У хороших (что называется богатых) тулупов пола заходит далеко на полу.

Синяя шуба шьется на черном или белом овчинном меху с крышею из синего или черного сукна на манер казакина, а у других кафтанным покроем. Воротник стоячий и лежачий бывает либо узкий и малый, либо большой и высокий. Застегивается наглухо. Воротники у мужских и женских шуб бывают стеганные. *Сермянкою* называется такая же шуба, как и синяя, но с тем только различием, что крыта грубым серым сукном крестьянского дела, называемым сукманиною. Сермянку носят люди незажиточные, заботящиеся не о красоте, а лишь о теплоте и прочности. И потому для крепости они бывают кожаные;

---

[62] Зимние шубы у мужчин по воротнику и бортам опушаются иногда барашком.

воротник, карманы, а иногда борты обшиваются тоже кожею, или замшею, или же черным сукном. Вместо модных пуговиц пришиваются медные пуговки с замшонными петлями, как у летнего серяка.

Богатые носят широкие дорогие лисьи и песцовые шубы с такими же широкими воротниками.

Малицы привозятся из-за Печорского края и покупаются готовыми на ярмарках. Это тулупы, сшитые самоедками, вместо ниток оленьими хребтовыми жилами, из 4 или более хорошо выделанных шкур неблюев (молодых тюленей), в виде широкой, мешковатой женской рубахи, во весь рост, шерстью к телу. В дороге малица служит вместо подушки, а не то и вместо постели.

Но малицы шьются еще и туземными крестьянами из овчинных шкур нитками. Малица зашивается наглухо, без разреза, с отверстием только для головы, как кабат. К проходу тому пришивается стоячий двусторонний воротник из *неблюя* по возможности черноватого. С концов рукавов пришиваются из такого же неблюя *ошлога* шерстью наружу. Тут же от ошлогов или и без них иногда бывают пришиты рукавицы из кожи, снимаемой с морд оленей, мехом наверх. К подолу малицы пришивается как бы обшивка или хазы[63], не узкая *панда,* сшиваемая из нескольких полосок черного и белого неблюя, разбивая цвета и поворачивая шерстью на вид; чем более бывает сшито таких меховых полосочек, тем панда шире, красивее и дороже. Подол малицы с наружной стороны обыкновенно бывает выкрашенный красною краскою, получаемой от взвара ольховой коры. Для красивости и опрятности наверх малицы надевают маличные рубашки из *пестряди*, тика, казинета, ситца; на подержанную малицу наволакивается и холщовая рубашка, или просто кабат, служащий летом.

Малицы составляют верхнюю одежду, оболакиваемую (одеваемую) сверху на исподние шубы или собственно на рубашки. Малица очень теплая одежда, и притом легка и не стесняет, а чтоб еще было удобнее, то подпоясывается кушаком. Снару-

---

[63] *Хазы* — ленты, употребляемые для обшивки женских платьев, шириною в два и три пальца.

жи маличных рубашек у мужчин иногда устраивается один или два кармана, иногда с клапанами.

Совик, или *куш*, тоже привозится сшитым с Печоры для распродажи на ярмарках. Он также шьется самоедскими женщинами жилами. Совик служит для тепла в здешних суровых стужах и одевается сверх малицы — как бы верхняя шуба, взамен тулупа; особенно важность его сознается в дороге. Постройка совика бывает большею частью из белых четырех с прибавком мягких оленьих шкур шерстью наружу, зашитых наглухо, без разреза вокруг, как малица, но бывает шире ее. Обшлага у рукавов пришиваются шерстью вниз; самая же шкура обшлагов раскрашивается баканом и суриком, а на самом конце ошлагов выворачивается к верху опушь. Тут же нередко пришиваются такие же рукавицы, какие бывают у некоторых малиц. Подол обшивается широкою пандой шерстью наверх. От шеи сплошь со станом пришивается меховой *куколь* (шапка), то есть круглый, а не острый, который откладывается назад; во время же холода этот мешок или капюшон накидывается на голову и затягивается около шеи шерстяным красным шнурком, с узлом у лба. Таким образом он закрывает совершенно шею, голову и лоб и оставляет свободным только одно лицо, начиная от закрытых ушей. Капор совика подвязывается шнурком под подбородком.

Женские рубашки, длинные ниже колен, с небольшим разрезом от горла по груди и с неузкими рукавами. Грудь немного из-под них открывается. Сорочки женские шьются из полотна, иортна, набивки, а более из толсто-серого кубового холста. Они бывают или все из одинакового материала, либо до стана из холста, а лиф и рукава из тонкой холстины, портна, коленкора, полотна, набивки, пестряди, ситца, кумача, чтобы из-под сарафанов не было видно грубости рубашки, или же лиф и стан шьются парные, а рукава покрасивее. Праздничные рубашки (разумеется, лучшие из их белья) женщинами оставляются открытыми наверху из-под платьев. Как у женских, так и мужских рубашек у рукавов почти всегда вшиваются под пазухами (мышками) неодинаковые с материей рукавов ластовицы (треугольные вставки). Рукава бывают широкие и такие длинные, что закрывают и пальцы рук. Рукава у женских нарядных

рубашек бывают затканы в красную нитку в несколько каемок. Да и сами рубашки строятся долгие, но не широкие.

Ворот делается прямой от плеч, покуда на них сидит рубаха, без воротника. Ворот и рубаха обшиваются синими или красными тесьмами. У девушек рубашки бывают из белого своетканого портна; но это исключение только для зажиточных. У таких праздничных рубашек зарукавья и подолы украшаются тканью красной нитки, полосками снизу широкими, а сверху узкими, а надонлечья (место рукава на плечах) делаются из такого же материала, как и ластовицы.

Пестрядные рубашки бывают синие и красные, приняты чаще первые. Ситцы на рубашки идут преимущественно с мелкими цветами, полосками и крапинками, а на платья и сарафаны с крупными.

У женщин щегольства более, чем у мужчин. Когда бывает надета хорошая рубашка, женщина, в особенности при работе, без стеснения подымает подол сарафана и затыкает за пояс — и так ходит по улицам. Исподницы у талии укладываются в густые сборки.

Женская юбка сборчатая и доходит до щиколки. Она шьется теплой, из поношенных ситцевых сарафанов или из новых ситцев; бывают и пестрядинные, выстеганные на вате или кудели (льне). Кроме таких теплых юбок шьются и легкие из ручного портна с наподольниками (то есть ткани красной бумаги, такой же, как у женских рубашек) или номазейные (из бумаги). Юбка бывает широкая, с прорехою назади, к раздвоенным концам которой пришиваются завязки, опоясываемые по талье, на коих юбка и держится. Кроме таких завязок к теплым юбкам пришиваются холщовые лифы без рукавов с воротом до талии; разрез зашнуровывается. Для толщины (дородливости деревенской), делающей девицу округленною статуей, она навешивает на себя вдруг две и три юбки, одну на другую, а поверх их сарафан либо платье. Но в устранение такой тяжести для прекрасного пола, да и издержек на заведение нескольких теплых и легких юбок, потихоньку начал втягиваться кринолин. На сенокосе или на поле женщины бывают в одной сорочке и юбке.

Сарафаны. Под именем сарафанов можно считать все носимые не только здесь, но и в других местах деревенскими женщи-

нами платья без рукавов и узкого лифа и как рубахи со станом по грудь, висящим на плечах на *лямках*. Здесь же сарафанами называются сарафаны сшитые: из пестряди (называется пестренным), набойки (называется печатным), ситцев (называются ситниками), касики (называются камчатником), из камлота, канифаса, полумериноса. Сарафаны же из других материалов по своим особенностям не носят названия сарафанов. Подол сарафанов обшивается грубою тесемкою, *подсердечником*.

Синяк, он же и рабочий сарафан, сшитый из осиненного толстого холста. Он иногда обшивается недорогими (мишурными) хазами как по подолу, так и с переду сарафана — от шеи вдоль, в изображение воротового разреза, и также по шее у входов, в которые просовываются руки. Сверх хазов костыч по вороту оторочивается синим или черным шнурком; он также пропускается в два ряда, от груди до подола; *меж строк* этих пришивается одна от одной неподалеку несколько оловянных пуговок. С такими украшениями *синяк* или *костыч* служит праздничным сарафаном не только для состарившихся, но и молодых незажиточного состояния.

Китайник, он же и *шушун*, из синей или черной русской *китайки* — такой же сарафан, как и *костыч*, только *без хазов*. Прочие же: *набивник*, или *набиванник*, *крашенинник*, *кумачинник*, *каразейник*, *кашемирвик* и *гарнитурник* — такие же сарафаны, как синяк, иногда с хазами, а иногда и без них. В отличие от общего названия «сарафан» им дается другое, потому что они шьются:

а) *набивник* — из набивки или синей набойки со звездочками, клеточками, цветами;
б) *крашенинник* — из крашенины, то есть портна, окрашенного черной краской, — холста, на фабриках окрашенного в кубовую лоснящую черную либо синюю краску;
в) *кумашник* — из красного кумача;
г) *карасейник* — из карасея;
д) *кашемирник* — из шерстяной кашемировой материи;
е) *лопотина* — сарафан из шелковой материи;
ж) *гарнитурник* — из гарнитура.

Последний – дорогой сарафан. Лучшие из них, само собой разумеется, носят молодые женщины, а поневиднее – старые бабы, конечно, скряги и пренебрегающие цветом.

Платья бывают разных образцов и покроев, бывают одноцветные, полосатые, затканные. У женских платьев бывает по одному продольному карману с боку. Платья обыкновенно недлинны. Широкие рукава платьев суживаются на кистях. Платья застегиваются у кистей пуговками. Рукава у женских платьев гладкие, округленные на локтях.

Платья строятся из разных ситцев и материи, с талией и с рукавами, которые бывают либо с застежками в кистях (перламутровыми пуговками), либо греческие с фанбарою.

Обтянушка. Это женская куртка по талии или как бы один лиф от шубы с широкими от плеч и узкими у кистей рук рукавами. Строится из цветного ситца, с петельками и маленькими застежками и крючками.

Пониток – мужская, а *воротушка* – женская куртка.

Капот – длинная женская верхняя одежда, выстеганная на вате или кудели, наподобие блузы и зимней женской шубы, с пуговицами от воротника до самого подола, со сборками в тальи и сборами рукавов близ плеч. Капот уже заброшен, и его можно увидеть изредка на какой-либо женке, особенно на солдатках и женах других разночинцев.

Шугай и *сарафан* – суть нераздельные вещи, составляющие штофную пару. Шугай есть нечто иное, как кофта без рукавов, *на парных лямках,* от груди узкая, в подоле широкая. Сарафан – это юбка, поддеваемая незамужними женщинами или молодыми от талии, которую, в свою очередь, закрывает шугай. Подол у ней обкладывается (обшивается) *обложкою* (обшивкою) из блестящих мишурных хазов, иначе называемых *басаментами* [позументами. – *Прим. ред.*].

Штоф – материя с разными цветами и травами, золотыми и серебряными реками, с белыми, синими или зелеными, черными и желтыми разводами. Штофная пара шьется из штофа и покупается готовою из привозных на ярмарки – довольно дорого, так что этот старинный, самый нарядный костюм имеют только женщины богатых семей; часто пара переходит по поколениям на нескольких плечах однокровных дочерей либо бли-

жайших родственников. На штофную пару затрачивают капитал как на вещь неистлевающую и всегда ценную. В случае нужды крестьянин может отдать эту драгоценность в залог.

У бедных же девушек такую дорогую пару заменяет дешевенький китайник либо кумашник с хазами, а шугай заменяет наброшенный на шею платок.

Епанца — свадебный наряд. Ее имеют очень редко. Она шьется из цветного по красной земле [фону. — *Прим. ред.*] штофа, без исподницы. Накидывается на плечи как мантилья и привязывается у шеи завязками из шелковых лент.

Фуфайка — короткий камзол без рукавов, то же, что и обтянушка, только несколько длиннее, посвободнее и с не очень значительным пережимом в талии. Такую курточку носят старые люди. Это та из староверческих вещей, над которыми наиболее насмехаются светские люди.

Телогрейки, или *душегрейки*, почти одно и то же, что фуфайка. Особенность лишь в том, что для тепла старухам подшивается мякотинный (мягкошерстный) мех.

Шубка носится молодыми женщинами незажиточного состояния. Она — обтянушка на меху. У женских шубок частые тесемчатые завязки спереди. У шубок карманы бывают редко.

Опять же, есть другая легонькая шуба — такая же, как у мужиков, синяя шуба с недлинною юбкою от лифа и со сборами, в пережиме; *поволока* (верх) бывает недорога: панчатая, трековая, китайчатая или из обносков. Мех у них бывает заячий или из тонких овчинок.

Женская шуба с бесчисленными складками, или сборами, которую носят замужние жены зажиточных мужей, шьется из черного или синего сукна на различных мехах и походит на капот. Рукава делаются близ ладоней узкие, а в плечах отпущены. У сих шуб воротники делаются косынкой. Талия в *копытцо*, то есть отнюдь не шире самого корпуса. Юбка шубы бывает длинна, до самых пят, и пришивается к лифу в сборах; между лифом же и юбкою вшивается пережим в виде опояски, как корсет. Для выложки и наружных краев пола и рукавов женских шуб мех употребляется такой же, какой на воротники, — или, по крайней мере, схожий. Мех к женским шубам идет и кроличий. Откладной воротник женской шубы богатого дома иногда

покрывает все плечи. Шьются с талией, более или менее пристающей к стану; карманов не бывает. Вообще шуба у шеи узка, в груди и спине широко-кругла, в талии сужена до возможности, а от талии широкая и длинная. Довольно широкие и круглые воротники бывают собольи, куньи, лисьи и черной кошки. От шеи до подола вдоль по правому борту и по концам рукавов нашиваются полоски лисьего, соболиного и куньего меха. До талии шуба застегивается железными крючками, а далее — костяными пуговками.

Полушубка и шубейка — это древняя одежда. Она шьется либо из штофа, или из атласа и гарнитура, на заячьем меху, подкрашенном под вид рыжей лисицы, а также и на неподкрашенном, и на песцах. Воротник пришивается довольно широкий — лисий, соболий и куний. Полы и концы рукавов оторочиваются узенькою опушью неподдельной рухляди[64]. Самый покрой шубейки столь же длинный, как и шугая, но с рукавами; у шеи узко, а в подоле широко; застегивается на завязываемых у шеи шелковых лентах. Белая и нагольная шубы те же, какие носят мужчины.

Малицы уже известны из вышеописанного. Остается прибавить, что они для женщин шьются из более тонких шкур, короче и уже мужских; также на малицы наволакивают: тиковые, триковые и ситцевые рубашки во всю длину этой вещи, от воротника до панды, которые всегда бывают чище и наряднее, чем у мужчин.

Куцавейка (куцевейка). Это дамское на вате пальто с подкладкою, с белым или голубым беличьим с лапками воротником и с такою же в три вершка опушью по рукавам, полам и подолу. Бывают и на теплом меху. Шьются из драдедама, гаруса, камлота и ластика. В употреблении только у близгородных молодых женщин.

Передник — одно и то же, что и фартук; но передник бывает длиннее фартука. А то есть еще особенные, *досельные* (древнемодные): наравне с подолом сарафана и подвязываются под самыми мышками. Передники бывают наиболее полосатые

---

[64] Вообще меха на женский зимний праздничный наряд идут мягкошерстяных зверьков.

и клетчатые, но бывают и цветные. Шьются из пестряди, сарпинок и разных ситцев. Передники одевают поверх сарафана, и служат они украшением. Передники иногда по подолу обшиваются узорами или ленточками. Тесемки от передников, стягивая талию, завязываются спереди узлом. От него-то и спускаются длинные концы с кистями.

Фартук по названию бывает холщовый или толстопестрядный, а также из бумажной цветной или клетчатой материи, и из гарусного, красного, зеленого или голубого цветов. От талии вверх он делается до груди уже, от груди пришиваются тесемки, от которых и висит фартук на шее; от талии вниз он делается шире, так что закрывает перед ниже колен и немного бока; к отширившимся от талии двум кончикам холста или пестряди пришиваются к каждому по одной простой тесемке, которые заводятся назад и, перевязав спину, завязываются напереди у пупа. Фартук носят во время занятий грязными работами и женщины и мужчины. Фартуки бывают со складками, не короткие и не узкие, бывают и кисейные. Кроме того, фартуки бывают с оборками.

Зарукавья прежде были низанные жемчугом. Бывают такие нарукавники, как детские нагрудники, то есть перед опущен по пояс, а зад лишь по мышки.

Нарукавники. Замужние женщины почти всегда, а девушки во время работ, а иногда и так себе, вверху рубашек и сарафанов носят так называемые нарукавники, то есть холщовые либо пестрядинные, или цветные ситцевые рукава, обтягивающие руки с половиною плеч и держащиеся на лямках, или такие, которые, сверх того, закрывают шею и грудь, полы при сарафанах. Наплечники обшиваются по краям шерстяным кантом, а в последнем случае к ним пришивается несколько оловянных или медных — обыкновенных — пуговиц с петлями.

Перейдем к обуви.

Коты (*чевки*) и *бафилы*, или *бахилы*. Это своего рода сапоги. Шьются довольно неуклюже и показываются в виде кота, как будто человек имеет лапы подобно зверям. Для них идет необыкновенно толстая и жесткая скотская кожа, ибо у котов должны быть твердо стоящие голенищи. Подошвы пришиваются выворотные, сильно широкие и далеко выставившие квер-

ху свои бока, без рантов. Бахилы в ступне бывают круглые и с широко-тупыми носками, без каблуков. Промазывают их для прочности дегтем и ворванным салом. Их носят почти все крестьяне. Голенища бывают длинные и короткие.

Бредни-батары (охотничьи сапоги с твердостоящими голенищами), в Курье *ловчаги* (сапоги с длинными голенищами для ловли рыбы), приготовляются так же, как и сапоги. Отличительное у них то, что голенища бывают до поясницы, откуда они привешиваются на ремнях к кожаному поясу. Для крепости подшивается глухой поднаряд, и на носки сверху нашиваются другие наносошники.

Личные сапоги. Черные личные сапоги шьются из кожи домашнего скота: голени (голенищи) из черного (выделанного) опойка, или большой скотины, или же *нерпы,* а почвы (подошвы) из сыромятной, дубленой, но не оскобленной скотской кожи. Сапоги для прочности смазываются дегтем и ворванным салом или вместе тем и другим, как и вся почти кожа и обувь из выделанных шкур. Шьются они единственно вервью и дратвою. Голенища бывают длинные, и не узкие, и красиво спускаются «по-русски», сборками. Сапоги шьются на одной подошве, причем железные подковки у сапог узкие, высокие. В каблуках сапог множество железных шляпочных гвоздей, а по подошвам иногда наколачиваются в боках железные шпильки. Нередко по верху (в вершине реки Пинеги) сапоги снабжаются у каблуков железными подковками, как водилось встарь. В сапоги для тепла и избежания мокра кладутся стельки из сена и соломы. Сапоги с вытяжными каблуками называются подборы. У иных сапог бывают большие раструбы в виде воронки.

Тюни — это род сандалий; прикрепляются к ногам веревками, шнурками и ремнями — туфли, только с задниками. Они работаются из шкур ног убитых коров и быков, оставляя наверху шерсть. Эта летняя, плотно обнимающая станы ног, легкая и мягкая обувь обувается так: штаны засучиваются у пят и прячутся в чулки; на чулки набуваются тюни и затягиваются шнуром; от тюнь пропускаются подвязки, которыми опутываются в переплете чулки и брюки, так что выходит немецкий наряд. Тюни в употреблении у низовцев (волостей вниз по Двине).

Уледи из тюленьей кожи – вроде башмаков с острыми концами спереди и сзади или вроде тюней, но бывают более в размере и с крючковатыми острыми носками. Они надеваются на сапоги и употребляются по лету для ходьбы «на бор» (в лес) за ягодами, грибами и рубить дрова.

Упаки заимствованы от финнов, весьма употребительны в Шенкурском уезде. Шьются из обыкновенной черной кожи. Носки острые, фасон и шов такие же, как у тюней. Тем хороши, что в них зимою ноги не зябнут, а летом непромокаемы. Упаки по покрою похожи на лапти с голенищами. Упаки же бывают с кожаными голенищами наподобие бахил.

Струсни и *поршни* – суть кожаные лапти, похожие на башмаки. Они довольно красивы, потому что округлены вытяжною галошною колодкою из сырой, чисто подошвенной кожи и потом засушены. По бокам на средине пришиваются кожаные ушки, от которых пропускаются веревки, коими обматывают ноги с брюками, заткнутыми в чулки.

Выступки. Это особенная, должно быть, очень древнего фасона обувь. Они не то галоши, не то башмаки. На галоши они будут похожи потому, что шьются из упругой кожи, пришиваются крепко, и каблуки, и *передки* делаются высокие, а каблуки, сверх того, укрепляются порядочным числом больших гвоздей с широкими шляпками, отчего выступки при ходьбе сильно стучат. Сверху передков в проходе ноги края выступков обшиваются красным сукном, выпущенным снаружи на вершок или менее ширины. Выступки считаются нарядною обувью и обуваются в праздники. Употребительны по всему уезду и в особенности у крестьянок верховских волостей.

Башмаки – очень обыкновенная везде обувь, сшитая из черной скотской кожи или из козла и нерпы, с тесемчатыми завязками, подвязываются на щиколке. Носки у башмаков круглые, но шьются и угловатые. Еще носят старинные башмаки из красного или розового сафьяна. По особенностям шитья они переименовываются: собственно башмаки, ботинки, пантуфли, полусапожки или полуботинки.

Парижки – полусапожки, сшитые не из кожи, а из шерстяного вязанья разноцветной крашеной шерсти, из какой вывязывают простые шарфы. Борта и подошвы у парижек обши-

ваются нетолстой кожей. Они бывают без каблуков и сверху завязываются шнурком, как башмаки.

Лапти, или *лапанцы,* плетутся в одноряд из неузких березовых лык или лент бересты. Держатся женщинами только в *обреднюю* со скотом.

Чуни — туфли, плетенные из суконных кромок, лент от розовых концов сукна. Мало употребительны.

Катанцы, или *катанки,* — теплые сапоги, скатанные из белой, или серой, или же черной овечьей шерсти. Их катают в уезде туземные шерстобиты, но немалою частью покупаются на пинежских ярмарках, привозимых из других мест. Для прочности нередко подошвы катанцев обшиваются кожею с рантиками по бокам. В катанки кладут стельки из сена и соломы. Голенища их подвязываются шерстяными поясами у лодыжек.

Валенки — коротенькие катанки, точно глубокие галоши, сваленные из белой или серой и иногда черной овечьей шерсти. Их носят одни женщины. Мужчины же носят там валенки с пришитыми к ним голенищами из крестьянского коричневого или серого сукна — тогда в сгибе ноги голенища те подвязываются подвязками, или гасниками, либо шерстяными поясами.

Тоборы (тобуры) или *тобоки* натягиваются сверх пимов, употребляемых в холодное зимнее время. Это коротенькие *полупимки,* или *полуголенки* (как еще они называются), как бы галоши, сшитые на крутую руку, с разрезами по обоим бокам. Шьются они в Запечорском краю самоедками, из кожи с морд оленей, шерстью кверху. Для мягкости и тепла в тобки накладываются сено и солома.

Пимы. Употребление этой теплой обуви перешло от жителей Мезенского уезда: она нашивается самоедками и вывозится печерцами на продажу в Пинежские ярмарки. Пимы кроятся очень хорошо и хорошо пригоняются к ноге. Шьются пимы из лап оленьих ног, называемых *камусами.* Шитье их походит на *батары:* выше колен, с лоскутками разноцветных сукон в швах — как бы кантами, особенно спереди, и бывают пестрые и узорчатые, а также и без кантов[65].

---

[65] Мне известно, что в пимах есть различие в цветах и потому они делятся на ижемские, пустозерские и усть-илемские.

Лебты (пишутся некоторыми «люпты») устраиваются вроде длинных чулок из молодых тонкошерстных и тонкомездрых неблюев, шерстью к телу. Они и надеваются на ноги взамен чулок, и сверх них натягивают пимы.

Чулки и головки (носки, нолучулочки) вяжутся деревенскими женщинами из льняной пряжи и овечьей шерсти; оттого они называются: летние — нитяными, а теплые — шерстяными и суконными. Чулки считаются роскошью и употребляются в исключительных случаях: при хороводах, на гулянке в праздники, в гостях; бедные носят тряпки вместо чулок. Для *басы* или *красы* чулки у женщин почти всегда белые; для нарядности же окрашивают их голубою или синею краскою, шерсть для вязания чулков окрашивается в разные цвета: зеленый, малиновый, красный и синий. Иногда чулки вывязываются из шерсти со *стрелами,* проходящими от подошвы к верху с обеих сторон ног, то есть по белой земле (фону) вывязываются места из синей и красной шерсти. Но чаще того чулки окрашиваются одной — либо синей, либо голубой — краской.

В народе онучами, портянками, портами и подвертками называются холщовые тряпки или куски толстого холста и сукна, в которые, за неимением чулков, обвертываются ноги при обуви. Иногда же на ноги навертывают куски сукна — так, или в два ряда, или же на чулки.

Исподки или *валеги* (*варьги*) бывают вывязанные из овечьей или коровьей шерсти с одним *пакулем* на рукавице для толстого (одного) пальца. Исподки покупаются и вяжутся домашними женщинами. *Верхоньки* же обложены оленьей обделанной кожей, наволакиваются сверх исподок и шьются из замши и *ровдуг,* скотской и кониной кожи. Верхоньки покупаются в городе и отчасти шьются самими крестьянами.

Вачеги-вачуги, или *мохнушки,* суть рабочие рукавицы у крестьян. Они шьются из шкур оленя, волка, медведя и овцы, шерстью вверх, и натягиваются на руки сверх верхонек и исподок в холодную пору и во время езды и при управлении лошадьми.

Рукавицы черной или желтой замши с подведенными исподками навозятся некоторыми крестьянами из Петербурга.

Рукавки делаются женщинами для себя из старого или нового сукна, также нанки и трико, на мехах: заячьем, беличьем,

кошачьем и других. Суконные рукавицы носятся и мужчинами; у них на ладонях бывает нашита кожа.

Перчанки, или перчатки, более бывают вывязаны из овечьей шерсти, так же выкрашенной, как и на чулки; другие же перчатки носятся лавочные, обыкновенные. Нарядные перчатки носятся из черной замши на пыжичьем меху.

Скажем теперь о *головном уборе.*

У мужчин употребляются черные праздничные шляпы, но *пуховые шляпы* носят не многие из молодцов. Они известны более у городских жителей. У валяных шляп поля обшиваются тесьмою, чаще черною коленкоровою; тулья же у полей отделывается лентою. Тулья у шляп с верхушками, к верху шире.

Полуярковые, валяные из овечьей белой или черной мытой шерсти, шляпы наиболее употребляются в народе на манер прямой, либо с перехватом на верховьи, или же просто как колпак без полей (ровные). По фасону шляп крестьяне верховских волостей зовут *верхотычками* и общим именем — *верхотой.*

Поярковая шляпа — это войлочный колпак; поля у шляп неширокие. Шляпы валяные с широкими полями. Поля шляп немного приподняты вверх; верх их, то есть валяных, кругловатый. Валяные шляпы без полей — это чисто поповские камилавки.

Шапки меховые. Старики носят более русские высокие шапки с широкими и дорогими меховыми широкими тульями и с бархатными накладниками сверху. Бывают так высоки, как поповские и дьяконовские. Они делают пожилых людей почетными лицами. У дорогих зимних шапок верх выдается в виде хлеба; иногда шапки и внутри подбиваются мехом обыкновенной овчины.

Овчинные шапки. Это круглые теплые шапки с меховыми верхами из черных курчавых шкур овец на подкладке. Но кроме тех употребительны бараньи (бяковые) шапки с ушами на манер пыжиковых шапок.

Оленная шапка похожа на колпак с длинными ушами, которые, мало-помалу суживаясь, превращаются в тесьмы, завязывающиеся под подбородком или узлом на верху, чтобы шапка прилегала плотно к голове.

Самоедками называются пыжичьи шапки, шитые самоедками из молодых черно-лисьих пыжиков и неблюев, шерстью кверху и снизу, в две шкурки.

Самоедка закрывает все положение головы в виде скуфьи. От места перед ушами следуют одномешные наушники, сшитые в концах вместе. У пыжичьих шапок, которые не имеют лопастей кос, пришиваются ремешки, которые привязываются под бородой. Иногда шапка и наушники испещряются висячими лоскутками черного, красного, желтого и белого цветов сукон, и у некоторых еще у наушников прививаются простые перлы. Пыжичьи шапки бывают и скуфейками, без наушников.

Фуражки и *картузы* — русские шапки с отвесными, круглыми верхами и с прямыми стоячими околышами. Шапки бывают одинакового материала: суконные, триковые и плисовые. У околыша против лба пришиваются широкие и светлые кондырьки (козырьки), близ которых вдоль по околышу развешиваются либо ленточки и шнурочки с пуговками, либо бисерные перлышки, перепутанные в несколько рядов. По лету старики носят высокие картузы с большим и прямым козырем, обшитым таким же сукном, как тулья и околыш; светлыми пренебрегают: какой околышек, такая и подкладка — плисовая, бархатная и суконная. Козыри у шапок бывают полукруглые; у стариков прямые и длинные, а у молодых наклонные, подогнутые.

Колпаки — сборчатые шапочки. Немало мужчин в летнее время вместо шапок носят колпаки, похожие на спальные, вывязанные из нитяной пряжи или вытканные, либо сшитые из холста. Чело колпака у лба вышивается или вытканнается узорчато-красными неширокими каймами. Под колпаком в тулье бывает холщовая подкладка. На верху головы по середке такой шапочки бывает привешена кисточка. Но бывают колпаки пестрядные со сборами на верху и не одинаковым кружком. Колпаки одеваются на голову, чтобы не падали волосы на глаза во время пилки леса, рубки леса, дров и других размашистых работ.

Треухи в настоящее время употребляются только некоторыми стариками от холода. Шьются они из разных *некорыстных* материалов и на разных мехах. Вообще треухи схожи с старушечьими *чебаками,* вышедшими ныне из употребления по доро-

говизне куньих и лисьих мехов, которыми они облагались. Треух — шапка с тремя отворотами, опускающимися на уши и на затылок, и опушкою по верху.

Женский головной убор составляют:

Головная шапочка, употребляемая некоторыми женщинами, шерстяного, фиолетового цвета, с зеленой каемкой.

Повойник — головная повязка, сшитая из штофа либо из гарнитура, шелковых материй и разных ситцев, а наиболее из кумача и красного ситцу. Затягивается на голове пропущенными от затылка завязками. Многие женщины хорошие повойники носят с косынками вроде кокошника. Поверх повойников завязываются платки, когда выходят на улицу.

Сборник — свадебный кокошник, или *очапок.* Кокошник-кичка, оканчивающаяся длинным острием, торчащим вперед. Он накладывается на голову как шапочка. Спереди имеет нечто вроде козырька, загнутого к верху, лицевая парчовая сторона которого украшается нередко бусами и жемчугом. Тульи кокошника делаются из шелковой материи или парчи, нередко унизываются бисером и жемчугом. Сверху кокошник покрывается красным или малиновым бархатом или же скройкою, то есть кружком шелковой материи. Бархат и полубархат на кокошниках и повойниках фиолетового цвета.

Шамшура — род чепчика, или русского набровника, скуфейка, холстинный чепец. Ее носят под кокошником для предохранения последнего от пота.

Повязка, формы цилиндрической, позади ее висят кисти-ленты вниз по спине. Это тоже кокошник недорогой парчи, но повыше его. Она обкладывается (обтягивается) позументом и выкладывается (унизывается) спереди жемчугом. Верх ее ничем не зашивается. От заду отпускаются лопасти, шелковые ленты (или из других дорогих материй). Повязку носят в торжественных или веселых случаях незамужние женщины на лбу.

Шапки-мезенки заменяют деревенским женщинам капоры барынь.

Косынки. Описанные повязки, по их дорогой постройке, имеются только у немногих девушек из богатых домов. Бедные же девушки вместо них пришпиливают к волосам шелко-

вые косынки (половина платка, разрезанного с угла на угол), оставляя сверху волосы непокрытыми. Они называются *челками* и *пачелками*. Иногда унизываются немного жемчугом. Косынки носят и замужние женщины, но они у них пришпиливаются так, чтобы не было видно волос, и называются *наколками*.

Наколка — род венка.

Головные платки девушки и замужние носят или корабликом и наиболее в виде повязки, и в виде повойника, в один узел, или в треугольник, связывая концы на лбу. Они бывают разнородны, разноцветны, разновелики, и в виде пирога, и разноценны: бумажные, гарусные, кисейные, шелковые, персидские, франчюские, аглечкие; притом клетчатые или цветные, с красными, синими, голубыми и желтыми цветами, с разноцветными мушками и крапинками и непременно с широкими каймами. Они завязываются узлом под подбородком или притыкаются у горла на булавках и закрывают все волосы на голове.

Зимою вместо обыкновенного их убора женщины носят или мужские меховые пыжичьи шапки, или больше теплые *платы*, обматывая ими головы с пропуском концов по шеям назад.

Шалью окутывают голову зимою, оставляя лицо открытым, так что оно кажется как бы в рамке.

В Курье волосы стригут вокруг головы, и напереди старики выстригают скобкой, а молодые носят на косой пробор.

Молодежь вообще всегда старается быть опрятною и чистенькою. Хотя старания казаться красивою иногда компрометируются самою обстановкою, либо мешковатым костюмом, либо неуклюжею обувью. Для щегольства-то одежда и обувь разделяются на ежедневные и особо праздничные.

Молодые мужчины в праздниках вымываются довольно чисто. Не пренебрегают этим и женщины. Ногти у рук и ног срезываются не часто, поэтому нередко они дорастают до когтей.

Мужчины волосы на голове носят с прямым пробором, кружком сзади и скобкою спереди, вырезываемой в ширину лба по тому укоренившемуся обыкновению, что кто делает не прямой пробор волос, тот несправедлив. Однако ж и тут мода портит старину: волосы стали причесывать накосо. Прическа у пинежских мужчин довольно оригинальна. Мужчины немно-

го занимаются уборкой своих волос: зачесывают просто гладко или оставляют свешанными на лоб. Молодые, особенно *петербуры*, причесывают на одно ухо, а пожилые на оба: господствующая прическа последняя. Старики пробора не делают, волосы спереди подстригают, а с боков и сзади пускают с нижней оконечностью уха.

Женщины, особенно незамужние, ведут себя еще чистоплотнее и тоже имеют претензию на моложавость. Они лица свои вымывают до возможной белизны, а загар лица сгоняют сывороткою от творога, потом вытираются насухо полотенцем. Кроме того, лица намазываются белилами, а щеки натираются румянами.

У девиц нет обычая дополнять украшения живыми или искусственными цветами; девиц можно узнать по заплетенной и опущенной косе. Волосы у девиц закидываются за уши. Из-под косынки замужние выпускают букли.

Волосы женской молодежи причесываются гладко. Сперва их расчесывают редкими, а потом частыми гребнями, далее намачивают водою, иногда еще с сахаром или квасом, иногда с солью и пивом, зачесывают за уши, делая прямой по носу пробор; космы (как сами говорят) заплетают в одну косу шелковыми, довольно длинными и яркими лентами, которые завязываются бантом; при бедности же косоплетки бывают из простых тесемок. Коса выпускается на спину из-под косынки или платка. Но когда девушки надевают повязки, или челки, то по старинному обычаю не заплетают себе кос, а волосы распускают по голове, расчесав их гладко. Искусство плетения кос состоит в том, что из трех косиц, лучеобразно расположенных, крайние две завертываются с одной стороны на верх, с другой же вниз, средняя же служит основою. Одна коса свидетельствует о свободе девушки; две суть доказательство, что она принадлежит уже не одной себе.

В будни девицы заплетают косы в косоплетки как можно туже, а в праздник как можно слабее, чтобы коса казалась шире.

Наряд нестарых замужних женщин от наряда незамужних отстает в праздники немного и только отбрасывается излишняя роскошь. У них девичья коса расплетается на две косы, свя-

зываемые внизу концами одна с другой посредством тесемки, и косы обматывают вокруг головного шара в виде венка, а на голову с первым днем замужества жалуется кокошник, который закрывает все волосы; да и вообще, головной убор замужних закрывает волосы, исключая разве причесов, опускаемых на лоб нарочно из-под косынки.

Чем более лет женщина бывает замужем или мужчина женатым, тем наряд их делается скромнее, тем они делаются небрежнее к себе и своей личности — как отцы и матери, занятые содержанием семейств и устройством хозяйства. Хорошее одеяние замужние женщины надевают редко: они сберегают его для своих дочерей.

К шейным украшениям относим: *кресты*, они бывают деревянные (кипарисные), медные и серебряные массивные; висят на шеях мужчин и женщин на шелковом гайтане, или ленточке, называемой *юшаном и шканцем*, или же (у женщин) на серебряной широкой цепочке; на том же гайтане привешиваются: талисман в пуговках или в тряпке и медная или костяная уховертка (ухочистка), то есть ложечка для отделения в ушах накопившейся серы.

Серьги служат украшением женщин, но сережки носят и некоторые мужчины (более по одной). У богатых женщин серьги бывают из жемчужных ниток, а победнее — серебряных или других дешевых металлов (томпака, бронзы и прочих); короткие жемчужные серьги называются *пясами*, а длинные *петлями*. Серьги (обыкновенно пара) вдеваются в уши в виде колец и пуговок. Мужчины носят серебряные сережки в котором-либо одном ухе, для чего в каждом ухе еще в малолетстве прокалывают в нижней мягкой части дырочки. Чтобы проколотое ухо не заросло, вдевают сотканный из ниток шнурок.

Запонки употребляются иногда у воротов женских рубашек вместо пуговок. Бывают в серебряной оправе.

Запястье, снизи, или простые браслеты из недорогого в несколько ниток жемчуга, носят при кругах девушки богатых родителей. Запястья прежде были низанные жемчугом по атласу [АГВ 1869: № 12].

Наборошниками называется жемчужное ожерелье, то есть скатный жемчуг, навешиваемый на шею девушкою богатой

семьи на тоненькой ленточке. Наборошники из бисера бывают так густы, что кажутся воротничками. Широкие ожерелья, равно как и большие серьги, довершают богатый наряд женщины. Ожерелья прежде были жемчужные, ныне янтарные и из дутых бус.

Перлы и перлошки — монисты или бусы. Это наборошники бисерные или из простых отшлифованных стекол, вздетых на гайтан. Они вешаются на женскую шею и заменяют кресты с цепочками — или же вместе с крестами.

Ленты висят у повязок, шубеек, епанчей, фартуков; ленты заплетаются в косы. Ленты в косах девушки ниспадают поверх плеч, и вообще ленты служат важными украшениями праздничного одеяния крестьян.

Галстук (*галстух*) у мужчины состоит из шелкового или бумажного платка, обвязываемого около шеи на один или на два раза с узлом, либо прямо напереди, либо косо-набоку, либо назади. Также галстухом служат наматываемые на шею *сетки* — простые шарфы, связанные из разноцветной шерсти. Но вообще к галстукам крестьяне, кажется, не охотники, даже питают к ним отвращение: они не стягивают шеи и потому болтаются, как веревки.

Кроме того что платки составляют для мужчин галстух, а для женщин головную повязку, они, белые и красные, носятся: первыми — в карманах, шапках и шляпах (и называются носовыми), а последними — в руках и за пазухами (и называются *ширинками*, но ширинки только, по-видимому, заменяют носовые платки и сверх того накладываются на шею). О праздниках каждый, исключая очень бедных, имеет цветной носовой платок; из тщеславия молодые люди любят выпускать хвостики платков из карманов. Парадные платки на шеях шелковые, иногда набивные; в хорошем житье молодые девушки имеют носовые платки с кружевами. Всякие платки обрубаются, то есть обшиваются по краям. На улицах девушки спускающиеся концы платков закладывают за пояс. Таким образом, плечи и шея сзади остаются закрытыми, а шея спереди и грудь, увешанные перлами и жемчугом, остаются открытыми.

Шали. Это фаты и пледы, простые и с бахромами, называемые шалями и платками. Они бывают бумажные, гарусные,

шелковые; у очень зажиточных ковровые и бухарские. Шали вообще накидываются на плечи и скрещиваются на груди, пришпиливаются более или менее дорогими булавками или же затыкаются за поясы и передники. Фата, закрывающая невесту, называется *гомылькою.*

Огонки, или хвосты, носят женщины для прикрасы и тепла при зимних шубах. Они обматываются вокруг шеи — и концы спускаются висячими спереди до подолу или же завязываются у тальи, — и концы висят сзади. Это простые беличьи черные хвосты *кругляшом,* короткие, так что, связанные в концах, они накладываются через голову на шею, как галстух или ошейник (так называется).

Кольца и перстни носятся только на правой руке на указательном, среднем и четвертом пальцах. Кольца с гладким металлическим ободком, а перстни со вставками и приклепками, украшенными вензелями.

У мужчин они бывают серебряные, а у женского пола серебряные, медные и томпаковые; но у тех и других бывают и золотые, с дорогими или недорогими вставками.

Пояс — непременная вещь христианина. Рубашный пояс затягивается просто (нетуго). Пояс носят женщины сверху верхних сарафанов, а мужчины сверху теловых рубах. Пояса (у мужчин) рубашечные бывают или серые, или красные; кроме шерстяных мужские поясы бывают нитяные — полосатые, с желтыми, синими и красными полосками. У мужчин опояску составляет бумажная или шелковая неширокая ленточка или тканый шерстяной пояс. Опоясываются на рубашке в один ряд; концы поясов вообще висят. На пояс мужчины нередко привязывают: ключи, медный или роговой, либо костяной гребешок или гребенку и кожаную маленькую сумочку, унизанную светлыми пуговицами, в которую кладутся деньги, табак, спички или огниво с кремнем и трутом. По верху же одежды носят [пояса. — *Прим. ред.*] всегда из черной юфти или неочерненных подпруг (сырых ремней, идущих на конскую сбрую). Пуговицы на ременных поясах бывают нашиты одна возле другой.

Пояс у женщин узлом относится на правый бок. Пояс заменяет женщинам шнуровку. У женщин пояса бывают толстые

(шерстяные, тканые) и плетеные (шелковые, из разноцветных ниток). Они бывают столь долги, что, опутав на два ряда корпус на сарафанах и платьях по талии, спускаются еще до колен и ниже, концами *с кисточками* или золотыми *маковками,* которые относятся на левый бок. Праздничный пояс имеет длины от 4 до 6 аршин.

Кушаки охватывают талию по верхней одежде. Длинные концы их, украшенные бахромою, свешиваются напереди или затыкаются за перевязь. Кушаки носятся не совсем широкие, цветные: бумажные, шерстяные, гарусные и шелковые; щеголеватый кушак пестрый. Дорожат старинными шелковыми кушаками, называемыми персидскими и также кашемировыми. Концы кушака иногда совсем подтыкаются внутрь.

Ремни бывают из белужьей или упругой скотской кожи. Ими опоясываются в пояс по верхней одежде, взамен кушаков, которые держатся для выхода. Но концы ремней пришиваются — или на гвоздях приделываются железные либо медные пряжки с *хватами.* Пряжки странного рисунка, похожего на образец, который употребляется на пряжках у самоедов, с мифологическими знаками. Ремни нередко обшиваются вокруг медными и оловянными пуговицами, а сбоку их пришиваются железные витые либо кожаные *дужки,* в которые вкладываются топоры; у других же к ремням привешиваются ножны — кожаные и деревянные чехлы для ножей.

Подвязки для чулок бывают или сшитые из лоскутков какого-либо ситца или материи с завязочками, или связанные, или вытканные домашними женщинами из шерсти, как пояса, с такими же для прикрасы кисточками.

Кроме упомянутого крестьяне и крестьянки носят:

а) *Бумажники.* Деньги, счеты и документы хранятся в бумажниках сафьянных и кожаных. Это особенного рода портмоне, с пришитыми ремешками, на которых бумажники навешиваются на шее, на теле под рубашки; сами же они обматываются ремнями и, сверх того, ремнями привязываются плотно около человека. Но у многих такие же бумажники носятся в карманах.

б) Кроме бумажников бывают разного рода кошельки.

в) *Кисы* — дорожные саквояжи, длинные и довольно просторные, сшитые из нерпичьей или скотской кожи. Затягиваются сыромятными длинными ремнями в ушках с кисточками и иногда замыкаются на замки. Сверх того, что берут в дорогу на лошади, их носят за плечами как мешки на лямках.
д) Матерчатые кисеты для курительного табака — украшаются клеточками и бахромками, а их язычки, через которые шнуры пропускаются, вышиваются фигурами аллегорического значения.

В Усть-Пуе рабочая одежда у мужчин зимою: шуба или полушубок овчинного меха, не покрытого сверху ничем, кожаные или катанные на ногах сапоги и суконная на голове шапка малопыжичья. У женщин: тот же полушубок, сарафан шерстяной или портяной крашеный, на голове и на шее платок, на ногах башмаки или катанки. Летом у мужчин серый кафтан или полукафтанье, на ногах сапоги, на голове поярковая шляпа. Праздничный же наряд у мужчин такой же, только преобразуется он в черный вид, в синий кафтан или сибирку суконную или нанковую, на голове суконная шапка или шляпа; у женшин: ситцевый сарафан или ситцевое и гарусное, даже шелковое, платье, гарусное и шелковое пальто, у девушек большею частью косынки, на шее шелковая или гарусная шаль, на ногах кожаные полусапожки. Одним словом, в праздничное время, мужчины и женщины, особенно девушки, — каждый по силам своим старается отличаться щегольством наряда.

Так как тулгашане — народ не бедный, то и одеваются они довольно хорошо. Одежда мужчин летняя, если день праздничный, — рубашка из кумачу, по-ихнему «аглицкого»; плисовые или суконные шаровары; сапоги, а у некоторых и так называемые бахилы; кафтан из черного или серого сукна, шелковый или гарусный кушак и картуз; а если день простой — рубашка и исподницы из толстого портна, бахилы, сукманник — кафтан из сукманины, в которой основа из конопляных ниток; шапка или из овечьей шерсти шляпа, ремень и кожаные рукавицы (по-ихнему еще — «вачеги»).

Зимняя одежда мужчин, если праздник, — те же рубашки и шаровары, катанцы, шуба или тулуп, покрытые сукном, те же

кушаки, шелковый или гарусный, из платка галстук, меховая шапка, или бухарка — шапка из пыжиков, и верхоньки — рукавицы, обложенные оленьей обделанной кожей; а если простой день, то та же, какая одевается и летом, только с исключением верхней, которую в зимнее время составляет голая шуба. Летнюю одежду женщин замужних и девиц составляют: рубашка из портна, у которой рукава из одного ситцу, а намышники (наплечники) из другого; сарафаны — крашенинник из портна, совсем окрашенного черною краскою; набиванник из портна, набитого разными фигурами и цветами, — ситник, кумачник и лопотина — сарафан из шелковой материи[66]; кафтан из черного сукна на какой-либо подкладке и сукманник; голову прикрывают в праздник кокошником и шелковым платком, на ноги одевают сапоги, а редко коты — род башмаков, к которым приколачиваются модные подборы (каблуки); а зимнюю — все то же, исключая верхнюю одежду и обувь, из которых первую заменяют голая шуба и кошул — шуба же, только покрытая сукном и обшитая кругом мехом какого-либо недешевого зверька, а последнюю каганцы.

Все означенные одежды приготовляются дома из своего материала. Мужчины подстригают и причесывают свои волосы так, как делается это у мужика в полном смысле этого слова; а женщины все вообще редко причесывают их и плетут косы, а собравши волосы назади в одно место, перевязывают их чем-либо. Не в моде у нас, скажут они, плести косы.

В Хаврогорском приходе Холмогорского уезда ежедневная одежда мужчин в летнее время — *понитки* домашнего приготовления из овечьей шерсти и пряжи изо льна, тканые картузы или шляпы покупные, большею частью из коровьей шерсти, сапоги, в зимнее — шубы, полушубки, кафтаны, катанцы, рукавицы, отчасти домашнего приготовления, а более покупные. В праздники одеваются прилично и щеголевато — в суконные сибирки, меховые тулупы. Ежедневная одежда женщин состоит из холщового сарафана, осиненного, набивного, называ-

---

[66] Все означенные сарафаны, надобно заметить, шьются никуда не гоже: весьма узки и до того коротки, что едва покрывают у большинства колени.

емого набиванцем, и кумачного повойника на голове, который неотъемлемое достояние каждой сельской женщины до гроба (повойник, в существе вещи, есть только отличие женщины от девицы). В ссоре или драке, если посторонний мужчина сорвет с головы женщины повойник (или, как обыкновенно выражаются, *окосматит* или *опростоволосит*), считается таковой поступок большим пороком, и женщина несмотря ни на что и невзирая на повод, учинивший ссору, хотя и ею самою, ищет суда и даже платы денег за бесчестие, что, впрочем, редко удается им выигрывать в свою пользу, и большею частью дела такого рода, хотя иногда разбираются сельскими властями, оканчиваются мировою попойкой, которая для обеих сторон не безвыгодна: искательница удовлетворяется, выражаясь *ну хотя опили*. Одежда девиц, как праздничная, так и рабочая, – обыкновенная [для. – *Прим. ред.*] всего Холмогорского уезда; но в настоящее время старинных богатых парчовых юбок, полушубков и коротеньких с дорогими же серебряными хазами и бахромками водится очень мало, а обладательницы оных только дочери богатых родителей. Наряд старинный почти выходит из моды и употребляется только при немногих случаях, как то: к принятию Святых Тайн, в Пасху к утрене и вечерне, при сочетании браком и во время уличных играний во время святок, а вместо старинного наряда носятся девицами платья – отчасти шелковые, а более шерстяные и ситцевые, голова при таком наряде убирается косынкою (не убором или шапочкою), а кругом головы, верх которой бывает непокрытым, косынка сгибается как галстук, и оным голова перевязывается в косу; как и при повязке, вплетается серебряная или мишурная кисть; или же вместо оной ленты шея украшается перлом из так называемого дутого жемчуга, или мелкого бисера.

В Челмохотском приходе одежда в простые дни редко отличает состоятельного от бедного. В будни одеваются мужчины в понитки, армяки серого сукна, сапоги (бахилы) – летом наподобие кучерских поярковые шляпы. В лес летом ходят в березовых лаптях, и также к скоту в хлевы, и около назему в них работают.

Зимою носят овчинные голые полушубки, пыжиковые и суконные шапки, катанки, теплые рукавицы, серые штаны.

Женщины одеваются в будни большею частью в синие набивные холщовые сарафаны и красный повойник на голове, на ногах кожаные простые выступки, иногда же — в пестрядные, с бумагою тканные сарафаны, особенно девицы.

В праздники мужчины одеваются в суконные сюртуки, нанковые сибирки, панталоны суконные, триковые и такие же жилеты. Зимою в овчинные мерлушчатые тулупы иод сукном — ситцевые рубашки, шелковые галстуки, жилеты. Женщины богатые одеваются в гарусные, штофные, ситцевые сарафаны, косынки, повойники — штофные, парчовые, с вышитым золотом или серебром наверху кружочком. Девицы, кроме того, — в повязки, высаженные бисером и дутым жемчугом, носят кофты, шугаи, ситцевые и гарусные капоты, кацевейки, со сборами по талии. Девицы на груди носят перлы из простого жемчуга, янтаря, — на ногах чулки и башмаки даже козловые. Ныне женщины и девицы вместо сарафанов и штофников стали более носить гарусные и ситцевые платья немецкого покроя.

В Пингишах мужчины и женщины одеваются довольно опрятно. В простую пору мужчины летом носят понитки, зимою овчинные шубы короткие, чтобы в работе не залетали подолы. Рубашки мужские делаются с косым воротом, подплечье подшивается подкладкою. Праздничная рубаха всегда бывает красная, которую молодые ребята носят навыпуск с плисовыми широкими шароварами. Сибирки со сборами назади и короткие поддевки, у богатых суконные, а у бедных синие нанковые. Старики носят армяки, камзолы и кафтаны, на голове четырехугольную с меховою выпушкою шапку и полуярковую шляпу; молодые ребята носят обыкновенные картузы и щегольские шапки. Женщины иногда безразлично носят и мужскую одежду, как то понитки, кафтаны и шубу, но большей частью имеют свой особенный костюм. Женская рубашка состоит из подставы, поворотья и рукавов. Подстава бывает всегда из самого дурного холста[67], поворотье и рукава пришиваются отдельно или из тонкого холста и пестряди, или праздничные — из ситцу, кисеи и коленкора. Поворотье рубашное бывает сборчатое, и обшива-

[67] Праздничная нодстава по подолу вышивается красной бумагой, и фигуры вышивают на подоле конями.

ется кругом тесьмою, и именуется остебельем. В простую пору женщины ходят в набиванцах и тканцах, то есть в сарафанах набивных и пестрядных, на голове у женщин повойники преимущественно из красного кумача, а у девиц платок *кокушкой,* то есть завязывается под подбородком.

В праздники женщины одеваются в штофники, шугаи, на голове золотые кокошники или повойники с золотыми кружками. Девицы носят штофные юбки, коротенькие, род безрукой епанчи, обложенной кругом газом. На голове у девиц бывают повязки[68], коса в этом случае бывает навыпуск, и в косу вплетается кисть золотая, серебряная или мишурная. При наряде в коротенькую повязку вороток всегда бывает со сборчатыми короткими рукавами, которые привязываются алыми лентами.

Старухи носят костычи — род сарафана с клиньем, и китаечники, обшитые напереди продольною лентою с пуговицами. На ногах у мужчин бывают кожаные коты, бахилы и сапоги, у женщин ступни и башмаки, употребляются также и лапти — в грязную работу и около двора.

Одежда жителей Курейско-Сергиевского прихода может быть поделена на зимнюю и летнюю, на праздничную и будничную, на старческую и молодеческую.

Мужчины носят в будни зимою — шерстяную рубаху, серого сукна шаровары, овчинный полушубок, теплую шапку пыжичью и катанцы; в дороге одевают овчинный тулуп, нагольный или обтянутый холстом, овчинные рукавицы, а старики реух.

Летом и весною — кафтан серого сукна, старики — пониток, штаны пестрядные или холщовые, сапоги, а старушки — коты; в ненастную и холодную погоду поверх кафтана одевается суконный армяк (орешинской).

В праздники — сибирку, сюртук, брюки на подтяжках, жилет и шапку суконные, суконный армяк или пальто и шляпу, а зимою — шубу овчинную, мерлушечью, а богатые лисью или енотовую, обтянутую сукном, и сапоги с колошами.

Волосы стригут вокруг головы, а напереди старики выстригают скобкой, а молодые носят на косой пробор.

---

[68] Девицы носят одну косу, а женщины две, женщины причесов на вид не выпускают.

Женщины и девицы носят в будни: тканый пестрядный сарафан и передник, полусапожки и кафтанчик из серого сукна или трика.

В праздники — ситцевое, гарусное и шелковое платье, суконную лифную шубу на меху, кацавейку и пальто на вате, обшитые по краям беличьим мехом, а богатые салоп на лисьем и беличьем меху и модную шапочку.

Старики — бедные носят крашенинник (костыч из холста, окрашенного в синюю краску), а в праздник китаешник с длинным, выше грудей, ситцевым передником и выступки-башмаки.

Старухи богатые ситцевый сарафан с кокеткою и рукавами, а зимою тулуп (салопов не носят).

Женщины волосы убирают в две косы, а девицы в одну косу. Старухи носят на голове повойник, в который собираются все волосы, а поверх повойника одевают платок, который связывают на лбу или на затылке; молодые же женщины и девицы носят косынки с перестнем и жемчугом.

Вообще богатые женщины и девицы ничем почти не отличаются в одежде от купчих, разве только не носят кринолина.

Наряды большею частью привозятся шитые, из С.-Петербурга, в котором много проживает крестьян при конторах купцов, или шьются хорошими мастерами в городах Холмогорах и Архангельске.

Обувь мужчины и женщины носят всегда кожаную: сапоги, полсапожки, выступки, коты, ловчаги (сапоги с длинными голенищими для ловли рыбы), струсни (легонькие башмаки с ушками, для страды) — и только в скотском дворе одевают лапти из березы.

В Лисестровском приходе у стариков ежедневное платье зимнее: нагольный полушубок из овчин, катанки, обшитый кожею, и шапочка из пыжика. В этой одежде и в самом деле старик тепел. Он ездит иногда еще и в лес за дровами, и возит воз сена в мороз, и исправляет и другие некоторые домашние работы. Праздничная же, например, для выхода в церковь одежда: полушубок из овечьего меха, покрытый синим или черным сукном, суконный сюртук и полубархатная шапка, обшитая бобром или котиком, или теплая на вате круглая шапка, покрытая сукном.

Летнее платье у старых людей ежедневное: кафтан из серого сукна (праздничный кафтан плисовый или полубархатный с серебряными застежками и цепочками найдется ныне в редкость у двух или трех стариков) и сюртук из черного сукна, и круглая шляпа или шапка.

Старухи носят зимою шубу нагольную, тоже из овчин, и сарафан и повязываются бумажным платком: прежние теплые чебаки вышли из употребления; а в праздничные дни носят шубу теплую на меху или на вате, некоторые с куньим воротником. Летом носят сарафаны кумачные и платья ситцевые и повязываются приличным платком.

У мужчин и молодежи каждодневное платье зимнее: теплая круглая шапка, пальто из толстого фабричного сукна дикого цвета, сюртук из серого сукна; праздничное: пальто на лапчатом голубом меху, а некоторые из богатых носят шубы на лисьем и енотовом меху, покрытые черным сукном, сюртук черного сукна, сапоги выростковые и нерпичьи, а некоторые щеголи носят и калоши.

Каждодневное платье летнее: из толстого фабричного сукна сюртук и из серого сукна; праздничное: сюртук из черного сукна, круглая шляпа или шапка из черного сукна.

Женщины ежедневное платье зимнее употребляют: из бумажной домашней ткани сарафаны, и повойники, и повязки платком вокруг головы для выхода на улицу, нагольные тулупы и бумажные платки; праздничное платье для выхода в церковь и в гости: шуба на меху беличьем или заячьем с куньим воротником, ситцевое платье, шелковый платок и косынка на голове и шапочка с опушью в виде ярки; а также употребляют кацавейки на беличьем меху. Обувь: башмаки, а зимою носят и катанки. Платье летнее ежедневное из бумажной домашней ткани, повойник, обвязанный платком вокруг головы; башмаки и туфли для домашнего обихода. Праздничное: ситцевое платье и шелковое, шелковый платок на шее и косынка на голове.

У девиц платье зимнее праздничное: кацавейка, или сарпальто на беличьем меху с куньим воротником или беличьим, или пальто, покрытое полумериносом (драпом) или шелковою материей, платье ситцевое; голову покрывают шелковым или бумажным платком; ежедневное платье: из домашней бумаж-

ной ткани, шубка, крытая нанкою или саржей, и бумажный платок на шее; обувь: башмаки и ботинки.

Девицы употребляют повязки и венки, по большей части при летних гуляньях, играх и хороводах и при свадьбах.

Платье в Золотице носят следующие: рабочее зимнее мужское платье состоит из малицы. У некоторых только есть своей выделки коротенькие нагольные полушубки. В худую ненастную и мокрую погоду работают все вообще в суконных совиках. Праздничное: зимнее платье у большой части крестьян — тоже малица, только с нарядною, по большей части красного яркого цвета, рубашкою. У молодых щеголей сюртуки на беличьем или бараньем меху с выдровыми воротниками. У стариков старинные, коричневого цвета с серебряными застежками на бараньем меху и тонкого сукна полукафтанья.

Рабочий зимний мужской головной убор у всех вообще — пыжичьи шапки; праздничный мужской головной убор зимою состоит из заграничных котиковых и обезьяновых шапок, картузов различных материй и форм — это у молодых. Старики носят бараньи с маленьким пухом круглые шапки. У некоторых только стариков сохранились четыреугольные, с маленьким бараньим пухом, высокие шапки. Старинные же, вроде боярок (высокие, с бобровым пухом) шапки в Золотице редкость.

Летнее рабочее платье: у всех мужчин рабочее платье летом состоит из сотканных коротеньких кафтанов, понитков и иногда и худых малиц, коротеньких, вязанных из шерсти, своей или норвежской работы, рубашек, у некоторых есть парусиновые или клеенковые голландки.

Головной летний рабочий убор: в летнюю рабочую пору на головах носят или своей работы, или норвежской, разных цветов и форм шерстяные колпаки. На случай сырой и дождливой погоды у многих есть заграничные шляпы. При работах все вообще рубаху складывают в шаровары. Шаровары делают или из пестряди своего тканья, или из покупного тика, или, наконец, из толстой парусины, для того чтобы они были прочнее при работе.

Праздничное: у молодых драповое и суконное пальто, сюртуки всегда из тонкого сукна, брюки и жилеты, иногда и очень ценные, и разное немецкого покроя платье. У пожилых сукон-

ные синего, зеленого, коричневого цветов полукафтанья и тонкого сукна казакины. У стариков своей выделки, черного и серого сукна коротенькие кафтаны.

Праздничный головной убор. На головах носят летом пуховые шляпы и разных форм и материй картузы, иногда даже и теплые зимние шапки. Старинных поярковых шляп здесь никто не носит.

Прическа у всех в кружок. У стариков подрезаются волосы пониже уха, а у молодых и щеголей в полмочки и посредине головы пробор накось. Некоторые из стариков выстригают маковицы. Все же вообще над лицом подрезывают волосы немного повыше бровей, по прямой линии от висков — так, чтобы волосы не мешали только глядеть.

Бороды и усов никто не бреет, кроме щеголей, которые подрезывают бороду едва-едва приметно.

Рабочая зимняя и летняя обувь у всех состоит из бахил. Некоторые только, и то из богатых, носят валяные сапоги, катанки и самоедскую обувь. Относительно обуви и одежды в Кехотском приходе имеются следующие сведения.

Праздничная зимняя и летняя обувь у всех состоит из черных выростковых и опойковых, на одну ногу, сапогов — и, надобно заметить, всегда щегольских. Бахилы шьют вот как: к переду пришивают голяшку — стегами снаружи, чтобы не терло ногу; а потом и вырванную подошву навыворот; когда пришьют подошву, бахил вымочат и мокрый надевают на дерево; потом, пришивши заплату вместо каблука, сушат. Бахилы шьют каждый для себя; над тем, кто не умеет для себя шить бахил, смеются.

Рабочее платье готовится на месте из своих материалов и своими мастерами, а нарядное в городе городскими. Материалы для рабочего платья: сукно, понитки, овчины и пестрядь готовятся на месте, а прочее покупают в городе. Части платья зовутся так же, как и во всей России: рукава, спина, полы и клинья.

Женское зимнее рабочее платье: молодые и старые женщины и девицы зимою носят понитки, кафтаны своего тканья и овчинные полушубки, иногда нагольные, а иногда крытые сукном, крашениною или нанкою.

Праздничный зимний наряд у девиц, молодых и средних лет женщин состоит из короткой, выше пояса, плисовой, на бараньем меху, с беличьей выпушкой шубки. На пирах и в большие праздники молодые богатые женщины и девицы носят парчовые, с цветами или одноцветные шубейки на заячьем или беличьем меху с куньими большими воротниками и выпушкой по подолу, полам и рукавам.

Летнее рабочее платье у всех состоит или из крашеного костыча (сарафана с клиньями), или из ситцевого, всегда красного густого цвета, сарафана.

Летний праздничный наряд у богатых состоит из парчовых холодных полушубков, обшитых по верху и полам хазами. Под полушубочек надевают парчовую юбку, обшитую по подолу широким хазом, или одноцветную, всегда красную, штофную юбку, тоже с хазом на подоле. Ширина и дороговизна указывают на состояние лица, носящего юбку: у богатых хаз на юбке и широк, и дорог, а у бедных и узок, и дешев. У вовсе бедных за юбку и полушубок отвечает гарусный, или хорошего ситца, всегда красного цвета сарафан, тоже обшитый по подолу, но не хазом, а шелковою лентою.

Головной рабочий убор. Головной рабочий убор зимою и летом у женщин состоит из повойника, у молодой замужней всегда красного, из плиса или кумача, а у вдов и старух темного или вовсе черного. По повойнику повязывают в несколько раз сложенный платок — или напереди, кустом (бантом), или узлом назади, но так, чтобы верх повойника было видно. Головной убор у девиц состоит из одного платка, концы которого также завязываются, как и у женщин, только вместо повойника у девиц видны волосы, всегда гладко учесанные.

Женщины и девицы завязываются платком иногда и под горло, такая повязка зовется кукушкой или куфеткой.

Головной праздничный убор. Праздничный убор зимою и летом у богатых женщин состоит из повойника дорогой парчи, а у бедных красной штофи; богатые женщины по повойнику повязывают лаковые, алого цвета, французские платки, а бедные — бумажные красного же цвета.

Головной убор богатых девиц состоит из повязки или шелкового, алого цвета, платка, всегда с кустом спереди. Бедные

повязывают также с кустом, но бумажные и тоже красного цвета платки.

Богатые женщины и девицы в ушах носят жемчужные серьги, а бедные — серебряные. К числу женских нарядов принадлежат еще:

- шали гарусные у богатых, а у бедных платки, которые носят на шеях;
- передники и у богатых, и у бедных из марли и недорогой кисеи; их подвязывают очень высоко;
- жемчуг недорогой у богатых, а у бедных янтари и стеклянные бусы, соврульки или перлы. Жемчуга никто не имеет более ста ниток.

Прическа женщин. Женщины расчесывают голову на две равные половины от лица к затылку, плетут две косы и, положив их кругом головы, скрывают под повойник. Косы у женщин плетутся вниз: пряди волос кладутся одна под другую. У девиц прическа та же, и плетется одна коса, но пряди волос кладутся напротив сверху одна на другую. В опущенную назад косу девицы вплетают косник с мелкими ленточками в будни, а в праздники с бантом-кустишком на конце.

Обувь рабочая летом и зимою у женщин и девиц богатых и бедных состоит из бахил.

Праздничная обувь летняя и зимняя у девиц и женщин состоит из щегольских башмаков — пантуфлей. Богатые женщины и девицы носят по праздникам бумажные и нитяные чулки, покупаемые в городе; бедные — же шерстяные, панские, немецкого вязанья.

Рабочее платье и обувь женщин готовится на месте. Праздничное платье, наряды и обувь покупаются и шьются в городе. Части женского платья имеют такое же название и назначение, как и везде.

Рабочее белье верхнее и нижнее у мужчин и женщин готовится на месте из покупного льна. Мужчины носят верхнее и нижнее платье по большой части из холста. У некоторых только зажиточных белье бывает из пестряд, с ниткой крашенины и полубумажное с ниткой красной бумаги. Праздничное

белье у мужчин бывает или из красного ситца, или из александринки.

Молодые замужние женщины и девицы к холщовому стану пришивают всегда красного ситца рукава. Рукава бывают русские, по самое запястье, и польские, выше локтя. Русские холщовые рукава на концах вышивают красною бумагою. Узоры шитья слишком грубы, они представляют всегда цветы.

Для грязной работы женщины и девицы шьют себе так называемый кабат. Кабатом зовется фартук с рукавами или одни только рукава — нарукавники. Кабат шьют всегда из толстой сандальной пестряди.

Поясов широких ни шелковых, ни шерстяных здесь ни мужчины, ни женщины не носят. Здесь в большом употреблении шелковые пояски, плетеные в виде сеток и называемые сетками.

Относительно платья мужчин и женщин нужно заметить, что оно хотя и дорого, но скромно. Грудь у женщин и девиц всегда закрыта, если не сорочкой, то платком. Мужчины и женщины из пожилых воздерживаются от щегольства и любят скромность. Иные даже и при жизни мужей не носят ни серег в ушах, ни колец на руках, ни янтарей на шее.

Что касается Сумского посада, то жители его одеваются щеголевато. Женщины носят ситцевые, шерстяные, шелковые и даже бархатные платья или сарафаны, ситцевые, коленкоровые или кембриковые нарукавники с манжетами и без них; капоты; летом в праздники и во время гуляний бархатные штофные шубейки, а некоторые драповые пальто. Зимою шерстяные вязаные кофты, вывозимые из Норвегии, обтянутые сукном ватные полушубки, па плечах шелковые шали.

Головной убор замужних женщин состоит из повойника, вышитого золотом, а девиц — из навязанного неширокою повязкою шелкового алого платка с распущенными назад концами, между которыми упадает заплетенная коса с лентой. Мужчины летом носят суконные, большею частью темно-зеленого цвета, на меху кафтаны и пальто; зимою — на меху тулупы и пальто, покрытые тоже сукном. Рабочая или будничная одежда мужчин состоит из серого суконного полукафтана (бострюка) и таких же штанов, кожаных бахил; во время же промыслов одевают

«ловчаки», то есть кожаные штаны или саиоги. Голову покрывают лакированною шляпою или суконным картузом, а в зимнее время, особенно при переездах и на промыслах, — шапкою с наушниками и подзатыльником, то есть кожаным треухом, подбитым волчьим или собачьим мехом; при ясной погоде наушники эти загибаются кверху и пристегиваются на пуговку, старики также носят медвежьи муфты.

Глава IV

Пища и питье

Крестьянская еда в Пинежском уезде: время еды, пища постная и скоромная, повседневная и праздничная, напитки, лакомства. — Употребление табаку. — Пища и питье в Усть-Пуе, в Тулгасском, Челмохотском приходах, в селе Пингишах, в Курейско-Сергиевском, Лисестровском приходах, в Сумском посаде.

Говоря откровенно, крестьяне едят много, с полным аппетитом, досыта, без претензий на вкус и без соблюдения требований гигиены. Они сами говорят, *что наша невестка все трескат — хоть мед, так и тот жрет.* И действительно, они рассчитывают только, как бы содержание обошлось подешевле. Притом не надо забывать, что чем грубее человек, тем больше его еда походит на скотскую.

Но если принять во внимание, что жителями уезда усердно соблюдаются посты, то их можно считать воздержанными в пище. Однако ж и тогда они употребляют хотя не завидные, но здоровые и питательные кушанья. Пища от марта до августа самая дурная из всех времен года.

В образе пищи крестьяне неопрятны. Всякую пищу про семью приготовляют в пекарных печах домашние бабы. Кухмистерство нечисто и нестарательно.

Здешние жители, как и вообще рабочий класс в деревнях, обыкновенно едят 3 и 4 раза в день. Каждый раз считается *вытью.*

1. Завтракают обычно тогда, когда встают от сна: станет заниматься (начнет всходить) на востоке солнце, то есть в 4–6 часов утра, смотря по досугу и работе. Завтрак состоит из шанег и каши. Каша приготовляется густою из житной (ячной) муки на одной речной воде, вскипяченной в чугуннике или глиняном горшке; называется еще водяною (кашею). Кашу едят в скоромные дни на воде же, иногда с молоком, пеною (снятки с топленого коровьего масла) и молоком, а в постные с растолченными проквашенными ягодами: морошкою, клюквою и брусникою — или с соком пареной репы. В Курье завтрак из трески в постный день. Обед продолжается в будний день не более 0,5 часа, в праздники вдвое и втрое долее.
2. Обедают, когда солнце на юго-востоке (потому и ветер с той стороны называется обеденником), то есть в 8–10 часов пополудни; перед тем справляется как бы закуска, а обед уже настоящим столом. В Курье обед и ужин в скоромный день состоит из трески или другой рыбы и молока. В Курье и постный стол состоит из трески, крупянки и на закуску кислой опары (из ржаной муки) или из рассола (испаренной и истолченной репы); зажиточные едят картофель, ягоды и толокно.
3. Паужинают *(паужна)*, когда солнце на юго-западе (и ветер с той стороны SW называется *паужником*), то есть после обеда, обедают другой раз между 12–3 часами после полудня. После *паужны* любят отдохнуть на печи или на полатях.
4. Ужинают, когда солнце закатывается за горизонт, в 6–8 часов пополудни, а летом, когда бывает *страда*, еще позже, в 9–11 часов вечера: стараются отужинать на свету, но зимою ужинают и при огне. Вообще же *ужна ведется* тогда только, когда управятся с дневною работою, которая продолжается до тех пор, пока бывает светло, а летом притом не бывает дождя. После ужина ложатся спать. Встают мужчины тогда, когда женки изготовят для хозяев позавтракать, перекусить маленько. Кушанья подают сперва жидкое, потом густое. Притом наперед рыбные, потом мясные, потом молочные; крупчатое же вообще идет на закуску.

Непременная и основная пища жителей уезда — растительная. Главную пищу составляет, во-первых, насущный черный хлеб, то есть ржаной и ячменный или тот и другой, смешанные вместе, но более ячменный; а во-вторых, рыбная пища. Испеченный из раствора ржаной муки хлеб называется хлебом, а поштучно ковригами. Печение ржаного хлеба бывает в неделю или еще более один раз, потому что будто бы черствый хлеб спорее. Зачерствелый хлеб кладут в печь, чтобы снова сделался мягким. Ржаные ковриги бывают довольно тяжеловесные, от 3 до 10 фунтов. Хлебы делаются круглые и большие. Испеченный из раствора ячменной муки хлеб именуется житником, коврижкою, короваем, коровяжком и мякушкою; а для того чтоб житный хлеб был постоянно мягкий, его пекут небольшими хлебцами почти каждый день, почему некоторые отзываются, что житник — сдобная и мягкая булка (для русака). Ржаной хлеб растворяется или на квасной закваске, или на опаре из отрубей, вспаренной предварительно в печи. Закваска состоит из прокислого хлеба; дрожжи не сообщают кислого вкуса. Хлеб, испеченный из муки непросеянной, называется мякинным; из муки, просеянной через решета, — решетным; из муки, просеянной чрез сита, — *ситным* и *ситником*. Вообще же хлеб зовется овинным. Хлеб разводится на закваске квасной гущи и пивных дрожжях. Печется с солью. Ржаные хлебы валяют, а житные окатывают и кладут в крупники, с которых сажаются на лопаты. Крестьяне некоторые хлеб называют *двойным*. Растворенный хлеб от время до времени подмешивается мутовкой, а пред окатыванием засученными руками. Приготовив к окатыванию густое тесто, стряпка делает лопаткой четырехконечный крест. Когда же начнет окатывать, то из концов креста еще делает по кресту меньшему. Чтобы хлеб не предавался плесени, его разрезают ломтями и небольшими кусками и высушивают в печах, через что он получает название сухарей.

Прочие жизненные продукты называются харчем, то есть приварком, приварки — *заспой,* приправы — *снадобьем.* Что варится в горшке, называется *варевом.* Вообще на харчи крестьяне не взыскательны: был бы им хлеб.

Кушанья приготовляются смотря по времени и разделяются на буденные и праздничные и между тем на постные и скоромные.

Постная буденная пища: хлеб, пустовар, пустова или пусты щи (бурдук из малого количества ячной муки и крупы на воде), тюря (кусочки ржаного хлеба, намоченные в воде или квасе с солью), крошево (из размоченного в квасе черствого хлеба), щерба или селянка (уха из рыбы), уха тресковая составляют первое блюдо обеда в будень и праздник; в жареном и вареном виде рыба, которой едят много, по большой части дешевле мяса. Употребляется морская соленая треска, пикшуй, зубатка, сайда, камбала, палтасина (палтус), сельди, сухая треска (штокфиш), свежие мерзлые наваги и сельди; речная и озерная свежая, соленая и сушеная рыба, редька ломтями и стертая *тертухой* (теркой) с квасом[69], грибы в квашеном виде. Грибы сушат нанизанные на лучины, на сковородах и досках. Соленые грибы едят или так себе в прикуску, или же, разрезав мелко, хлебают с квасом и иногда еще с луком. Грибы для осолки вымачивают в воде и нередко изрезывают в ломти; репа — сырая, печеная, пареная и сушеная[70]; *грибница*, или грибовница (похлебка из сваренных высушенных грибов); *репница* — пареная репа, вымятая и размешанная с квасом (щи из репы с прибавкой житной крупы); картофель, вареный в воде или печеный на углях либо в золе (едят очищенный и не очищенный от шелухи); осоленная и изрубленная капуста с квасом и иногда еще с луком. Кочанную белую капусту заквашивают, кладут тминное семя; овсяное и житное толокно, на квасу разведенное и иногда с ягодами; горошница (щи из русского гороха с прибавкою крупы); травной лук с квасом; свежие, замороженные или вареные кислые ягоды так себе либо с квасом и толокном; опара (густой, кислый хлебальный квас). Приправами к пище в посты служат: постное (конопляное) масло, соль, вода, квас и некоторая огородная зелень. Сверх обыкновенного употребления означенной пищи: рыба, ягоды, губы (грибы), капуста, горох и соль запекаются в пироги и пирожки из теста ржаной и ячменной муки. Поэтому такие

---

[69] Поговорки: «Редька с квасом, редька с маслом, да редька с солью, редька голью, да редька со щами, да редька ломтями»; «Редьку можно есть и с господами, а спать — со свиньями».

[70] О репе прибаутка: «А репа брюху не докрепа».

стряпушки и называются: *колюбяками, рыбниками, ягодниками, капустниками, гороховниками* и *солониками*. Из такого же теста пекутся в корках и без них шаньги и калитки (лепешки); *налистники* (оладьи на высушенных листьях капусты, чемерицы и лапушника), сочни (пресные тонкие лепешки) и продолговато-фигурчатые пироги из ячного теста, разложенные в раскатанные вальком тонко-ржаные из теста корки, пирог с грибами — *губник*.

Праздничная постоянная пища улучшается против обыкновенной очень на немногое и только разве тем, что бывает побольше блюд и кушанья из той же провизии, и они приготовляются как бы повкуснее и приятнее. Прибавляются тогда: *палтусина* — свежая и испеченная рыба, каша из простого пшена, *гричухи* (*гречихи*) и перловой крупы, иногда белый кисель из овсяной муки (заквашенной на отрубях) с ягодами и маслом. Тогда еще побольше бывает шанег и сдобного печенья — колобов из ячменного крутого теста.

В посты по праздникам пекутся ржаные калачи: их делают из заквашенного или пресного теста из ржаной муки; скатавши, обваривают в кипятке и сажают в печь. Они заменяют крупитчатые, и их посылают в виде гостинцев.

Скоромную ежедневную пищу составляют: треска, зажаренная в пресном молоке и масле, а иногда еще и с картофелем или в яйцах, или же холодная с подливой кваса палтусина, камбалы, наваги, сельди запеченные, говяжьи щи (из мяса суп на воде с засыпою, то есть горою житной или овсяной муки, и иногда с рубле́ной капустой); белые или кислые щи (из ячной крупы, забеленные сметаной); вареное и жареное свежее бычачье жаркое — жарково, коровье, баранье и птичье мясо и говядина, солонина с квасом и тертым хреном. Мозгом и мозговыми костями пользуются за обедом не все, а только некоторые старшины; похлебка из коровьих почек; каша (из житной крупы или картофеля); дичь бывает более в похлебке, чем в жареном виде; *саломата* (житная каша с говяжьим салом, вместо масла, называемым *шалегою*), *шалега* — говяжье сало и нетопленый жир в кусках; грибы свежие и соленые в сметане и масле; рубец (скотская полость) с квасом и луком; студень или заливное (холодное) из опаленных коровьих, бычачьих, теля-

чьих и овечьих ног, головы, губ и ушей[71]; зажаренные кишки (внутренности коровы и быка) с начинкою крупы; картофель, сваренный или зажаренный с маслом, молоко в разных видах его и иногда с ним свежие сладкие ягоды. Приправы в кушаньях бывают: вода, квас, соль, молоко, сметана, гретое и пахтусное (пёхтусное) масло. Но надобно заметить, что в простые дни мясные кушанья употребляются у редких крестьян, да и в праздничные немного, ибо филейные места говядины, баранину и дичь они распродают по стороне.

В праздничные скоромные дни приготовление к столу бывает почти то же самое, лишь только в прибавок больше напекается шанег и шанежек (круглые булки, обыкновенно из житного и иногда из ржаного теста, с рыхлой внутренностью, с поджаренной на масле исподкой, и помазанные пенною поливой, то есть сметаной сверху); крупяные (из перловой крупы) шаньги в ржаных корках; расстегаи (продолговатые пироги с пшенною начинкой); сковородники (жидкие тонкие оладьи); олабиши (оладьи в виде круглых приземистых пряников); налистники (скоромные налистники называются наливками: по большей части на сковородке наливается жидко-разболтанная мука); сочни (как бы засушенные блины); блины житные; пресные шаньги (сочни с мучною и сметанною поливою); ватрушки (шанежки из творога в ржаных корках); картофельники (то же, что и ватрушки из картофеля); колюбаки (пироги из ржаного или крупитчатого теста с запеченною в нем рыбою: семгою, сигами, палтусиною и других); жареная дорогая рыбка (пеледи, чиры, сиги, омыли и другие); *скробкие,* или воложные, то есть рассыпные колобки из крутого житного теста на молоке; кисель овсяный с молоком; каши: житная, пшенная и гричушная; яичница из разбитых куриных яиц, сваренных в пресном молоке; сладкие пироги — о праздниках пекут с изюмом или черникою в средине.

Отличительная черта русского пиршества — множество кушаний и обилие в напитках. Так и здесь: для особых храмо-

---

[71] Сперва ноги бросают в печку, в пламя огня, чтобы осадить шерсть, затем нагар счищают ножом и разрубают. Потом куски ног кладут в горшок с налитою водой и ставят в печь в жар; наконец из горшка выделяют кости, а остальной бульон разливают в сосуды.

вых, или великих, и семейных праздников стол бывает приготовлен очень роскошно. Тогда варится, печется и приготовляется всего в довольстве — и постной, и скоромной пищи, разного печенья: ржаного, житного и крупитчатого. В съезжие праздники пьют до обморока и едят до икоты. Приправами тогда бывают: дикий тертый хрен, пряности, стручковый или горошчатый перец, уксус хлебный и простой.

Перед едою вымывают руки водой и вытирают рушниками, а затем молятся пред иконами и садятся за стол. Вместо салфеток подаются полотенца. Ножей и вилок не употребляют: вместо них служат пальцы. Нож, которым режут на ломти хлеб, носит название «хлебный ножик». После обеда снова молятся и благодарят хозяина и хозяйку за хлеб-соль.

После яств большое значение в питании вообще имеют напитки.

Хотя непременную принадлежность крестьянского стола составляет квас, любимым общеупотребительным и обыкновенным напитком для семьи служит чистая вода; но, кроме того, везде в деревнях постоянно на столах бывают выставлены деревянные или каменные кружки либо чашки с белым квасом, который пьют очень часто и помногу, несмотря на то, что он окис или зацветает. Квас делается из ячных отрубей с частицею муки того же хлеба и потому называется *житным квасом.* Квас разводится в лагунах — ушатах с крышками и цедилками. В хороший год квас можно найти у самого беднейшего крестьянина.

В праздники напитки прибавляются: чай, пиво и хлебное вино.

Вино пьют единственно горячее, сивуху.

О порядках при угощении сказано в праздничных обрядах.

Чай пьют с неприятным запахом и более *копорку* (Иван-дзю [Иван-чай. — *Прим. ред.*]), потому что поселяне не признают за достоинство вкус и запах, а лишь бы был *пирной,* то есть густой колер. Сахар употребляется рафинад. Раскольники вместо чая пьют богородскую траву.

Пиво пьют без различия пола и возраста. Оно бывает своего приготовления и варится из ячменного солода, называемого здесь еще и *рощею.* Солод делается так: берется мешок с годны-

ми зернами ячменя и опускается в реку, где он мокнет недели две, то есть до того как будет довольно мочения; у некоторых же мочение бывает при доме, в какой-либо кадке или чану: вода тогда редко переменяется, а под конец сливается совсем. Потом намоченное жито рассыпают в ростильницы или солодовни (описание их относится к «хлебопашеству) и настилают в них толщиною в вершок или два. Солодовни ставят на лавки или на пол так, чтобы солод растился при умеренной температуре воздуха; притом лишают света. Так ячмень держится до месяца, будучи изредка орошаем водою, где он отпускает ростки и срастается. Затем жито теребится (то есть сросшиеся зерна отделяются) и насыпается на печи в некоторые кучи, которые закрываются полностью, и сверх нее накладывают доски, дрова, камни и тому подобные тяжести, для того чтобы пар не выходил, а жито солодилось. В таком положении ячмень лежит одни сутки, а на другие рассыпается по печам, на которых сушится тоже сутки; вообще же высушивается так, чтобы он мог размолоться намелко. После этого жито ограбляется (собирается) в меры (получетверти) и мелется на ручных жерновах и на мельницах так, чтобы солод вышел покрупнее. При варении пива, солод первоначально обваривается в выпаренных (очищенных от дурного запаха) кадках или ушатах. Затем в кадки или чаны наливается горячая вода, а за нею высыпается солод, мешается, и на кадки или чаны накрываются крышки. Спустя немного времени из чанов или кадок сливается в особый сосуд (*куб, чугунник* и тому подобные) сусло, разделяемое еще названием *первак;* потом снова наливается горячая вода, и по истечении известного времени вторично сливается сусло, с прибавлением названия *друган.* Сусло кипятят, не сильно. Варят пиво на открытом воздухе или в срубах, под крышами и без оных. Приготовленное сусло переваривается в железных или медных котлах[72]. Когда сусло кипит, тогда в него всыпается хмель; некоторыми он добавляется еще немного погодя. Сусло кипятят, пока оно совершенно не сварится, для узнания чего и пробуется из поваренок или ковшей. По окончании варки сусло сливается в чаны, или кадки, или

[72] Котлы покупаются сообща деревнею и делаются принадлежностью церквей или часовен, где берутся за вклад денег.

ушаты; в них оно охлаждается, и его тут запускают дрожжами. Когда такой состав начнет *бродить*, пиво разливается в бочонки. Эти помещения спускаются в погреба или подполья. Через неделю или несколько времени пиво получает обыкновенную крепость. Пиво бывает иногда довольно приятное и забористое, так что не пьющие вина напиваются допьяна от одного пива; но более бывает горькое, черное, жидкое, с дрожжами и малопенистое, потому что кладут чрез меру хмелю, не умеют сохранять от окиси и не изучили еще правильного пивоварения. Прежде чем пить вино в праздники, крестьяне выпивают сначала по нескольку оловянников (стаканов) пива. В Пуе в праздник радушно все перегащивают между собою и первое увеселение при этом пиво; *без пива и праздник не в праздник*, говорит поговорка. Пивные дрожжи идут на закваску хлеба.

На севере табак почти столь же необходим, как и пища.

Архангельцев с табаком и его курением первый ознакомил английский капитан Ричард Ченслер, занесенный бурею в Белое море в 1555 г. [АС 1863: 337]. Табак в России скоро пришелся по вкусу и начал быстро распространяться. Архангельск отправлял его во внутреннюю Россию.

В настоящее время и здесь табак, преимущественно листовую махорку в пампушках, стали мужчины употреблять значительно, а у иных привычка к нему обращается в ежечасную потребность, и затягиваются табаком до опьянения или обморока. Молодые люди табак более курят в деревянных и глиняных *трубенциях* (трубках), самодельных *скапиросках* (папиросках) и сигарках (сига́ретках), свертываемых из разной, даже самой негодной бумаги. Некоторые табак курят с размельченною лиственною корою и с вересовыми толчеными ягодами — для крепости, не из экономии. Пожилых же лет мужчины нюхают молотый табак, называя его *сухопутным*. Табак такой держат в берестяных, корковых, костяных и металлических табакерках и рожках. Для придания нюхательному табаку приятности запаха кладут корку лимона и душистые цветы. Крестьяне приговаривают: «Табак да баба — одна забава»; «Кто курит табачок, тот хороший мужичок».

Лакомства крестьян допускаются лишь только в праздники. Десерт у поселян составляют преимущественно: калачи, крен-

дели, пряники и закуски (тоже пряники), которые покупаются в городах или в деревнях у тамошних торговцев и калачниц. Калачи придаются связками (вязанками) по 12 копеечных калачей в каждом или по 6 грошовых кренделей; каждая вязанка продается по гривне (по 3 коп. серебром); покупаются в лавках и калачи — *баранчики*. Кроме того, в тарелках выкладываются и другие пряности, как то: орехи кедровые, каленые, щелканцы и прочие.

В Усть-Пуе в праздники радушно все перегащиваются между собою, и первое их увеселение при этом случае пиво: «без пива и праздник не в праздник» — обыкновенная их поговорка. Употребление чая здесь еще распространяется довольно медленно: из 250 домов в приходе разве только десятая часть имеет чайные приборы, что составляет особенную роскошь, и имеющему самовар невольно присвоятся название «богач» и при угощениях первое пред другими место, хотя вся эта роскошь упомянутого богача ограничивается единственно только праздниками и расходом чаю в течение года какого-либо 0,5 фунта, даже менее. Но стол по возможности требуется самый изысканный: пред каждым гостем, сидящим за столом, нужно, чтоб была целая груда разных масляных *шанег* и *пирогов* всех сортов и видов, кроме ржаного хлеба, присутствие которого тут в такое праздничное время совершенно предосудительно; и на столе несколько (по возможности больше) блюд из рыбы, мяса, у некоторых дичи, белых шанег и прочих необходимостей, приготовленных по всем правилам искусства, могущего удовлетворить местному гастрономическому вкусу.

Гулянья и вечеринки бывают о Святках, с праздника Рождества Христова до Нового года и в день заговенья пред постом Святых Апостолов Петра и Павла, о масленице, и только почти в последний день бывает катание, при пении песен, на лошадях и с гор, не говоря уже, что возлияние Бахусу со стороны мужчин бывает в этот день самое обильное.

Пища тулгасских жителей может быть разделена на ежедневную и праздничную, последняя от первой у большинства мало чем отличается. Ежедневная пища в скоромные дни состоит: из говяжьих и картофельных щей, каши густой и крупяной, толокницы, мучницы, молока в разных видах; в постные дни

из рыбьей ухи и рыбы в пирогах — стерляди, налимов, язенков, лещей, морской палтусины и трески, репы и картофеля. В праздники, которые если случатся в скоромный день, прибавляется к ежедневной — жареная птица, яичница, парное молоко (вареное), шаньги, пироги, колобы, сочни; а в богатых домах и булки; а если в постный — прибавляется к ежедневной пище лишний рыбник. Надобно заметить, что все вообще жители к празднику припасают пищу получше: у всех можно найти говядину, если праздник в скоромный день, и рыбу в разных видах и разных сортов, если в постный. Щи из мяса приготовляются просто: мясо, вода и соль, а у иных к этому прибавляется и крупа; из картофеля — размятый вареный картофель, крупа и вода; каша густая — из ячной муки, которая переваривается с водой и употребляется с молоком и маслом за завтраком; каша из круп — крупа разваривается в молоке; толокница — толокно варится с водой и вкушается, если день скоромный, с маслом коровьим, а если день постный, без всякого приготовления; мучница — ячменная мука, разболтанная с водой и переваренная, употребляется так же, как и толокница (та и другая в горячем виде и с крошениной). Уха вообще приготовляется без всяких приправ, исключая лук, который подается по принесении ее на стол и даже не очищенным; рыбники, или пироги с рыбой, приготовляются так же просто: рыба, какая бы она ни была, полагается в *корку*[73] из ячменного теста; репа употребляется в печеном, вареном и пареном виде (в последних двух вкушается с квасом); картофель употребляется в каше и жарится в масле; жареная птица приготовляется просто и не совсем хорошо очищается.

Питье ежедневное составляют вода и квас, или опара, из ячной муки (квас белый); а также праздничное сусло и пиво, в богатых домах и чай, употребляемый народом вместе с водкой и пивом.

Кушанья, описанные выше, подаются на стол ежедневно, в порядке; а в праздник что бывает у хозяйки напечено и наварено, все набирается на стол и вкушается гостями так, что кому вздумается.

---

[73] Корку называют у нас *оздожьем.*

У жителей Челмохотского прихода домашняя пища в будни более ячменный или пополам с ржаною мукою печеный хлеб, почти ежедневно приготовляемый, из ячной крупы, муки, со сметаною или молоком щи. Из рыб употребляется более морская: сайда, пикшуй, треска, камбала, озерные соленые щуки, окуни, сороги, язи; или уха из сушеной озерной мелкой рыбы. То же почти и в скоромные дни, кроме молока и каши из ячменной муки с молоком и маслом. Мясо употребляется редко, и большею частью овечье или телячье.

Растительная пища состоит только из картофеля, редьки и репы и редко из капусты, привезенной из города Архангельска. Годом — также ягоды, волнухи, грузди. В воскресные дни и праздники особенно едят ржаной хлеб, иногда говядину или птицу вареную, из рыб — вышеупомянутую, яичницу, ячную, иные пшенную кашу, ячные крупитчатые шанги, кулебяки со щукой, палтусиной, зимой же и печерской рыбой. В будни пьют большей частью воду, а богатые изредка квас. К храмовым праздникам варят пиво, и всякий почти из жителей варит более из ячменного солода, но недоброкачественное пиво.

В домашнем и соседнем обращении жители большею частью смирны, но не без исключения. Гостеприимны по состоянию, особенно в праздники храмовые, когда богатые угощают близких родственников кроме хлеба и соли чаем и кофе, да и у ровных жителей [простых. — *Прим. ред.*] ныне стали заводиться самовары с принадлежностями. Воровства бывает мало. Пьянства не видно. Соблюдают бережливость. Усердны молиться и ходить в церковь к службам.

Все жители православные, и ни одного нет раскольника. Посты соблюдают более пищею и питием, и третья часть не исполняет христианского долга исповеди и причастия. Большая часть жителей, особенно женщины, склонны к пересудам, переговорам и держатся разных суеверий и предрассудков, общих в Холмогорском уезде.

В Пингишах Холмогорского уезда в пище и питиях поселяне весьма неразборчивы. В простую пору хлеб пекут из ячменной муки с примесью ржаной — под названием *каровашков*. Каровашки пекутся ежедневно. Ржаной хлеб пекут только к храмовым праздникам, свадьбам под названием *ковриг*. В питье

употребляют воду, квасу вовсе не делают. Пиво из ячменного солода варят к праздникам и свадьбам, как и ковриги. Из харчей в простую пору употребляют пикшуй, у немногих треску, и мелкую озерную соленую рыбу (окуни, сороги); рыбу не варят, а пекут на латках с обильною подливою воды. Варить рыбу считают неспорым. Варят также мучницу, парят репу. Мясной пищи, которая, по-видимому, сытнее, здоровее и дешевле, поселяне, кроме праздников, вовсе не употребляют — вероятно, по неудобству в употреблении и приготовлении.

Праздничная пища: рыбники из разных рыб, загнутые в ячменную или ржаную корку. Рыбников для свадеб или в храмовые праздники напекают от 30 до 60, потому что народу приходит очень много в продолжение трех дней праздничных; всех садят за стол, кто бы ни зашел в дом.

Каша пшенная тоже составляет принадлежность праздников.

Топтун, кашный блин, из житной крупы, облитый маслом, — принадлежность девичьей праздничной ватаги.

Пироги на сочнях из ячменной крупы. Крупу для сего вымачивают в молоке, кладут масло, все это перемешивают и размазывают на сочни, края которых загибают защипом; сочни для пирогов делают продолговатые.

Калитки на сочнях — выливают ячменное тесто, растворенное на дрожжах.

Миловашки — квашенные на дрожжах каровашки из ячменной муки.

Белый кисель из отрубей и мякины.

Пироги, печатанные сочни, калитки, ломти хлеба грудой кладутся на стол против каждого человека. При обедах сперва подают рыбники, тамтусовые, из местной рыбы, язенковые, лещовые, потом из сытой рыбы. После рыбы подают кашу, яичницу и топтун, перед каждой переменой подают водку рюмками или стаканами, и вслед за водкою пиво. В пищу не употребляют медвежины, зайца, козла, свинины; из птиц — кур и петухов, журавлей, лебедей, куликов; из рыб — не имеющих на себе плеску [чешую. — *Прим. ред.*] и во лбу крестообразной кости; но налим исключается из числа нечистых рыб, хотя он и не имеет плески.

В Курейско-Сергиевском приходе пища народа однообразна, изысканности в столе нет. Едят обыкновенно три раза в день, причем в 8 часов утра обедают, в 7 или 8 вечера ужинают.

Завтрак состоит в скоромный день или из крынки молока, или каши-поварихи (густо замешивается и варится ячная мука на воде) с молоком и маслом; а в постный день из трески.

Обед и ужин в скоромный день состоит из треск или пикшуя, щей и молока.

Уха тресковая составляет первое блюдо в будень и праздник. Щи приготовляются из крупы или муки ячной, сваренной на молоке или воде.

Постный стол состоит из трески, крупянки и на закуску кислой опары (из ржаной муки) или рассола (из пареной и толченой репы), зажиточные же едят картофель, ягоды, толокно.

В воскресные и праздничные дни каждая хозяйка стряпает шаньги из ячной муки и приготовляет лишнее против будничного стола блюдо: печет палтусину, яичницу, варит какую-либо кашу.

Говядину едят редко и мало, по непривычке к мясной пище, и покупают ее только к народным праздникам.

Пиво, вино и чай составляют необходимую принадлежность съезжих праздников, а потому и богач, и бедняк все это заготовляют на праздник в изобилии. И чем богаче хозяин, тем более требуют гости изысканности в столе; бедно празднуешь, когда за обедом и ужином перемен по 7 блюд; на богатом обеде бывает перемен от 10 до 13: треска, пироги палтусий, семужий, холодное из рыбы, студень, щи, жаркое из говядины, рыбник, каша, блинный пирог, пожалуй, яичница, сладкий пирог.

Не менее этого приготовят и в постный праздник; за богачом тянется бедняк — и часто тратит последнюю копейку, а иногда и кредитуется, только бы отпраздновать праздник «не хуже людей».

Кроме народных праздников пива не варят и для питья в праздник и будни употребляют из ячной муки или ржаных отрубей — квас. Зажиточные каждый день пьют чай.

У крестьян Лисестровского прихода употребляется ежедневная пища в постные дни: хлеб — большею частью ячменный или житный, в редкость ржаной, похлебка из картофеля

или из других овощей, иногда уха из наваг и сельдей и каша с постным маслом; в скоромные дни: треска в скоромном масле, похлебка из картофеля; в праздничные дни: треска с маслом, уха из окуней или сорог, каша с маслом и палтусина, пироги, шаньги, и молоко, и изредка мясо.

Питье — квас и вода; а в праздники — пиво из ячменного солода и частию водка.

Пища сумлян в скоромные дни:

а) соленая палтусина (жареная, вареная и в пироге);
б) соленая и сухая треска; соленую поджаривают с яйцом в молоке, также употребляют в пироге и варят, а из сухой трески приготовляют щи (с примесью овсяной крупы);
в) коровье и оленье мясо, а также мясо диких птиц: уток, рябчиков, глухарей, тетеревей и других; из мяса коровьего и оленьего приготовляют щи с примесью небольшой доли крупы, а иногда и капусты; из мяса птиц жаркое, а из коровьих ног — студень;
г) варят на молоке кашу из пшена, гречихи, крупы: овсяной, манной и ячменной; чаще же приготовляют пшенную;
д) варят и жарят в масле картофель.

В праздники стряпают из ячменного крупитчатого теста, с подливою сверху — растертым картофелем, пшеном, крупой с примесью сметаны, шаньги или растегаи. Последние отличаются от шанег тем, что имеют продолговатую форму.

Из соленых рыб кроме упомянутых выше употребляются: голень, губатка и семга; а из свежих: налимы, щуки, окуни, сиги, ряпушка, ерши, наваги, сельди и камбалы (из всех поименованных рыб более варят уху и только изредка в праздники делают жаркое).

В посты и постные дни употребляют:

а) горох, который варят с половинною долею овсяной крупы;
б) соленые волнухи и грузди;
в) из ягод: морошку и бруснику (первую едят в будни с квасом, а в праздники с медовым взваром);
г) соленую и свежую рыбу;